

ИЗ КРАСНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Милослав Нарышкин

*из красного
измерения*

БИОГРАФИЯ СЕРГЕЯ МИРОНОВА

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

2009

УДК 882
ББК 86.3(2)
Н 28

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Нарышкин М.

Н 28 Из красного измерения. Биография Сергея Миронова / Милослав Нарышкин. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. — 286 с.

ISBN 978-5-367-01040-4

В книге писателя и журналиста Милослава Нарышкина рассказывается о жизни Сергея Миронова, одного из крупнейших современных государственных деятелей, и его становлении как политика.

Начиная с самого детства автор прослеживает тот путь, который привел героя к вершинам власти.

УДК 882
ББК 86.3(2)

ISBN 978-5-367-01040-4

© Нарышкин М., 2009
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2009

Предисловие

Сегодня много любителей обнаруживать бесчисленные язвы социализма, много желающих публично оскорбить советскую эпоху. Это очень похоже на то, как в Советском Союзе обличали капитализм. Представляемая читателю книга избегает трафаретного взгляда на советский образ жизни. Автор книги Милослав Нарышкин не идеализирует, но и не умаляет достоинств социалистического государства, а особенно в области социальной защиты и образования. Нельзя мазать только черной краской, укладывать в футляр сталинских репрессий эту великую эпоху в истории не только России, но и всего человечества. Надо делать правильные выводы. Потому что современное государство, современная экономика не могут развиваться ни на репрессии, ни на жестокой эксплуатации труда капиталом, а только на основе справедливого общественного договора между всеми

классами общества и справедливого распределения общественного продукта.

Я не случайно так часто повторяю «справедливость». Это ключевое слово в наше время. Оно всегда было главным в российской истории и во многом определяло отношение народа к правящему классу.

Неслучайно это слово — главное в названии партии, которую создал и возглавляет Сергей Миронов.

Справедливая Россия — это то будущее, ради которого стоит жить в этом чрезвычайно жестоком мире.

Жить не по лжи, по справедливости — вот идеал, к которому должен стремиться любой человек, а особенно государственный деятель. Александр Солженицын прав, когда говорит о том, что ложь разрушает любое государство, любую общественную систему, а я добавил бы — и несправедливость как принцип государственной политики убивает будущее.

6

Если вы внимательно прочтете эту книгу, то, думаю, обнаружите, что обостренное чувство справедливости всегда, с детства, определяло характер и поступки Сергея Миронова. Этим он мне очень близок. Потому что и я всегда, будучи и председателем правительства Советского Союза, исходил из этих принципов.

Здесь мы с Сергеем Мироновым — союзники. Нас обоих привлекает социальное государство, в котором роль государства — прежде всего в справедливом распределении созданного общественного богатства, в постоянной непримиримой борьбе с социальным неравенством, с бедностью и нищетой.

Я еще хочу отметить очень важную деталь в судьбе Сергея Миронова. Крушение Советского Союза, как и я, он пережил и как личную трагедию, как крушение

своей карьеры, своего социального статуса, привычного уклада жизни. Но у него хватило характера, воли, энергии, снова начать все с нуля, выбрать совершенно другую профессию, не менее сложную и опасную. Он смог стать политиком с абсолютно прозрачной, незапятнанной репутацией, что само по себе в нынешние времена является большой редкостью.

Автор книги Милослав Нарышкин написал очень необычную политическую биографию. Она легко читается, хотя поднимает все те же вопросы, которые исторически приходится решать каждому поколению российского общества. Может быть, самое главное достоинство этой книги — в ее искренности, очень честном отношении и к судьбе, и к самому главному герою.

Как и в этой книге, в политической карьере Сергея Михайловича Миронова не поставлена точка, а публика, я убежден в этом, потребует продолжения повествования...

Будем смотреть в будущее...

Н. И. Рыжков

Автор приносит благодарность
за помощь в подготовке рукописи
Ольге Земляновой

1

Невский проспект

Фасады домов на Невском проспекте — как корешки фолиантов, по которым можно читать историю Государства Российского.

9

Я как раз загляделся на монументальное здание, построенное в начале XX века архитектором Павлом Сюзором для компании «Зингер». В советские годы здесь, видимо навсегда, поселился Дом книги. В эпоху либеральной экономики не раз пытались выдворить знаменитый книжный магазин за пределы модерновых стен, обшитых дорогими породами камня. Пока не получилось. Хотя и ремонт большой сделали, и на время отселяли торговцев, но каким-то чудом книжные прилавки остались на двух этажах.

Дом Зингера знаменит еще и тем, что в его строительстве впервые были применены несгораемые стальные перекрытия. Потом стальными скрепами была стянута вся Россия — и по вертикали, и по горизонтали. Внушительное получилось сооружение под названием СССР.

В эпоху новых перемен несущие стены били кувалдой, надеясь почти мгновенно, за пятьсот дней, выстроить по самым современным западным технологиям бизнес-центр. И дом Зингера не выдержал бы, и страна развалилась на части. Либеральные большевики ушли со стройплощадки, их сменили прагматичные и уверенные в себе и в своей истории строители нового российского государства.

10

Свободного времени, как у всякого питерского интеллектуала, у меня было много.

«Интересно, — подумал я, продолжая созерцать темные чугунные витые решетки балконов на эклектичном фасаде, — а может быть свободное время в несвободной стране?»

Тут раздался звонок мобильного телефона. Откуда-то из другой столичной вселенной сквозь эфир зазвучал голос моего приятеля Дениса Гуринского:

— Есть возможность написать биографическую книгу...

— Что ж, — сказал я, — в моей жизни было немало интересного, поучительного, увлекательного...

— Да нет, — не без раздражения ответил Денис, — кому твоя биография нужна. О Сергее Миронове.

— А, — выдохнул я, — конечно, о ком еще писать...

Мы договорились, что детали обсудим при встрече.

Я продолжил свой путь сквозь весеннюю толпу Невского проспекта. И вдруг меня осенило. Я отчетливо осознал, какую великолепную возможность рассказать о двух эпохах жизни государства предоставил мне случай.

Жизнь Миронова — отличный материал. То что надо для биографической книги об известном современном политике.

В Петербурге, как оказалось, в девяностых годах прошлого века проживало немало великих людей. И с большинством из них я был знаком, а с некоторыми меня связывали и деловые отношения. Теперь эти люди вошли в историю, а я из нее вышел и вот гуляю по Невскому проспекту.

Так здесь и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский бывали. Все великие прогуливались по главной во все времена магистрали города.

Путин не раз хаживал и бывал здесь в разных домах, в том числе в своем любимом пивном немецком ресторане у канала Грибоедова. Заведение открыл немец из Гамбурга в начале девяно-

стных годов. Немецкое пиво и нюрнбергские сосиски с капустой приносили ему большую прибыль, пока бандиты не забрали его бизнес. Зато у него остались от России незабываемые воспоминания и пышнотелая русская красавица жена. Говорили, что он в Гамбурге открыл русский ресторан, разорился и сошел с ума...

12 Лично с Сергеем Мироновым я не был знаком. И это хорошо. Потому что он оставался для меня чистым листом бумаги. Я стал в уме перебирать других известных петербуржцев... О них можно было бы сочинить не одну книгу, но в силу ряда причин, и личного, и политического свойства, многие главы их жизни пришлось бы опустить или отделаться общими фразами. Да и, честно сказать, они не вызывали во мне особого вдохновения.

А вот Миронов — он производил впечатление честного, открытого человека и политика, за ним не шла дурная слава, в городе он оставил о себе добрую память. У него были враги, и немало. Но никто за все время работы над книгой (а я встречался с разными людьми) не мог, располагая фактами и документами, обвинить его в неблаговидных делах... Он, как Путин, сумел в силу своего характера, своей натуры, своего воспитания избежать многих соблазнов, многих ловушек, которыми в годы приватизации и свободного рынка кишел громадный мегаполис.

— Нет, это здорово! — воскликнул я. — Уже сочиняю в уме первые главы...

Я шел по Невскому проспекту. Дома здесь всегда представлялись мне живыми существами. Каждый из них был великой личностью. Меня всегда удивляли люди, способные легко убить какое-либо, даже самое скромное, здание на Невском проспекте. А ведь это равносильно самому жестокому и бессмысленному убийству...

Если сегодня вы окажетесь на площади Восстания, то будете поражены тем разгромом, который произошел при двух последних губернаторах. Столько домов на Невском проспекте не сносила и советская власть, которая особенно не церемонилась с царским наследием...

Ни у Путина, ни у Миронова не хватило бы духу на подобный вандализм. Они родом из этого города, они всеми корнями своими вросли в его мистическую, прекрасную душу.

Меня всегда удивляло, как люди не боятся истории, как они не боятся остаться в истории политическими карликами с кувалдой в руках.

Через год я переписал заново первую главу. Я убрал пафос и ностальгию по Советскому Союзу. Пусть они останутся между строк.

Как говорила Анна Ахматова о Ленинграде: «Теперь это другой город, в котором я никогда не жила...»

А мы жили в том странном времени, которому я случайно нашел определение. Мы — и я, и

Сергей Миронов, родились и выросли в красном измерении — удивительной реальности, в которой многие законы жизни, все социальное устройство, обычаи, быт, праздники, общественные институты были отличны от остального мира. Словно упал на одну шестую часть суши метеорит и изменил реальность, создав на земле пятое измерение...

Оно, казалось, будет существовать всегда, разрастаясь по всей планете. И вдруг, как от какого-то вируса, мгновенно исчезло...

Тоже, по-видимому, навсегда...

14 Город так же быстро изменился. Невский стал другим: более праздничным, более нарядным, богато одетым в гранитные мостовые, ярко освещенные новыми фонарями...

Но все равно я грущу о Ленинграде, я люблю этот город моей юности...

Мы очень во многом оказались похожи с Сергеем Мироновым. Я вдруг открыл для себя неординарного, очень талантливого человека, очень петербургского... с необычной и увлекательной судьбой, в которой отразились две великие эпохи...

Честно сказать, я не ожидал, что мне будет так интересно работать над рукописью.

Рукописи, как известно, остаются в вечности... Если, конечно, они идут от чистого сердца...

2

Сухое море

Самый запутанный лабиринт — это пустыня. Человек погружается в себя и ищет ответы на главные вопросы бытия. Пустыня определяет судьбу сильных и убивает мелочами будней слабых. Пустыня открывает ворота в большой мир, словно разверзает всю звездную глубину черного, как дно времени, небосвода. Пустыня создает время. Об этом знали древние египтяне и поставили времени памятник — вечно улыбающегося кончиками губ сфинкса.

15

Я спросил в первую нашу встречу у председателя верхней палаты парламента России Сергея Миронова, в его державном кабинете в Совете Федерации, было ли что-то в его жизни, какое-то событие, открывшее, пусть не сразу,

а годы спустя, дверь в тот самый коридор, который привел его на вершину политической власти России.

«Нет, ничего такого я вспомнить не могу», — просто ответил он, вглядываясь усталыми глазами в стену напротив.

16 Но потом он все же рассказал одну историю. До нашей встречи, я почти уверен в этом, он не придавал ей какого-то серьезного значения. Но в мире для избранных (в хорошем смысле — избранных судьбой) такие события, с которых мы и начнем наше повествование, в определенный момент изменяют ровное течение жизни, дают необходимую энергию и поворачивают колею судьбы настолько, что кажется, теперь это жизнь другого человека.

Астрологи исследуют движение звезд, мы же изучаем, читаем непроявленные тексты необычных событий. Может, это излишняя мистика, а возможно, теория, доказательства которой — в усталых глазах одного из влиятельнейших политиков российского государства.

Попробуем перенестись через десятилетия, в 1982 год. Сергей Миронов работает в геологической партии в Монголии от ленинградского научно-производственного объединения «Рудгеофизика». Десять лет он отдаст этой вновь открываемой Россией сегодня стране — Монгольской

Народной Республике. Пять лет — в краткосрочных экспедициях и еще пять — уже постоянно. За три недели до августовского путча 1991 года он вернется в страну, но она уже будет иной. И Сергею Миронову, как и многим другим, придется все начинать с нуля...

Но в 1982 году никто не мог предсказать крушения великой Страны Советов.

Еще жив был Леонид Ильич Брежнев. И хоть генеральному секретарю всемогущей и всеохватной КПСС с трудом удавалось читать съездовской трибуны долгие речи, эпоха застоя была крепка, а танки наши быстры в ущельях Кандагара.

А в каменистой Гоби — самой большой пустыне Азии, занимающей площадь в 1 295 000 квадратных километров, от южной Монголии до Тибетского плато и Северо-Китайской равнины, — наши геологи неутомимо трудились, открывая всё новые месторождения и исследуя уголки «сухого моря», куда не ступала нога человека...

В одном из таких необычных уголков и оказался небольшой отряд геологов.

«Я приезжаю из маршрута, а ребята что-то живо обсуждают. Глаза горят, как будто урановое месторождение открыли. Оказывается, двое наших нашли пещеру. А в ней... Сокровища Чингисхана?! Сказочные богатства из „Тысячи

и одной ночи“?..» — вспоминает Сергей Михайлович.

Они настолько были поражены своей находкой, что не посмели ничего тронуть.

В Гоби горы невысокие. В одном из скалистых отрогов и была обнаружена пещера. Ее не выдалбливали, она не была рукотворной, а имела естественное происхождение.

Геологи — народ романтический и любознательный. В сущности, они всю жизнь ищут клады, только эти сокровища создала сама мать-природа, и называют их очень обыденно: полезные ископаемые.

18 «Дважды нам говорить было не надо. По-армейски, я бы даже сказал по-десантному, мы, восемь человек, вместе с шофером, собрались в этот удивительный поход, и наш газик понес нас по каменистой почве пустыни к сокровищам Али-Бабы.

Каждый из нас, наверное, не раз произносил про себя:

— Сим-сим, откройся...

В те времена, в том геологическом братстве, своеобразном ордене романтиков и трудяг, никто, или почти никто, не думал о личной наживе или о собственном состоянии. Это было какое-то очень необычное ощущение, которое испытывают, например, исследователи и первопроходцы Северного полюса или космических

глубин. Мы были возбуждены, нам мерещились сундуки с золотом и драгоценными камнями из казны великих монгольских завоевателей, захвативших сотни лет назад полмира. Такие переживания наш брат испытывает, когда находит месторождение...

Когда машина остановилась в пятистах метрах от входа в пещеру и мотор был заглушен, меня поразила, в который уже раз, абсолютная, довлеющая тишина Гоби.

Тишина Гоби — поразительное явление. Такой глубокой, бездонной она бывает только здесь. Линия горизонта — это небо, на нем ни единого облачка, и солнце — другое, странное, не солнце пустыни. Оно светит, но не обжигает. Солнце Гоби называют еще „болдохой“. В его ярком сухом свете не пустыня молчит, это тебя заполняет, как формалиновым раствором, абсолютная, совершенная тишина. Ты переносишься в особое измерение, где нет места таким главным для многих сегодня ценностям, как деньги, карьера, власть... Добро и зло здесь зримо ощущаются в своем первородном состоянии, без примесей...

Ты сразу понимаешь: вот это — добро, а вот это — зло, тебя не могут обмануть свои или чужие глаза. Может, потому, что здесь до смерти рукой подать, потому что здесь ты рядом с Богом и дьявол прячется за скалой или барханом...

Тишина Гоби — это долгая молитва, в которой нет слов...

...За пологом, каменным навесом, достаточно глубоким, чтобы под ним можно было спрятаться от дождя, виднелся узкий проход, который вел в другую нерукотворную комнату; еще один коридорчик из нее — и мы попали в полумрак небольшого „зала“. Все помещения пещеры метров по десять, а последнее — чуть больше. По размерам напоминает квартиру в наших хрущевках.

20 Посередине комнаты мы увидели длинный деревянный сундук, над которым изрядно потрудились время. Казалось, дотронься до него — и дерево превратится в труху.

За сундуком у дальней стены стояли три кремневых ружья с шестигранными стволами и истлевшими прикладами. Одно ружье даже с фитилем.

Мы бережно открыли сундук. Там лежали длинные листы пергамента в переплетах из буйволиной кожи, сокровища под стать самой Гоби — рукописные духовные послания. Это были тибетские тексты. Я взял в руки одну из книг, она сама открылась. Жаль, что я не мог прочитать эти письма на пергаментной странице, вздрагивающие у меня в руках от сильного волнения, да если бы и мог, то едва различил бы их в полумраке хранилища. Возможно, там была начертана

буддийским монахом и моя судьба, а возможно, и судьба всего человечества.

Тогда я об этом не думал. Мы не были разочарованы своей находкой. Наоборот. Эти тибетские тексты и ружья в полумраке пещеры нарисовали перед нами драматическую картину, которая, несомненно, разыгралась под ее сводами и окрест. Может быть, в эпоху строительства социализма, когда вождь монгольского народа Чойбалсан громил монастыри в 1937 году, трое монахов (судя по количеству ружей) спасали священные тексты, а может, это было и 150–200 лет назад.

Монахи ушли от гонений в пустыню, жили в пещере какое-то время, а потом или покинули эти места, или погибли от рук врагов. Думаю, что хороший сыщик отметил бы, что ружья остались в пещере. Значит, монахи ушли от нее недалеко, скорее их настигли у скал, где-то поблизости, но они не выдали своего тайного хранилища. Прошло, возможно, два столетия, прежде чем восемь геологов открыли этот духовный клад. И среди них — какой удивительной бывает судьба! — оказался я, ленинградский парень...»

Да, Сергей Миронов, родившийся 14 февраля 1953 года в городе Пушкине (Пушкинский район Санкт-Петербурга), в сорока километрах от Ленинграда, под знаком Водолея, оказался за

тысячи километров, в пустыне Гоби, и там прикоснулся к священным тибетским книгам.

В жизни известных людей всегда есть эпизод, отмеченный особым знаком, который сильно влияет на дальнейшее развитие судьбы, поворачивая ее течение в новое русло. Иногда он настолько незаметен, малозначителен, что выветривается из памяти, исчезает в суете дней и более важных, на первый взгляд, событий. Но приходит время, и, как на перепутье, приходится выбирать дорогу, вот здесь и срабатывает заключенная в дальних уголках памяти энергия. И человек думает, что он не ошибся дверью благодаря своей интуиции и чьей-то подсказке. А на самом деле все уже было определено много лет назад и это предопределение просто ожидало своего часа. Могло и не дожидаться, кто же спорит...

22

Я намеренно спросил у Сергея Миронова о подобном артефакте из прошлого в первую нашу встречу.

Миронов задумался, повернув свою седую голову в мою сторону, в своем кабинете председателя Совета Федерации на Большой Дмитровке, где коллекция кремлевских телефонов соседствует с великолепными образцами минералов.

Мы, как два немолодых римских гладиатора, пытались вспомнить ту весталку, которая привела нас на арену Колизея...

— Нет, — сказал он даже, как мне показалось, с сожалением, — ничего такого необычного я не припомню...

Он не вспомнил в эту встречу прикосновение к тибетским священным книгам в скальной пещере пустыни Гоби. Этот «знак судьбы» остался до поры до времени в глубинах его сознания только экзотической картинкой, необычным романтическим приключением, не более того. Его поколение не приучено к мистике, и даже ее отрицает как что-то объективное, не порожденное неумным человеческим воображением. Таким был и остается Владимир Путин, с которым нас не раз сталкивала судьба в середине 90-х годов. Холодный прагматизм в нем всегда сочетался с принципами, выработанными за годы службы в системе государственной безопасности. Этот сплав, а также его грандиозная воля изменили историю современной России.

23

Миронов во многом другой человек, другая натура, другой характер, на который повлияли самые разные близкие и далекие люди, в том числе и Владимир Путин, и прочие теперь знаменитые петербуржцы из его команды. Но для меня он интересен не только фактами своей биографии, а, честно признаюсь, потому, что он более открыт для такого рассказа, для такой книги, для такого непростого для него эксперимента. Мы с ним пишем правду о своей стране

и о нем самом. И, по моему мнению, это и есть самое ценное во всем нашем, как сейчас говорят, проекте.

Может быть, тибетские рукописи не так уж и много значат в богатой и разносторонней биографии Сергея Михайловича Миронова. Но их печать, их незримая тень лежит на его судьбе, их энергия рождает новые ее повороты, и никто не знает, что и как будет с ним и со страной за очередной горной грядой или желтым барханом...

3

Город София

...До знаменитого Большого Екатерининского дворца, построенного в изящном стиле барокко, было рукой подать. 25

Город, в котором родился Сергей Миронов, переименовали из Царского Села в Пушкин в 1937 году. При всем глубоком почтении к великому русскому поэту старое название как-то солиднее, оно отвечает духу истории и так подходит к этому уютному, красивому городку с населением в 109 тысяч человек.

В 1953 году дворец и парк все еще выглядели как после ожесточенной осады, только через год их начали медленно восстанавливать.

И все же вокруг разрушенного дворца в воздухе витал аромат эпохи русских монархов, их

быта, придворных балов и всего того, что мы называем духом времени. Его не смогли уничтожить жестокие потрясения революционных и военных лет, он сохранился и впитывался вместе с рассказами о юном Пушкине и кровавых самодержавных русских царях. Его тончайший слой не был еще стерт бесконечными экскурсиями и толпами туристов со всего мира.

Немецкие войска едва не превратили шедевр знаменитых архитекторов Михаила Земцова, Андрея Квасова, Саввы Чевакинского и Бартоломео Растрелли в руины.

Кстати, о Растрелли, Сталине и детском под-
сознании.

26

Как-то мы повели с женой и ее подругой детей в Эрмитаж — один из самых таинственных музеев мира. Говорят, что в белые ночи там бродят призраки. Особенно часто появляется сухой, как мумия, старик Пиотровский, ходит из зала в зал, сокрушенно трясет головой, не находя здесь предметов, отмеченных в его длинном пергаментном списке, потом прислоняется к стеклу окна и плачет, смотря на кипящий струями фонтан у стрелки Васильевского острова. Мы отправили детей прочесть на чугунной доске, кто построил этот зеленый с белыми колоннами дворец. Дети вернулись через минуту и радостно сообщили нам, что архитектор расстрелян. Я это

к тому, что даже в новейшее время (эпизод произошёл в 1992 или 1993 году) в детях, которые едва помнили Советский Союз, было спрятано наждачное сталинское время, таилось в их генетической памяти и рождало такие вот прочтения текста на обычной мемориальной доске.

Вполне возможно, что они не были далеки от истины, и если бы Растрелли жил в эпоху стальных пятилеток, то умер бы не своей смертью. Расстрелян во дворе Эрмитажа, как троцкист и левый уклонист от генеральной архитектурной линии партии большевиков, тайно подрывал сталинский амфир. Так бы сообщала нам памятная доска...

На окраине города Пушкина, в трехэтажном доме с башнями на улице Красной Артиллерии в семье военнослужащего 14 февраля 1953 года на свет появился Сергей Миронов.

Как и многие сегодняшние знаменитые политики-питерцы (здесь уместно еще раз упомянуть Владимира Путина), Миронов родился и все свое детство, отрочество и юность провел в коммунальной квартире. Квартира располагалась на первом этаже, и в ней проживали еще три семьи.

Сам комплекс военного городка был построен в 1914 году на деньги (так гласит одна из легенд Царского Села) английского правительства и подарен государю императору.

Квартиры в основном хоть и были коммунальные, но стены еще дышали гусарским, бело-офицерским духом. А во дворе можно было еще найти медные царские деньги.

«У них была большая комната, метров тридцать, — вспоминает друг детства Николай Левичев, который ныне возглавляет фракцию партии „Справедливая Россия“ в Государственной думе, — а потолки высоченные, под четыре метра. Комната была разделена шкафами. Заходили к ним из коридора в дверь, рядом была шторка в чулан отца, а дальше очень светлая комната, в которой жили мама, Сережа и его старшая сестра Марина. Отец с матерью развелись, но он какое-то время продолжал жить с ними, в этом чуланчике. Тогда это были обычные бытовые условия. Так жили почти все».

28

Когда вспоминают ленинградские коммунальные квартиры (а ныне в Петербурге в них живут еще свыше ста тысяч человек), то содрогаются от ужаса, от бытового ужаса совместного проживания совершенно чужих друг другу людей.

Но если нынешние обитатели питерских коммуналок уживаются с трудом (а что им остается делать), то в те годы, когда общежитие было нормой, причем не только социальной, но и идеологической, такой тип организации жизни, такой общественный дом, со своими законами,

правилами поведения и уложениями по ведению общего хозяйства, был одним из фундаментальных принципов коммунистической идеологии. Поэтому никто не ощущал себя ущербным или обделенным жизнью, отброшенным на социальную обочину.

Особенно дети! Это было пусть и бедное, но сытое и счастливое детство, когда ты вместе с ватагой пацанов перемещался из комнаты одной коммунальной квартиры в комнату другой — а соседи и родители терпеливо сносили галдящую, бедокуращую компанию сорванцов.

«Самым большим лакомством для нас был кусок хлеба, посыпанный сахаром», — вспоминает Сергей Миронов.

29

Быт, да и вся внутренняя жизнь коммунальной квартиры, регулировались под руководством ответственного квартиросъемщика. Это был почти демократично избранный член коммунальной команды. Могли, конечно, пойти и поперек общественного мнения, но ведь и никаких преференций ответственному квартиросъемщику его должность не давала. Он так же был обязан дежурить, как и все: убирать места общего пользования — туалет, кухню и коридор, причем делал он все исключительно на общественных началах. Разве что ссоры при этом были делом обычным, но как в любой семье или в какой-либо

исключительной ситуации он брал разрешение конфликта на себя.

О коммунальных квартирах всегда писалось много полуправды, да и откровенной лжи. В том историческом контексте в них проживало в Ленинграде подавляющее большинство народа. Отдельная квартира воспринималась как сегодня особняк с территорией в полгектара на Рублевке.

30 «Мой отец был подполковником, — вспоминает Николай Левичев, — он преподавал в Пушкинском высшем военном училище радиоэлектронику, поэтому у нас были две комнаты на третьем этаже дома, в котором жила и семья Мироновых. В этом же заведении в секторе партийного учета работала и мама Сергея Миронова, которая славилась каллиграфическим почерком. Когда я учился в четвертом или пятом классе, отец сумел добиться разрешения на разделение нашей квартиры на две отдельные двухкомнатные. В 1965 году в Пушкине это было почти чудом, хотя в нашей квартирке мы проживали вчетвером: отец, мать и я с братом, который был старше меня на семь лет».

Быт тех лет был простым и непритязательным. В нем отсутствовало то, что теперь называется качеством жизни, комфортом... Главное, что была крыша над головой, дети накормлены, сыты, одеты, ходили в школу и не хулиганили по вечерам.

Это правда, что никто не задумывался о завтрашнем дне, как теперь, — завтра будет точно так же, как было и сегодня и вчера. Великая кровавая битва с фашизмом закончилась, мы победили, и теперь, как ни трудно, народ под руководством коммунистической партии преодолевал разруху послевоенных лет, отстраивал спокойную мирную жизнь. И как великий романтик, в коммунальных квартирах мечтал о завоевании космических пространств: «И на Марсе будут яблони цвести...»

Первые спутники, полеты в космос — это было что-то такое, что демонстрировало всем, даже восьмилетним Сереже Миронову и Коле Левичеву, что великая идея светлого будущего (как тогда называли коммунизм) совсем рядом, она не выдумана боролатыми дядьками, она так же реальна, как королёвские космические ракеты и возглас Юрия Гагарина в кабине стартующего в космос корабля: «Поехали!»

Завтра будет коммунизм!

И мы, дети, спрашивали у взрослых, как же это так, неужели можно будет прийти и взять в магазине все, что захочется...

«Ну, как-как, вот так и будет, — как-то недоверчиво улыбались взрослые, — через двадцать лет, как сказал генеральный секретарь нашей партии Никита Сергеевич Хрущев, наступит коммунизм, и точка...»

И эта вера, вера, что мы строим самое справедливое общество на земле и уже сегодня в нем живем, она заставляла совершать многих людей благороднейшие поступки и жить по таким нравственным законам, какие теперь немислимы зачастую и в монастырской среде.

Странно: при богоборческой символике и идеологии глубокая христианская этика укоренялась в толще народной жизни. Я так помню, я это очень хорошо помню, именно так я понимал и видел в те далекие, правда уже не хрущевские, а первые брежневские годы советской власти внутреннюю жизнь общества.

32 И у Сергея Миронова, худенького, но жилистого паренька, тогда, после игр во дворе («сорви-голова», как у всех мальчишек), в руках оказывалась книга «Занимательная геология», зачитываемая им, что называется, до дыр.

Книга была главным учителем и собеседником, а в книгах провозглашались великие принципы бытия, высокие нравственные категории, победа, подчас с трагическим пафосом, добра над злом. Вся русская классика, от Александра Пушкина до Антона Чехова, провозглашала это стремление русского человека, окончательную формулу которого блистательно вывел Александр Солженицын: жить не по лжи. А значит, для десятилетнего мальчика Сережи Миронова любить своих близких, быть честным со сверст-

никами, друзьями, уметь и кулаками отстоять и свою честь, и честь своих друзей, защищать слабых и вести себя как рыцарь по отношению к девочкам являлось естественными этическими принципами.

Мир его детства был гигантским: от захватывающих дух приключений на кладбище, где они, подобно Тому Сойеру, устраивали проверки на мужество и бесстрашие, от превращенного в склад собора Святой Софии до самых далеких уголков Вселенной, в которые звали их не только книги советских фантастов, но и ежедневные газеты...

Как под гигантскими тектоническими плитами, в глубинах земли, происходят геологические процессы, которые формируют кимберлитовые трубки с россыпями алмазов, залежи углеводородов, месторождения золота и других благородных металлов, так и этот необычный мир формировал поколение Миронова, которое, при всех потерях, сумело удержать страну от величайших потрясений и полного распада.

Я неслучайно вспомнил о Софийском соборе. Дом Миронова находился недалеко от этого знаменитого храма.

1 января 1780 года по указу императрицы Екатерины «при Царском Селе, по правую сторону новой дороги Новгородской, а по левую к Порхову идущей, устроить город под назва-

нием София». У города был свой собственный герб. На красном фоне — двуглавый орел, который держал в лапах якорь и горящий факел. Город София и Софийский собор задумывались как своеобразный памятник в честь победы России в Русско-турецкой войне.

Так что неслучайно в этом месте родился Сергей Михайлович Миронов.

4

Золото Пушкина

Случай способен изменить мир. В детстве всё — случайность и в то же время строгая закономерность. Дом, в котором родился Сергей Миронов, как я уже упоминал, строился для офицеров за четыре года до Октября. Строился добротнo, на совесть: так что весь их военный квартал устоял и в революцию, и в Гражданскую, и в Великую Отечественную войну. Дом Миронова — трехэтажный, статный, в желтой штукатурке. Как в столичном Петербурге.

35

Петербург — один из немногих городов мира в северных широтах с оштукатуренными разноцветными, пастельных оттенков, фасадами.

Императрицы наряжали город в цвета своего обширного гардероба.

В офицерском доме на одном из пролетов на лестничной каменной ступени отпечатался след доисторического моллюска. Сергею Миронову было лет шесть-семь, когда он показал другим ребятам эту необыкновенную находку. Он всегда, когда проходил мимо, останавливался и смотрел... Потом это забылось.

Он теперь, может быть, и не вспомнит о столь незначительном эпизоде, который впечатался в его подсознание, как раковина моллюска в камень миллионы лет назад.

Возможно, этот камень и был вынут из каменоломни и положен ступенью для того, чтобы один из мальчишек дома на улице Красной Артиллерии увидел, дотронулся до него...

36

Космос пронизывается миллиардами энергий. В гигантских газовых образованиях вдруг вспыхивают сверхновые звезды, образуя вокруг себя бесконечные, на световых скоростях разбегающиеся поля энергий, новые галактики, новые вселенные и бесконечный мир...

Так и люди, и их судьбы... Можно быть очень умным, очень деятельным, жаждущим покорить мир, но остаться маленьким и незаметным, сытым, комфортно живущим, и, как в чеховском «Крыжовнике», поддерживать иллюзию сладости, когда впору скривиться от кислой, мелкой жизни...

Возьмите Наполеона — как этот маленького роста лейтенант, который родился в Аяччо на

Корсике, сумел не только добиться генеральского звания (что само по себе по тем временам чудо), но дважды покорить Францию, став ее императором, и чуть было не покорить Британскую империю. Как любил говаривать император Наполеон Первый: «В ранце каждого солдата лежит маршальский жезл»...

Возьмем пример из новейшей истории — Путин. Еще можно было допустить, что из подполковника КГБ, заместителя опального мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака он станет известным политиком или даже руководителем крупного мегаполиса.

Но то, что Путин превратится каким-то чудесным образом в политического гиганта, поистине историческую фигуру, вот в эту почти сказку, тот, кто его знал в бытность работы с Анатолием Собчаком, уж точно никогда бы не поверил...

Казалось бы, цепь случайностей привела его на кремлевский трон. Но к трону ведет только жесткая закономерность в сочетании с обстоятельствами, поступками и силой личности. Если исследовать жизнь Путина до Кремля, то можно эту закономерность отчетливо отследить.

О Путине мы еще поговорим. Это еще одна энергия, которая изменила судьбу Сергея Миронова...

На выбор профессии, на любовь к геологии, как и отпечаток моллюска на каменной ступени,

повлияла и одна забавная история, которую любят рассказывать друзья детства Миронова.

Да и он сам не прочь вернуться в те благословенные дни, когда клады спрятаны у вас под ногами, на соседнем пустыре, привидения живут на кладбище и в заброшенных домах, а в укромных уголках парка оживают голоса фрейлин и царственных особ...

38

В его детстве невообразимым образом сочетались старый парк, разрушенный дворец, храм Софии, превращенный советской властью в склад, с черными, закопченными стенами внутри, храм, где молились Суворов, Кутузов, Пушкин и Лермонтов, и разбросанные окрест символы первого социалистического государства — красные звезды, советские гербы, улицы Красной Звезды, Красной Артиллерии, серпы и молоты, лозунги, развешенные на учреждениях города. Этот невероятный сплав царства русских государей, православного христианства и пролетарской диктатуры с богоборчеством и идолопоклонством вождям во многом определил и характер, и взгляды Сергея Миронова, и его жизненный выбор: сначала геология, бесконечные командировки и сотни километров в пустыне, а после краха Советского Союза — блистательная политическая карьера...

Все эти разнополюсные энергии сумели соединиться в нем и создать цельную натуру,

в которой оставались неизменными его абсолютная честность и верность данному слову.

Сергей Михайлович Миронов вспоминает: «Я один из немногих счастливых людей на свете! Однажды, выступая в питерском клубе юных геологов, я рассказал, как в детстве открыл золотое месторождение в Пушкине и в своих руках нес мешок с золотом. Мои юные слушатели застыли от удивления. А взрослые, которые тоже присутствовали на нашей встрече, начали как-то недоверчиво переглядываться. Мол, известный человек, Миронов, „загибать“ вроде не должен. Я, как ни в чем не бывало, продолжаю рассказывать. История действительно замечательная...

На нашей улице Красной Артиллерии стали проводить газ. Прямо посреди улицы вырыли ров метров пять глубиной, чтобы затем уложить трубы. А на дне рва вскрылся слой кембрийской глины яркого зеленовато-голубого цвета. Она везде есть в нашей Ленинградской области. Мы этой глиной и стали заниматься. Вдруг что-то режет пальцы. Водой комок глины обмыли — заблестело.

Видим, что блестит желтый металл, как мы говорили — полжменьки тяжелых окатышей. Я понимаю, что это не клад какой-нибудь, а самые что ни на есть самородки золота! Со мной тогда были Толян, Андрюшка, Вовка Павлов и Алька Просветов. Вечером (днем рабочие поме-

шали бы) мы намыли этого золота пятнадцать килограммов, а то и больше, одну четвертую мешка из-под картошки.

Мы сразу решили сдать золото государству. Как-то по-другому поступить тогда у нас и в мыслях не было. Мешок с золотом мы припрятали. И я у своей старшей сестры Марины стал допытываться, что делать, если вдруг кто-нибудь найдет клад или месторождение, например, золота. Она и сама этого толком не знала.

— Клад надо сдать государству, в сберкассе, наверное, а золото, золото... да вот в Ленинграде есть Горный институт на Васильевском острове, там и должны знать всё про месторождения... — вот что она мне посоветовала.

40

Мне было не по себе, что я не сказал ей о нашей находке, о том, что мы нашли на нашей улице полмешка золота. Через несколько дней вместо школы (был грех, каюсь) на электричке доехали мы до вокзала, а там — на одиннадцатом трамвае прямо до Горного института, который прекрасным белоснежным аттиком с колоннами выступает к Неве напротив Адмиралтейских верфей. Пока мы ехали, под перезвон и стук колес я представлял себе, как меня, ученика 3-го класса 410-й школы города Пушкина (мешок с золотом в руках, друзья, как верные соратники, — рядом), приветствует самый главный человек — Министр. Причем он подъезжа-

ет к нам на „чайке“ прямо к парадной лестнице Горного института.

Я ему говорю:

— Товарищ министр всех месторождений Советского Союза, мы открыли золото, вот полмешка принесли, а там еще много, только нужен экскаватор...

— Боже мой! — восклицают студенты и преподаватели Горного института. — Такие маленькие, а уже нашли золото...

А мы понимали, что золото нашей стране позарез нужно. Жили-то все очень бедно.

— Вот, они — герои! — говорит нам министр, жмет руку, как взрослым, и сажает нас в свой лимузин.

На „чайке“ мы подъезжаем к школе. Нам немало страшно, что прогуляли уроки.

Вся школа высыпает на улицу. Впереди наша классная и директор.

Министр окно приоткрывает и строго спрашивает:

— Кто тут директор школы?

Директриса наша на дрожащих ногах подходит к автомобилю:

— Я, товарищ министр...

Министр хмурится, а потом торжественно объявляет:

— Вот ваши ученики открыли месторождение золота. Поэтому мы приняли решение

забрать их из вашей школы и направить учиться в Горный институт!

Директриса от удивления краснеет и бледнеет. А учащиеся школы и учителя вдруг начинают аплодировать и министру, и нам...

И одноклассница Таня с большими белыми бантами впервые с интересом смотрит на меня...

Вот такая история нарисовалась у меня в голове пока мы на трамвае с грохотом и звоном неслись по набережной Невы к знаменитому Горному институту.

В действительности, конечно, все было иначе.

Мы вошли в главный корпус. В вестибюле нас остановил вахтер, старый дедушка, неожиданно громко спросив:

— Что?

Наверное, был глухой и ничего не слышал, а может быть, уже и не хотел ничего слышать.

Мы ему говорим, что вот тут привезли...

— Чего привезли-то, образцы, что ли?

— Ага... образцы.

Дед позвонил, и к нам вышла немолодая женщина. Ее лица я не могу вспомнить, а вот ее фамилия и то, как она отнеслась к нам, навсегда останется в моей памяти.

Фамилия ее была Пушкина. Мы приехали из Пушкина, она — Пушкина — удивительное совпадение.

Неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая жизнь, если бы случайно эта женщина не оказалась в тот день в институте и нас просто отправили бы домой, посмеявшись над нами.

— Что принесли? — спрашивает Пушкина.

— Золото, — в один голос отвечаем мы.

— Покажите...

Мы открываем мешок.

— Ладно, оставьте здесь ваш мешок и пойдете со мной.

— А не сопрут? — спрашиваем мы и с подозрением смотрим на вахтера.

А дед не слышит и только кивает седой как лунь головой.

— Не сопрут, — улыбается Пушкина.

43

А сама ведет нас в музей Горного института. Я вам так скажу: даже если вы не занимаетесь геологией, даже если вы далеки от какой-либо из наук, торгуете, например, домашними тапочками, все равно возьмите детей и обязательно посетите этот самый лучший в мире геологический музей. Уникальнейшие экспонаты. Быть в Петербурге и не сходить в музей Горного института (теперь это университет) — то же самое, что не побывать в Эрмитаже или в Русском музее или не посмотреть на восстановленную Янтарную комнату...

А музей перед нами открылся как сокровищница нашей матушки-земли. Мы, честно говоря,

про свое золото и позабыли. Столько там замечательных экспонатов было в витринах. Огромные самородки золота, бриллианты, разноцветные кристаллы, полудрагоценные камни. Пусть часть из них были муляжами. Пушкина нам показывает и с неподдельным интересом, видя наше детское восхищение, рассказывает о каждом камне, кристалле или куске метеорита. Потом подводит к одной витрине, и мы видим наше золото...

— Что здесь написано?

— Пирит, — говорю я.

44 — Правильно, это сернистый колчедан, очень похож на золото, но это не золото. Но вы все равно молодцы. Где вы нашли? Нам он нужен студентам для опытов.

Мы объяснили и потом еще много раз привозили образцы сернистого колчедана.

Вот так я открыл свое первое месторождение...»

У Сергея Миронова усталые серые глаза. Уже почти девять часов вечера. В его кабинете полумрак, только переливаются в специальных стеклянных витринах образцы минералов, без которых ему было бы еще труднее...

Политика — очень тяжелая работа. Особенно для честного человека. Я думаю, ему никогда не было так сложно, так неуютно, как нынче, в этом кабинете, куда приходят многие сильные

мира сего и где приходится говорить на одном с ними языке...

И это не простой и ясный язык детства и его навсегда любимой науки — геологии...

Но наши с ним беседы действительно ценны своей искренностью, неподдельным интересом к прошлому, которое во многом было у нас с ним похожим. Возможно, и он относится ко мне не как к обычному журналисту или писателю, а как к сокровенному собеседнику, к человеку, с которым можно сбежать из этого недоброго мира в бесконечную, залитую солнцем вселенную детства.

Наши с ним разговоры — как глоток чистой ключевой воды после долгого блуждания в пустыне...

5

Руки Ираиды

46 Бывают судьбы, незаметные для истории, но великие и подвижнические в своей малости. Вот буквально на днях поздно за полночь показали документальный фильм о конюхе Николае Зуеве. Великий человек, великий талант. Фотограф от Бога. Случайно выхваченный камерой документалиста из полноводной реки неизвестных творцов настоящей русской истории...

Такой потрясающей женщиной можно назвать и скромную учительницу 410-й школы города Пушкина. С громким именем Ираида.

Ираида Сергеевна Пронина — классный руководитель Сергея Миронова.

Ираида в переводе с древнегреческого значит «героиня», «дочь героя», а также «стремящаяся

к покою». Святой покровительницей является Ираида Александрийская, Антинопольская, которая великомученицей стала очень простым, но по нынешним временам немислимым способом. Услышав проповедь христианского священника, приняла православную веру. И однажды, увидев корабль, где томились закованные в цепи братья-христиане, она бросила свой кувшин, с которым ходила за водой, и вошла на корабль, чтобы разделить муку за Христа. В египетском городе Антинополе ее вместе с другими пленниками подвергли жесточайшим пыткам. Она со смирением вытерпела нечеловеческие муки и была причислена христианской церковью к лику святых.

47

Вот уж Господь и родители наградили громким именем.

Ираида Сергеевна Пронина и была такой, и такой осталась в свои восемьдесят два года — величественной, царственной, самоотверженной, сильной, волевой, а в душе — очень доброй женщиной.

Я долго не мог договориться с ней о встрече. Она лежала в больнице, потом болела дома и не хотела, чтобы ее в таком неможном состоянии увидел незнакомый человек.

Я обратился к двум бывшим одноклассницам Сергея Михайловича — Галине Александровне Диковой и Елене Александровне Тюпенкиной.

Галина Дикова — учительница в петербургской гимназии, а Елена Тюпенкина — заведующая библиотекой в той же 410-й школе. Они — родные сестры. Как мне сказала Галина Александровна: «Ираида Сергеевна заставила нас выбрать профессию учителя. Своей самоотверженностью, своей любовью и подвижничеством в этом нелегком деле.

48

Если бы не геология, то и Сережа стал бы учителем, он у Ираиды был одним из любимых учеников, хоть и шептунной, и ругала она его часто, и, бывало, двойки ставила. Поблажек ему никаких не делала, потому что отличала от остальных и любила... за честность, за открытый характер и трудолюбие. Она сама такой была и такой остается. Поэтому мы с сестрой и работаем в школе. И, знаете, не жалеем. Как-то Сережка выступал по телевизору. Я тогда хорошо запомнила его слова: „А вы платите им достойную зарплату, вот и будет эта профессия престижной. Как страна относится к учителю, такое у нее и будущее“. Я под этими крылатыми словами готова подписаться, под каждой буквой. После того как не стало СССР (она это говорила, как о человеке, которого очень любила), нам крепко досталось, мы многое пережили...»

Прошло несколько месяцев, прежде чем сестры сумели договориться о встрече с Ираидой Сергеевной Прониной.

Стоял жаркий летний день. И Пушкин утопал в тополином пухе. Когда-то давно так же бывало и в Ленинграде. Старый город весь, казалось, был закидан белыми диковинными африканскими бабочками. Теперь их нет, как и тополей, которые в Петербурге за последние годы почти все вырубил. Может, я зря, по инерции плачу и действительно тополь для современного мегаполиса что-то вроде сорняка.

В Пушкине тополя еще сохранились. Белый снег летом будил какие-то очень нежные воспоминания о детстве, которое всегда рядом, стоит только прийти к первой учительнице, даже пусть и не к своей...

С сестрами мы зашли в кирпичный дом, построенный в начале восьмидесятых.

49

Дом самый обыкновенный, типичный, с неухоженными подъездами и расписанными стенами на лестницах. В обычной трехкомнатной квартире нас и приняла Ираида Сергеевна. У нее была собственная комната, очень чистая, очень светлая, такая же, как и она сама, и она ею очень гордилась.

Мы сели за круглый стол, на котором тут же появился чайный сервиз (весь сервант был уставлен хорошей посудой) и торт, а над всем этим — ее лукавый взгляд. И мне стало необычно хорошо, как сверкающей чайной посуде за стеклом серванта.

Старость, может быть, самый драматичный период жизни. И свет дается немногим, тем, кто

сумел пройти по тернистому пути, не без греха, возможно, но не изменяя себе и своей, пусть маленькой, но осознанной миссии на этой земле.

Перед лицом смерти жизнь обретает другие черты. Для некоторых — черты того, что их ждет в скором времени...

А вокруг этой восьмидесятидвухлетней учительницы истории сияла чистая, светлая, какая-то лучисто-искрящаяся, невидимая глазом тончайшая сфера. Она изливалась и через ее глаза, через ее слова, через ее манеры, мимику, движение рук.

50 Спустя полчаса, поняв, как я отношусь к ней и к ее Сереже, она вдруг перестала быть серьезной и говорить о своем знаменитом ученике штампами. Она стала как бы снисходительнее ко мне, и вся ее речь окрасилась доброй иронией.

За весь наш трехчасовой разговор Ираида Сергеевна только однажды сделала суровое лицо, дрогнуло оно от неприятного воспоминания, и пролегла тень от долгой, тяжелой жизни.

— У нас был один высокопоставленный родитель. Его дочка много пропускала. И вот как-то ее родители меня встречают, благодарят за отличные оценки, а она не аттестована. Я направилась в класс, взяла журнал, пошла к ним домой и показала, что их девочка все время пропускала уроки по болезни и не аттестована.

Завуч Григорий Никанорович, тоже бывший военный, мне потом выговор сделал: «Вы не име-

ли права выносить из школы журнал». Отец девочки, полковник, пришел к нему и сказал, что во мне нет никакой интеллигентности, я крестьянка, мол, посмотрите, какие у нее грубые руки... А я и была крестьянка и не отказывалась от своего происхождения. А руки у меня были такие, потому что я всегда много работала. Григорий Никанорович потом этот разговор с полковником директору передал, а наш директор был удивлен, что полковник так о моих руках отозвался, как будто он служил не в Красной армии, а в какой-то другой. Я всегда учила своих детей говорить правду и поступать честно, по совести, и они, многие из них, это усвоили.

— Она нам всегда была второй мамой, — вдруг сказали сестры и посмотрели друг на друга, как бы решая, кому из них она большей мамой была.

Ираида Сергеевна — человек из другого мира, из мира моего детства, я знал таких замечательных людей в прошлом. Теперь этот тип людей крайне редок.

Я всегда думаю об их поколении, о поколении Прониных, с величайшим почтением. Она родилась после революции, в бедной крестьянской семье. Как молох, перемалывал крестьянство сталинский режим, да и после него каждый из вождей забивал свой стальной гвоздь в это сословие.

Она выстояла, выучилась, прошла войну, послевоенную разруху, крушение СССР, бедность и стариковское одиночество, — выстояла и смогла научить добру и чести своих неродных — родных ей детей, свой любимый класс, который чтит ее до сих пор, собираясь каждый год и приходя к ней — к своей второй маме. Пусть это и звучит с некоторым пафосом, но это и есть правда, высшая правда жизни...

52

— Я сейчас вам расскажу историю с буквами, — говорит вдруг Ираида Сергеевна, словно доверяя мне какую-то особо важную в их классной жизни быль. — Вызывает меня как-то раз директор. Лицо у него явно невеселое. Тяжело вздыхает и говорит: «В былые времена, Ираида, сидеть бы нам с тобой лет двадцать, до самого до коммунизма, в тюрьме». «А что случилось?» — спрашиваю я. Он мне и открыл глаза на почти идеологическую диверсию, которую совершили мои ученики Миронов, Нерославский и Панферов. Сцену в красном уголке подшефного ЖЭКа украшал стенд с текстом морального кодекса строителей коммунизма. На сцене мои ученики играли в КВН. Текст на стенде был не просто написан, а каждая буква была вырезана из фанеры, наклеена и раскрашена золотой краской. Почти произведение современного авангардного искусства. Так вот эти буквы Миронов, Не-

рославский и Панферов, пока стояли на сцене, отрывали по одной... Меня, конечно, вызвали к директору школы. Захожу я в класс после нашего разговора, за последней партой сидит Миرون и раскладывает те самые золотые буквы, а вокруг него малыши-первоклашки, которым он их и раздает. Целая очередь выстроилась по коридору.

Вызвали родителей. Отец одного, полковник, строго спрашивает у своего сына:

- Сколько отодрал букв?
- Двадцать штук!
- Ты, Нерославский?
- Столько же!
- Миронов?
- Два кармана!!!
- А ты, Панферов?
- А я только одну запятую оторвал, мне уже не хватило...

53

Вот здесь мы все и рассмеялись. Смеемся, а сами думаем, как бы мы смеялись в тридцать седьмом году. Полковник смеялся громче всех, очень нервно. Это был настоящий полковник...

У него на лице много чего было написано, и не золотыми буквами. Тогда не принято было много говорить. Но время изменилось, и очень сильно, оттого и раздавался этот смех у нашего полковника. Наверное, он до конца все понял...

Наш директор меня отстоял в райкоме партии. «Она же секретарь парторганизации школы, и класс у нее самый лучший», — защищал он меня.

Курсанты из военного училища нам помогли этот стенд восстановить. Вот такое дело было о покушении на моральный кодекс строителей коммунизма.

У Ираиды Сергеевны лучатся глаза, и она вдруг признается:

54 — Однажды я ушла из школы. А Первого сентября не выдержала и пришла. А мне дети цветы несут, огромные букеты, целая охапка у меня в руках. Я стою с этой охапкой и думаю: «Боже мой, что я наделала». Я редко плачу, а тут шла через весь город и всем прохожим раздавала цветы, дошла до поля, за городом, и расплакалась навзрыд. Сын мой жил тогда в Тбилиси, он как узнал, в каком я состоянии, сразу купил мне билет на самолет и с внуком отправил на Черное море. Я первый раз на самолете летела и на море до этого никогда не была...

Она говорила это, не жалуясь, не оправдываясь своей стариковской слабостью. Она хоть иногда и хмурила лицо, но в нем всегда присутствовала добрая лукавость и внутренняя сила. Ираида Сергеевна сохранила в себе бесконечную уверенность в правильности сделанного ею выбора в жизни. В ней, восьмидесятидвухлетней пожилой

женщине, осталась прежняя стать, воля и убежденность в своей миссии. Она не спорила. Знала, что права. Если мы что-то говорили ей и она не была согласна, то даже в ее возражениях явственно проступало извечное: все суета сует, дорогие мои, доживите до моих годков и тогда увидите с другой стороны все ваши и мои мелкие и большие проблемы.

А сестры, которым лет тоже было немало, выглядели девчонками, теми самыми, из ее любимого класса, и внимательно, как на уроке, слушали ее.

Ираида Сергеевна, разрезая торт и раскладывая по тарелкам свои замечательные печеные яблоки с сахаром, рассказывала о своей школе, о классе, о Сережке Миронове и еще десятке ее любимых учеников. Это и была ее настоящая, большая жизнь, которая сейчас, сию минуту вдруг возникала и летела как на киноплёнке над круглым столом и потрескивала ее хрипловатым смехом...

Ее энергия, убежденность в своей правоте, воля и доброта — все эти качества имели в ней особую концентрацию, сильное излучение огромной человеческой личности, которая из хороших людей делает подвижников, из посредственных — честных и добропорядочных, а из дурных — тихих и незаметных.

Ее талант заключался именно в таком влиянии. И конечно, она, Ираида Сергеевна Пронина,

пропитала своей волей и добротой и любимого ученика — Сергея Михайловича Миронова.

Человек — сложение многих энергий. Невидимые глазу, они приходят и от людей, и от событий, и от природных явлений, и от прочитанных книг — отовсюду... Они перемешиваются и вычерчивают линию судьбы. Что-то зависит от самого человека, что-то от движения небесных светил и очень много — от энергетического поля, которое накапливается день за днем. И, как в обычном поле, почва может быть благодатной, а может быть песком, где нет ничего, кроме миражей...

Иногда миражи бывают даже лучше, чем реальная жизнь...

56 Как повезет с главными людьми, которые встречаются у тебя на пути... С такими, как Ираида Сергеевна Пронина.

А руки у нее действительно большие, крепкие, крестьянские — и бесконечно красивые от тепла, доброты, веры и силы...

6

Ангел

Есть люди, образ которых после смерти обретает особые черты. Сегодня их обычно называют «избранными». Они не совершают великих подвигов, не играют заметной роли в истории, не получают за научные открытия Нобелевскую премию, не становятся в один миг богачами... На первый взгляд, они ничего такого выдающегося не совершают в своей обыкновенной, маленькой жизни. Но... Те, кто встречался с ними, кто хоть немного узнал их, с нежностью, с вдохновением рассказывают о них как о самых главных людях в своих судьбах. Они становятся своеобразной легендой, с каждым годом обретая неземные черты, превращаясь в необычных людей.

Таким необыкновенным человеком была Марина, сестра Сергея Миронова. О ней рассказывают немного и не очень подробно. Но с какой-то глубиной, трагичностью и нежностью.

Нежность — это была, наверное, главная черта ее характера. При всей мимолетности моего знакомства с ее образом, характером, с ее жизнью по рассказам людей, которые близко ее знали, я не мог не посвятить этой женщине отдельную главу. Она сыграла, возможно, самую важную роль в становлении Сергея Миронова. Даже самые незначительные поступки, совершенные в детстве, имеют грандиозные последствия во взрослой жизни.

58 Величие в людях рождается в детстве. Другими словами, великие имена, которыми обозначаются эпохи, уже прописаны в синеве детских глаз.

Их родители работали с утра до вечера, как и все в те времена. На детей оставалось не так много времени. Марина была старше Сергея на пять лет. В детстве — это очень много. В детстве — день как вечность, а уж год — что-то почти библейское, бесконечное время...

Марина всегда была рядом с непоседливым, любопытным, озорным братом. Она давала ему главные уроки жизни. Надо быть честным. Надо любить своих родителей. Надо хорошо учиться и вести себя в школе. Надо помогать по дому.

Однажды она заставила его прочитать «Азбуку вежливости: от „а“ до „я“» и научила этого задиристого мальчишку подавать девочкам пальто, ухаживать за ними, правильно держать вилку с ножом...

Бесконечная нежность и доброта, внутреннее ощущение, что жизнь — трагична по своей сути, как и ее судьба, — все эти присущие Марине с самого раннего детства качества наделяли ее натуру даром возвышаться над обыденностью, над бедной и неуютной, необустроенной реальностью, в которую попало все послевоенное поколение.

С ранних лет она собирала в альбомы открытки и иллюстрации из журналов с картинами знаменитых русских художников. Чтобы хоть как-то занять непоседливого брата (который целыми днями пропадал на улице с друзьями и дрался чаще, чем читал книги, гораздо чаще), Марина шла на хитрость. Обычно она предлагала:

— Хочешь на мороженое?

— Хочу!

— А давай альбом пролистаем, вытащим пять открыток, всех художников угадаешь — получишь пятнадцать копеек на мороженое.

— Идет!

В те годы мороженое и поход в кино были самыми восхитительными подарками от жизни. Новый год и день рождения, мороженое и кинофильм про «красных дьяволят» — не так много

развлечений в суровой по нынешним временам действительности.

Тогда не было столько сортов мороженого, как в наши дни: от бананового до коринфской вишни. Зато тот, кто вкушал сахарную трубочку или дорогой (28 копеек) шоколадный батончик «Ленинградский», в полтора раза длиннее и толще, чем обычное наивкуснейшее эскимо на палочке, тот никогда не забудет и не променяет их на сегодняшнее разнообразие.

Поэтому мороженым можно было заманить. Это была твердая ходовая валюта в мире советского детства.

60 «Она меня увлекла своими открытками в эту замечательную игру, — вспоминает Сергей Мионов. — Я часто прибежал из школы и говорил: Маринка, давай играть. Она показывала мне открытку, а я называл художника. Так мы незаметно проштудировали все ее альбомы.

Однажды в седьмом классе мы с учительницей литературы в первый раз пришли в Русский музей. Мы идем по залам, а я словно листаю Маринкины альбомы и называю картину и имя художника... Учительница наша побледнела, потом покраснела, а мои одноклассники чуть челюсти от удивления не свернули. Очень скромно одетый мальчик из простой семьи, не отличник, дневник в красных чернилах — замечания по поведению, и вдруг вот так, как само собой разумеющееся: вот это Ле-

вицкий, а вот это — Рокотов, а вот — Никитин, Нестеров, Айвазовский...

— Рокотов, Левицкий, — стонала наша учительница по литературе.

А экскурсовод хвалила:

— Какие замечательные ребята учатся в Пушкине! Пушкина любишь?!

— А еще Шишкина люблю и его трех медведей, — отвечал я.

А потом мы с моими одноклассниками ездили в Русский музей уже сами, научились проходить без билетов.

Как-то раз мы заблудились во время экскурсии и оказались в гардеробе, потом поднялись снова по лестнице и, когда билетерша нас спросила, где наш класс, мы ответили, что во-он в том зале, где Рокотов висит. Она улыбнулась на это и нас пропустила.

Зимой было еще проще. Когда человек приходит с мороза, это сразу бросается в глаза, значит — без билета, а если полчаса посидеть в гардеробе, то смело можно заявлять, что ты отстал от своего класса и заблудился. Вот этой технологией мы и пользовались...

Конечно, нехорошо, но ведь у нас карманных денег совсем не было. Часто добирались до Русского музея, сбежав с уроков, зайцами...»

— Я очень дружил с его сестрой Мариной, — рассказывает Анатолий Григорьев, друг детства. — Она была простой и обычной девочкой. Но в какие-то моменты я вдруг начинал по-другому ее чувствовать. Мне трудно передать словами, что-то менялось в ней, и мне иногда казалось, что передо мной совсем другая девушка, проявлялась в ней какая-то необыкновенная сила, я бы не сказал, что это была доброта или нежность, очень странное, непохожее ни на что чувство. И мне в эти минуты было с ней рядом просто очень-очень хорошо... С Сережей у них всякое было, случалось, что и ругались... Но думаю, что в детстве, да и потом, ближе человека у него никогда не было и не будет...

Марина умерла от рака, когда ей было сорок пять...

Когда уходят близкие люди, долго еще не можешь опомниться, долго еще ждешь, что вот сейчас что-то произойдет и ты снова услышишь дорогой тебе голос в телефонной трубке или вдруг раздастся звонок в двери — и сердце замирает в предчувствии, что стоит только повернуть замок и приотворить дверь, а в проеме — знакомое лицо, знакомый запах, знакомые интонации... Но через минуту с болью понимаешь, что никто оттуда не возвращается, что река, разделяющая тот и этот мир, с лодочником Хароном, узкая, но обратно ее не переплыть...

Блиzkих людей очень мало, так мало, что не хватает на всю жизнь.

Когда они уходят, образуются черные дыры. Они уходят и не возвращаются. Возможно, возвращаются, но далеко не ко всем.

Иногда они являются во снах. А бывает так, что и недокричатся в пронзающих своей близостью к ним странных снах.

Душа болит за них, когда им там плохо оттого, что тебе здесь нехорошо.

Весь мир без них — пустыня Гоби. Наверное, так — для Сергея Миронова...

7

Саблинские пещеры

64 Есть места в Санкт-Петербурге и окрест, имеющие свой мистический, инфернальный и исторический код.

 Петербург — неслучайный город.

 Как писал Федор Достоевский — умышленный город.

 Санкт-Петербург рожден, потому что в этой точке земного шара должны происходить события, которые изменяют мир. Венчают тонкое астральное тело этого самого странного города на земле — ангел на соборе Петропавловской крепости и ангел на Александрийском столпе на Дворцовой площади. Петропавловская крепость — тюрьма и, кроме того, архитектурный ансамбль в форме звездообразного многогранника. Алек-

сандровская колонна — почти копия колонны Трояна, римского императора...

И если продолжать дальше исторический и ассоциативный ряд, то можно без позволения проникнуть в сакральную тайну рождения и бытия в веках Санкт-Петербурга и увидеть его будущее, и так далеко зайти, что отклониться от главной линии книги и уйти в неведомые пространства, заблудиться в них, как в Саблинских пещерах, которые между тем и являются главной декорацией этой главы. А Петербург — фантастический занавес, созданный величайшими архитекторами, художниками и государями земли русской, который открывает каждое действие, связывающее судьбы главного героя и его биографа.

65

Я мог бы пропустить эпизод в Саблинских пещерах. Не обратить внимания, пропустить мимо ушей, не прочесть между строк стенограмм моих бесед — и что-то неуловимое исчезло бы из понимания судьбы героя, не прописалась бы часть ее формулы, и тогда было бы непонятно, как могли произойти эти эпохальные события и почему главное действующее лицо в них — мой герой.

Пусть будущий историк смело следует за биографом в самые дальние уголки Саблинских пещер и не боится, что будет блуждать в бесконечных коридорах синтаксических конструкций, сложноподчиненных предложений, среди

таинственных цепочек фактов и событий и не без блеска найденных ассоциаций.

Меня можно обвинять в чем угодно: в вырванных из исторического контекста фактах, их мистификации, вообще нестандартном подходе в написании биографии и даже в том, что эта рукопись пишется не бесплатно.

Я и не скрываю своего глубоко и откровенно субъективного взгляда не только на жизнь Сергея Миронова и на свою собственную более чем скромную биографию, но и в целом на окружающую нас эфемерную реальность.

66 Я отмечаю и пытаюсь объяснить себе, на мой взгляд, важные, сущностные эпизоды, которые позволили Сергею Миронову таким образом сложить свою натуру, свой характер, свой интеллект и воспитать в себе еще множество необходимых качеств, чтобы из мальчика, родившегося в бедной семье в пригороде Ленинграда дойти до известного в России политика, создать свою партию и долгое время удерживаться на политическом олимпе одного из самых могущественных, хотя бы и в военном смысле, государств мира. Я знаю очень многих людей, которые снисходительно мне улыбнутся, мол, как же, и мы могли бы при таком фарте и не на такую вершину забраться. Но, господа хорошие, вы-то об этом только мечтать можете, у вас-то в тысячу раз больше было возможностей, и па-

па мохнатой лапой разгребал дорожку к сытному номенклатурному корытцу. И выше вашего крупногабаритного зада вы прыгнуть не смогли, а вот в простом и честном парне Сергее Мирнове было что-то такое, что позволяло ему идти все дальше и дальше, хотя на каждом повороте его поджидали подчас смертельные ловушки и пропасти. В Америке сказали бы, что это типичный для голливудского кинопроизводства сценарий, и в России пока еще такая карьера не исключение из правил... Скоро это станет большой редкостью. Потому что миром правят большие деньги, а большие деньги находят и остаются только у жестоких, бескомпромиссных и бездушных людей, которые все больше оказываются в какой-то другой реальности, с другой системой ценностей и даже, иногда мне кажется, с отличными физическими законами. Они, как и наш город, сегодня оккупированный крупными торговыми сетями, разделяют общество, а политкорректностью затыкают глотку всем несогласным. Мир во власти финансового капитала, и хотя бы чуть-чуть отодвинуть их от управления так же трудно, как изобрести примиряющую все человечество справедливую социальную жизнеспособную доктрину. В этом лабиринте есть только один выход, найти его без потрясений, революций и концлагерей архисложно.

Этот лабиринт сравним с ходами, прорытыми природой и человеком в Саблино. Кстати, не могу пройти мимо некоторых исторических фактов, связанных с этим местечком в сорока километрах от Петербурга.

68 Я не могу не отметить то, что рядом с Саблинскими пещерами стоял лагерем легендарный Александр Ярославович перед битвой со шведами. Не могу не сказать и о том, что в них скрывался от царской охранки Владимир Ленин и даже посмел выйти из лабиринта в том самом месте в поселке Никольское, затем переименованном в Ульяновку, где через много лет был принят в пионеры Владимир Путин. Все это не более чем ряд фактов из прошлого и новейшей истории. Но вместе взятые, они говорят только об одном: в мире происходит много событий, в разных местах, но когда ты начинаешь рассматривать их, вооруженный только собственным субъективным взглядом, то они, эти факты, эти события и имена, рожают стойкое ощущение, что все, что происходило вокруг какого-то места, было закономерным и отнюдь не случайным. Есть некая энергетика в таких местах, которая передается во времени, которая, как проникающая радиация, навсегда остается, как смертный грех, именно навсегда, и начинает управлять движением человека, водя его по лабиринтам, вверх, к вершине, или вниз, ко дну пропасти. Но

об этом уже судит не история, а самый объективный неземной Наблюдатель.

Вот такую роль, если говорить честно, сыграли в судьбе Миронова Саблинские пещеры. Да он и сам не вспомнил бы о них, если бы не друг его детства Анатолий Григорьев. Он мне рассказал эту историю. А Миронов сразу вспомнил...

Сами по себе Саблинские пещеры в значительной степени рукотворные. Сто пятьдесят лет здесь добывали кварцевый песок для стекольных заводов. Из этого сорта песка выдували русский императорский хрусталь. Бокалы с вензелями царей рождались в бесконечных подземных лабиринтах Саблинских пещер. На тачках добытый песок отправляли по реке Тосна. Теперь пещеры — экзотическая достопримечательность недалеко от Петербурга. Чтобы понять масштаб этих подземных выработок, приведем несколько цифр. Система ходов пещер Левобережная и Жемчужина составляют пять с половиной километров, Береговой — три с половиной километра, а Малой Саблинской — около двух. Есть там и огромные залы, подземные озера и подвижники-экскурсоводы, с детства блуждающие по ответвлениям кварцевых коридоров. Если встретите их, то с ужасом на лице расскажут они вам про страшную битву на ледорубах Белого и Черного спелеолога, покажут барельеф Черного монаха и Шестирукого Будды в зыбком свете

фонарей и наговорят еще такой чертовщины, что православному христианину лучше и не вспоминать... Еще живут в недрах кварцевых пещер летучие мыши, а в подземных ручьях — тритоны, лягушки, пиявки и жуки-плавунцы. Так что без нательного креста и утренней молитвы лучше туда не ходить...

— Кто-то мне сказал, в Саблино есть пещеры. Мы туда и отправились: я, Серега Миронов и Колька Андрияхин, — мрачно глядя в окно из большого кабинета на Невский проспект, рассказывал Анатолий Григорьев. — Лет четырнадцать нам было, а может, пятнадцать. Там такие ходы, месяц можно бродить... Может, чего найдем... Боялись мы тогда мало чего. Сами кого угодно испугать могли. Обычное мальчишеское любопытство. О пещерах мы знали, что там добывали песок и из него делали хрусталь для царя и его свиты. Советская власть бога и чертей отменила, потому страха у нас не было, пока мы не вошли в самую пещеру. Захватили мы с собой спички, зажигалку и веревку, что-то вроде факелов соорудили — и по коридору... В тусклом свете в бездну... Если черти где и водятся, думал я, так именно здесь...

Светлеют его глаза, с лица уходят сумрачность и какая-то напряженность. Он становится легче в разговоре, он точнее строит фразы, словно понимает, как нелегко будет его собеседнику

воссоздавать из воспоминаний, похожих на пожелтевшие обрывки старых газет, юность. Память вызывает неясные ее очертания, и слова мертвы по сравнению с бурлящей водяной стремниной долгих-долгих мгновений и весеннего, бьющего через край полноводья чувств и переживаний, с мириадами оттенков, которые, кажется, через соток лет убиты все...

Самая пронзительная, безжалостная и сладостная ностальгия — по юности. На какую-то минуту все становятся беззащитными, светлыми и настоящими, когда ее волна вдруг ударит в сердце, а зрачок выловит из глубин сознания давно забытые картинки... и ты летишь в эту бездонную ослепительную синеву.

71

Григорьев замолчал, а я не торопил. Трудно было ему туда возвращаться, потому что там было все честно, открыто — и любовь, и ненависть, и страх, и мужество, и дружба, все были равны и всё, что было, делили поровну, и друг за друга дрались как самые близкие, родные люди.

Маленький коготочек, вдруг откуда-то вылезший, не царапал душу, не заставлял вдруг неожиданно для себя вздрагивать от приступа боли. Ну и что из того, что были друзьями...

У меня так случилось... Но мне было проще, потому что никто, даже самый богатый, самый могущественный человек не мог дать мне таланта больше, чем в минуту рождения отмерил Господь.

— Хорошо бы нам, — сказал вдруг Григорьев, — махнуть с Сергеем Михайловичем на Байкал в экспедицию. Там, ночью у костра, так хорошо, как будто и не было этой жизни...

— А что в пещерах?

Григорьев посмотрел на меня, и я понял, что он был далеко-далеко от Петербурга, так далеко, как только можно быть друг от друга в России двум русским людям — за длинным полированным столом в доме посередине Невского проспекта.

У русского человека мечта, как и страна, теряется за горизонтом...

— На чем я остановился? — переспросил Григорьев.

72

— На чертях...

— Не чертей, а чертенят нашего возраста мы там встретили... Прошли мы узким коридором метров сто, там много было ответвлений, нашли еще одну пещеру, повернули туда, разматывая веревку, веревка кончилась, а мы все шли и шли по расходящимся в темноте коридорам со множеством выходов. И вдруг оказались в большом зале. Посреди него лежали длинные прутья с сухими листьями. Миронов говорит, давайте пометим место, откуда мы вышли в зал, ветками. Кто бы спорил, мы так и сделали. Долго мы блуждали, пока снова не вернулись в тот зал. Пошли в том направлении, как указывали ветки, а коридор вдруг заканчивает-

ся тупиком, проход дальше засыпан. Мне, честно, становится не по себе. Миронов идет как ни в чем не бывало. С ним всегда страху меньше было. Он никогда не паниковал. Не умел, что ли. Мы возвращаемся и слышим голоса... В зале сидят пацаны нашего возраста. Видят, что мы заблудились, и говорят: есть здесь еще один выход, только давайте деньги... А у нас при себе были спички, зажигалка и двадцать копеек. А Миронов вдруг говорит, нет, ребята, мы знаем, куда идти, так уверенно, что и у меня сомнения исчезли. Пацаны хоть ветки и переложили, но, как часто в юности бывает, еще минута — и могли пойти стенка на стенку, но не пошли, мы даже подружились...

73

Через несколько месяцев я встретился с Сергеем Мироновым в Москве в его кабинете в Совете Федерации.

В годы горбачевской перестройки здесь располагался Госстрой. В знаменитом документальном фильме режиссера Александра Сокурова опальный Борис Ельцин каждый день ездил в это здание на работу. Отсюда он шагнул в свою новую судьбу, и страна пошла за ним...

Кабинет Миронова был больше раза в два, чем у одного из моих старших товарищей — адвоката в Петербурге, который занимает довольно заметный пост. Но кабинетом его еще можно

назвать, между тем как у других, менее крупных государственных деятелей и чиновников, они похожи на парадные царские залы. Впрочем, их кабинеты под стать состояниям, которые они сумели в один миг сколотить на государственной службе.

Кстати, описание властных кабинетов в России и мире могло бы стать увлекательной и не лишённого научного смысла монографией.

Так вот, в этом замечательном кабинете, в котором трудились начальники Госстроя, Сергей Миронов вспомнил эпизод в пещере.

74 — А там не было ничего героического, — заметил он и, мельком взглянув мне в глаза, коротко сказал: — Только не надо меня делать больше, чем я есть!

— В каком смысле? — удивился я.

— Пишите так, как есть на самом деле.

«Наверное, — подумал я про себя, — он считает, что я бегаю по Москве и ищу, кого бы возвеличить. Так я бы тогда к Лужкову зашел — слышал, есть и желание, и деньжата, а вот статус и выработанная за годы служения мэром природная скромность не позволяют ему развернуться вместе с гениальным Церетели...»

— А все-таки что там произошло? — вернул я вопросом повествование в прежнюю колею.

— Там был только один момент, неприятный. Но мы же тоже росли не в пажеском корпусе и не

в профессорской семье, обычные уличные мальчишки из пригорода Ленинграда, тогда все такими были. Конечно, екнуло сердце, когда увидели, что проход завалило. Куда идти? А тут еще эти ребята нарисовались. Мы же не знали, кто они такие. В те времена тоже всякого хватало. Я стал рассуждать логически. Когда чувствую, что попадаю в непростую ситуацию, как сейчас говорят стрессовую, то начинаю искать варианты действий. Ты уже не боишься, ты уже начинаешь спасать себя и других. Выходов из зала было много, я сейчас уже и не помню сколько. Но я наметил четыре из них. Один был завален. Мы зашли в другой, но он начал сужаться, и я этот вариант отбросил. Вот в это время и появились пацаны. Неожиданно возникли.

75

— Как, как возникли? — начал я нащупывать мистическую нить в нашем чересчур реалистическом разговоре. При такой великолепной, почти сакральной декорации — и не обнаружить нечто, и не развить так, чтобы всем стало очевидно, почему Сергей Миронов достиг того уровня в своей политической карьере, который только чуть-чуть ниже кремлевских вершин, так, во всяком случае, считает конституция.

— Было темно, я не помню, кажется, вошли через какой-то боковой коридор. «Заблудились, парни?» — спросили они, не очень хорошо спросили. Да пошли вы, говорю я. Мы знаем, где

выход. Было два еще выхода, почти интуитивно я выбрал один из них. По их лицам было видно, что я угадал. Они поняли, что мы не слабаки. А потом, через несколько дней, мы с ними искали пропавших студентов. Еще до милиции и спасателей...

Вернемся в Петербург к Анатолию Григорьеву.

76 — Студентов мы искали вместе с местными парнями пять суток. И уже лазили по-настоящему: по узким щелям, по таким проходам, что иногда казалось, что все, застряли, и не назад, и не вперед. Не раз Серега меня выручал, да и я его. В последний день мы веревку обнаружили, по которой они заходили. А тут уже милиция, спелеологи, пожарные... Мы немного не дошли до них. Через два часа спелеологи их вытащили живыми. Об этом даже в «Ленинградской правде» написали. И об отважных спелеологах, милиционерах, пожарных, даже о наших знакомых пацанах, а о нас даже не упомянули. Нам тогда немного обидно было, зато дружба у нас с Сергой Мироновым еще прочнее стала, мы здорово сблизились... А потом, — стал он быстро рассказывать, — Серега ушел из школы после девятого класса, а я еще раньше, в восьмом. Я хотел поступить в художественное училище имени Серова, а он в геофизический техникум. Мы вместе поехали документы подавать. Сначала заехали в мое училище, нам там народ не понравился.

А в его техникуме увидели ребят с молотками, в резиновых сапогах, вернувшихся с практики, и я вместе с Серегой тоже документы подал. Учились мы там не очень долго. Много пропускали, часов сто у нас было прогулов. Месяц нас не допускали до занятий. А нам уже по восемнадцать лет. Написали заявление и пошли в военкомат. После армии Серега заканчивал Горный институт, а у меня уже ребенку два года было, я работал, мне учиться некогда было. Я пришел через полгода после Сереги. У меня был еще один друг, и я узнал, что он гулял с моей женой, Серега ему за это морду набил. Он ведь из своего десанта здоровый такой пришел, мог любого завалить. Я очень дружил с его сестрой Мариной, с ее мужем Геней. Он потерял зрение, очень плохо видел, и ему пришлось уйти с работы, а я как раз в это время был в геологической партии и нам нужен был фотограф, я его позвал. Он научился фотографировать...

77

Я невольно выключил диктофон. Можно было легко заблудиться в судьбах Григорьева, сестры Марины, ее мужа Гены, старшего сына Анатолия, его бывших женах и потерять из виду все дальше уходящего Сергея Михайловича Миронова.

В этих разветвленных лабиринтах нет проводников, нет спелеологов и спасателей, можно бесконечно блуждать среди отполированных страданиями и суетой дней, среди похожих друг на друга месяцев и лет, умещающихся в одной

фразе: «Он жил...» Их жизнь и судьба тоже интересны, богаты великими и незаметными для них событиями, полны невидимых течений, подземных озер, даже маленьких мистических откровений, например, что Бог есть...

Но биограф всегда выбирает себе победителей, людей, прошедших сквозь лабиринты жизни и всякий раз интуитивно угадывающих именно тот путь, который ведет наверх...

О маленьких людях пишут великие писатели, а нам, биографам, вечно бегать по Москве и окрест и отыскивать очередную знаменитость... Да где их нынче найдешь, разве что в Саблинских пещерах...

8

«Il Campanello di notte»

В детстве на уроке истории молодая, умная учительница рассказывала нам, пятиклашкам, как инквизиторы двадцать четыре часа в сутки пытали Кампанеллу. В перерывах между дыбой и испанским сапогом первый социалистический писатель сочинял свой мировой, как потом оказалось, шедевр.

79

— ...И, войдя в мрачный, сырой каземат на изувеченных ногах и с вывернутыми руками, — все сильнее распялялась белокурая девушка с модным шиньоном «халой» на голове, при этом ноздри ее нервно подрагивали, — Кампанелла начинал свою титаническую работу. Дорогие ребята, он мечтал и, едва сдерживая крик от боли и судорог, кровью записывал свою мечту на лоскутках простыни.

Кровью, потому что злобный надзиратель-монах вырвал из его слабеющих рук чернильницу. Это была великая мечта, которая для вас станет уже реальностью. Вы своими руками постройте коммунистическое общество...

— Да здравствует великий Ленин! — заорал Вовка Троцкий с «камчатки», худенький мальчуган с ироничными землистыми глазами, плохо одетый и хулиганистый. Так он мстил за то, что его не принимали в пионеры.

— Кто это сказал?! — недоуменно качнула «халой» учительница.

— Троцкий, — подсказал ей Стас Гельфанд.

80

В школе Вову все звали Троцким. Мы тогда не знали, кто это был такой, нам никто не рассказывал, да мы особенно и не интересовались, у всех в школе были клички. Троцкий так Троцкий.

У учительницы от ужаса задрожали щеки, как, наверное, у Кампанеллы перед пыткой.

— Не надо мешать святыне для каждого советского гражданина имени великого Ленина и итальянского буревестника революции Кампанеллы с именем врага народа, злобного оппортуниста и подлого наймита американского капитала Льва Давидовича Троцкого, — наливаясь кумачом, твердо сказала она.

Вову, Стаса и меня вызвали к директору школы. Меня, видимо, потому, что я сидел за одной партой со Стасиком Гельфандом. И мог пропитаться вредными идеями.

В кабинете директора над столом висели бородатый Карл Маркс, Фридрих Энгельс и с аккуратной бородкой и усами Владимир Ильич Ленин. Три одинаковых портрета в золоченых рамках. У окна стояла, нервно теребя носовой платок, историчка, а рядом — хромым военрук с обожженной на войне левой стороной лица. Директриса как-то странно улыбалась, и казалось, что-то хотела сказать, но не могла подобрать нужных слов.

Вдруг военрук не выдержал и заорал на нас:
— Оппортунистов будем выжигать каленым железом!

Сейчас это кажется ужасно комичным. А нас тогда охватила паника. Как когда-то Кампанеллу перед святой инквизицией. Мы испугались, даже я, чувствовали: что-то такое совершили, а что — не могли понять. И почему каких-то оппортунистов военрук собирался выжигать каленым железом... Директриса тоже сказала, что Троцкий — преступник и враг Ленина и о нем лучше не вспоминать. Иначе может попасть и нам, и нашим родителям.

— Тем более что Троцкий давно уже мертв, а... — неожиданно добавила она и не закончила фразу. Мне кажется, она хотела сказать: а Ленин жив, но осеклась, эта антитеза явно противоречила учению Маркса, Ленина, Дарвина и академика Павлова.

Я позволил себе привести здесь эту давнишнюю историю только для того, чтобы еще раз, перед тем как навсегда покинуть счастливые годы детства и юности, напомнить, как удивительно и противоречиво было советское время.

Социализм в 60-е и 70-е годы был фантастическим строем для нас, маленьких граждан великой Страны Советов.

Страна Солнца навсегда исчезнет вместе с моим и мироновским поколениями. И тысячи страниц не хватит, чтобы отразить всю ее своеобразность и оригинальность.

Это была уникальная эпоха. Все, кто пытается меня убедить в обратном, напоминают мне ту самую учительницу истории и ее рассказы о Кампанелле.

В детстве ты не думаешь о завтрашнем дне, завтрашний день — это мечта, которая вот-вот сбудется. Все плохое происходит сегодня, в сию минуту, которая может длиться долго, но никогда не пересечет горизонт, отделяющий настоящее от будущего, она, минута, будет навечно заключена в прошлое вместе с болью, радостью, счастьем или горем...

Во всех смыслах нынче времена другие. Сегодня самые несчастливые граждане нашего государства — это дети, самые беззащитные и обделенные, униженные и оскорбленные, потому что в нищей

стране счастливое детство у большинства маленьких сорванцов может быть только при социализме, который существовал в 60–70-е годы...

И это не плач по утраченному укладу жизни, а смиренная печаль, иногда отчаяние оттого, что это уже не произойдет ни с тобой, ни с кем-либо другим на земле.

— Однажды я проснулся, — вспоминает Анатолий Григорьев, — а весь Пушкин заасфальтирован. Для нас это было такое чудо. Мы начали делать самокаты на подшипниках и гоняли на них как сумасшедшие. По темному, еще мягкому асфальту. Он так замечательно пах. Этот аромат остался со мной навсегда. Чудо свершилось благодаря Хрущеву. Он должен был приехать. И за одну ночь в городе появились асфальтовые дороги. Поэтому, когда я слышу «Хрущев», передо мной сразу всплывают асфальтовые дороги и тротуары.

— Вы видели Хрущева?

— Нет.

— А Путина?

— Нет.

— Вообще никого не видели?

— Отчего же, мне Миронова вполне достаточно видеть. Я скоро в экспедицию на Байкал уезжаю, он должен прилететь дня на два – на три. Ночи там темные, а звезды как лампы по небу развешаны. Костер в небо рвется. А мы

всю ночь вспоминаем и песни поем... И Мироныч оттаивает. А для меня это теперь самые счастливые часы. Байкал, звезды, наше прошлое и друг детства рядом...

— Вы поэт...

— Просто глоток чистого воздуха. Я ведь когда-то рисовал, мечтал стать художником. Я рисовал целыми днями. Рисовал, как мог. У моей одноклассницы отец был настоящим художником. Я показал ему свои рисунки, он сказал, что рано мне еще поступать, надо много работать. А я год вынужден был работать на заводе, а потом с Мионовым в техникум пошел... Вот так в жизни бывает. Делаешь один маленький шагок в сторону, а тебя уносит от цели навсегда. У Сергея как-то по-другому все получается... Это всегда так было, он и пацаном знал, что ему надо и как этого добиться. Хотя... у меня большая ювелирная мастерская в Питере, и письменный прибор у Путина на столе стоит...

84

— А у Миронова есть?

— Мы для него много сделали, он покупает, я думаю, чтобы другу помочь...

— Память детства?!

— Это навсегда.

— Да, — задумчиво повторяю я, — память детства.

— Однажды, — вдруг говорит он, — в восьмом классе мы отправились с ним на велосипе-

дах в Новгород. А обратно решили на попутках добираться — один велосипед сломался. Мы стоим и голосуем, а нам не везет. Велосипед разобрали на запчасти. А денег у нас ни копейки, чтобы за электричку заплатить. На попутках денег обычно с пацанов не брали. Выходит какой-то мужик из леса. Спрашивает, что случилось. Мы рассказали. Он нам дал три рубля и ушел обратно в лес... На эти деньги мы добрались до дома.

— Теперь бы маньяк вышел.

— Не все так плохо...

За окном Невский, его в окне заштриховывает мелкий летний дождь. Получается карандашный набросок. В кабинете дневная полутьма. Небо над Невским серое, и солнце скрыто от глаз, и небо отсутствует для тех, кто спешит по широкому тротуару сквозь многоголовую толпу. За стеклом из-за длинного президентского стола проплывают мимо парашюты зонтов.

85

«Не все так плохо, — соглашаюсь я про себя, прощаясь с другом детства Миронова, — как есть на самом деле...»

Я недавно спросил у своего друга Андрея Бычкова, поэта и журналиста, какое самое лучшее время было в нашей жизни. Даже могу сказать, когда за всю историю России хорошо жилось большинству народа. При Леониде Брежнев, в 60–70-е годы, сказал он. Сталин не продавал

нефть, при Хрущеве страна поднималась из руин, а Брежнев сделал нефть и газ главным экспортным товаром. И тогда более-менее честно, в силу просто самой системы, доходы от ее продажи доставались почти всем.

Андрюша Бычков никогда не любил социализм, потому что прожил при нем тридцать лет, но вот то, что случилось после и продолжается до сих пор, пробуждает в нем сильнейшую ностальгию, не по коммунистической партии — по справедливости, которая была в те времена, да, господа, была... Особенно для маленьких граждан. На государственном уровне...

86 Сегодня становится модным возвращать социалистические идеи из-под накипи недавних обжигающих несправедливостью постперестроечных лет. Я не удивлюсь, если в 2012 году капитализм в России сам в себя вколотит последний гвоздь. Как в период президентских выборов 1996 года после известной рекламной акции фирмы «Ксерокс» Анатолий Чубайс объявил о последнем забитом им гвозде в гроб коммунизма. Коммунизм в ленинско-сталинской редакции действительно умер вместе с внезапно скончавшимся горцем в 21.30 5 мая 1953 года. Мы родились в его бархатный сезон, который длился до мая 1985 года, когда Михаил Горбачев объявил на Невском проспекте у Аничкова моста о начале перестройки.

Май — теперь не самый лучший месяц для начала больших перемен или начала политической карьеры. Я бы отменил майские инаугурации президентов России.

Май — месяц, опасный для реформ, и народ мается, и реформаторы теряют власть.

Наш русский капитализм так и не успеет вырасти из детских штанишек русских мальчиков, перспектива нового социального строя не так уж нереальна.

Бархатные времена не вернуть, и все же стоит вспоминать о них хорошо, по-доброму, честно, непредвзято, так, как их переживали дети бархатного социализма Сергей Миронов и его биограф.

Вот характерный пример нашего общежития, одного из великолепных социальных проектов социализма — пионерские лагеря. У Сергея Миронова это опыт самодетельного школьного лагеря под названием «Лапушко». Расшифровывался он просто как «лагерь пушкинских комсомольцев». Придумал его школьный учитель Леонид Ефимович Гликман, который преподавал в 410-й школе. За глаза его звали «наш Макаренко». Вспоминали о своем замечательном лагере все мои собеседники и, конечно, Сергей Миронов.

Обычно из класса ездило двадцать человек. Леонид Ефимович брал на себя такую ответственность. Он договаривался с совхозом, и школьники работали и отдыхали, но больше отдыхали.

У них была своя форма — зеленые пилотки с буквой «Л» и специальные галстуки. Полное самоуправление.

Леонид Ефимович, как мудрый начальник лагеря, только посмеивался и очень многое разрешал своим юным питомцам. За один месяц мальчишки и девчонки становились настоящими друзьями, потому что вместе трудились на совхозных полях, готовили еду, путешествовали по живописным окрестностям у берегов реки Сороть села Михайловское.

Вот здесь ходил Пушкин, а здесь, в этой дубовой аллее, признавался в любви Анне Керн, а здесь... Пушкинские Горы... Ночь, костер, чтение стихов, сверкающие глаза девчонок, первая любовь...

88

Все это удивительным образом переплеталось и гармонично сосуществовало с комсомолом, ощущением будущего, которое не просто было, как теперь сказали бы, позитивным, а лучезарным сначала для всех советских людей, а потом и для людей всей планеты.

Идеи всеобщего братства, равенства, свободы...

И Пушкинские Горы... И чистая романтическая влюбленность...

Они трудились и любили, честно, чисто любили, дружили так, что за товарища готовы были и в огонь и в воду...

Я недавно по Первому каналу смотрел новую программу Владимира Познера имени Познера.

Давали Юрия Михайловича Лужкова. И как бы были заданы как бы неожиданно неприятные вопросы. При этом Познер вставал и, как следователь, заходил за кресло Юрия Михайловича. Мэр Москвы морщился, ему как-то не совсем это нравилось... Так вот, когда у Лужкова спросили о его московском детстве, в первый раз тот снял с себя привычную каменную маску. Он на секунду стал неожиданно трогательным... И он ведь не из железа сварен...

Воспоминания о детстве даже у Юрия Лужкова вызывают чистый блеск в маленьких хитрых глазах и какую-то секундную незащищенность на тонких губах. У человека, который, может быть, как никто среди нынешних политиков знает всю бездну человеческой природы...

89

Мы все прожили детство и юность в великую эпоху бархатного социализма... И не так много найдется людей, кто, уже перед Богом, бросит в нее камень...

И еще, недавно я случайно оказался в маленьком оперном театре Петербурга. Представляли одноактную оперу-буфф Доницетти «Il Campanello di notte». Даже я, далекий от оперы человек, понял, что актеры дают проходной спектакль.

Я не буду пересказывать сюжет, он примитивен и прост. Он, как бы сказали сейчас, развлека-

телен по своей фабуле. Но там, как в придворном театре XVII века, есть своя нехитрая мораль. Ради нее и написана эта глава. Мораль такова: старая жена все равно лучше новой, даже если та молода и красива.

Я бы ее переиначил на наш лад. Старая страна лучше... Тем более что новая вызывает, мягко говоря, животный ужас.

Дверной колокольчик, который не дает покоя аптекарю в этой опере, не дает покоя и всем нам, у кого еще не атрофировался тонкий слух и память не забита агитпропом и американскими блокбастерами...

9

Сердце Павловича

Он болел и не мог со мной встретиться. Сердце старого армейского друга изнашивалось, как у многих русских людей. Жить в России — как по минному полю ходить. Даже если там мин нет, все равно можно поле не перейти. Сердечная мышца отчего-то не выдерживает и рвется после сорока долгих, как вечность, шагов...

91

Я набрал мобильный телефон Константина Павловича.

— Я от Миронова, — объяснял я ему. — Мы могли бы поговорить, в любое время, там, где вам удобно?..

— Да, я не против... поговорить, — медленно, словно подбирая слова, отвечал он, — давайте

только позже, недели через две-три, а лучше через месяц.

Через месяц он мне сказал, что попал в больницу, но ничего, вроде выкарабкался. И потом добавил:

— Как министр лежу в отдельной палате, Миронов помог. Врачи здесь отличные...

Было в его голосе одиночество и отстраненность от мира здоровых людей, один из которых бодрым голосом пытался договориться с ним о встрече. У Льва Толстого в его знаменитом рассказе «Смерть Ивана Ильича» это состояние главного героя очень точно передано.

Я не решился, да и не мог настаивать.

92 Перед глазами мгновенно возникла светлая комната, кровать, и на ней почему-то сидит человек, прижал трубку к уху и ждет, когда на том конце незримой волны его наконец оставят в покое. В той же комнате, где-то совсем рядом, затаился враг, он тоже невидим, но крепко привязан к нему, он от него так просто не отстанет, его не выключить кнопкой на мобильном телефоне.

— Мы с вами обязательно увидимся, — говорит Павлович. — Но здесь не очень удобно...

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Когда вам можно будет позвонить?

— Я не знаю, от врачей зависит...

Я понимаю, что разговор закончен, и прощаюсь, а он говорит, не «до свидания» или «до встречи», а «прощайте».

Мне становится не по себе. Господи, говорю я себе и Ему, помоги, сделай так, чтобы этому незнакомому мне человеку стало лучше, чтобы он поправился, чтобы перестало вдруг появляться на миг и дрожать, как едва тронутая струна, в его интонации бесконечное отчаяние...

Прошло полгода. И я снова набрал его номер. Мне ответил женский голос:

— Здравствуйте, меня зовут Ирина Александровна, я его жена, я помню вас, перезвоните через десять минут...

Через десять минут:

— Он готов с вами поговорить, только недолго, я включу громкую связь...

Не передать мне голос человека, который долго и отчаянно борется за свою жизнь и очень устал от этой битвы за свое сердце. Но отступить не намерен, потому что отступить некуда, вокруг крутящаяся бездна неизвестности, а на островке, очерченном тобой, твоим «я», твоим телом, — огромный, бесконечно прекрасный, родной и ослепительный мир твоей жизни, еще пока твоей. Вот что я почувствовал в спокойном и чуть отрешенном голосе незнакомого человека, которого я никогда не видел и, возможно, никогда не увижу, но уж точно запомню на всю жизнь.

Он отвечал на мои вопросы очень коротко, без деталей, дат. Эта беседа продолжалась двадцать минут, двадцать минут с долгими паузами.

— У нас было все не так, как показывают в фильмах. С Сергеем мы укрывались одной шинелью, пока первую неделю жили в спортзале учебной части, которая находилась в сорока километрах от Каунаса. С утра до вечера нас гоняли как сумасшедших, вечером мы, не чуя себя, валясь от усталости, спали как убитые до утра, и снова без роздыху нас готовили к очень тяжелой и смертельно опасной работе — умирать за Родину. Пафоса у нас было не много, а много было пота и кровавых мозолей. Четыре раза мы с Мироновым прыгали с парашютом, не разбились, что уже было маленькой победой над смертью. А потом, после учебы, уже в Баку, нас развели по разным частям. Но за эти полгода мы стали настоящими друзьями. Нас никогда и никто не мог и не посмел бы унижить. Мы бы дрались друг за друга до конца. А драться нас учили профессионально, и мы рисковали не один раз. Когда ты молод, легко можешь отдать свою жизнь за товарища... Да и он бы не раздумывая так поступил, и я. Мы с ним познакомились в ноябре 1971 года, мы стали друзьями за четыре дня, потому что в эти четыре дня очень многое поняли в жизни. Советская армия — это была великая школа, хотел сказать возмужания, да нет, испытания на мужество, стойкость и характер. И если армия делала тебя лучше, то уже потом тебя невозможно было сломать, почти невозможно... Нам было очень тяжело, мы выжи-

вали, не теряя достоинства, мы осваивали эту суровую военную профессию десантника. И поэтому день шел как за год...

День шел как за год... Его голос и теперь, когда я пишу эту главу, оживает во мне и оживляет все, что я смог узнать от армейских друзей, все то, что выбрала моя память из тех двух лет, длиною в отдельную, особую жизнь Миронова...

Я смотрю на советскую армию глазами Сергея Миронова. У меня опыт совсем ничтожный. И очень разный. После четвертого курса Ленинградского университета нас на месяц вместе с офицерами военной кафедры отправили под Выборг, в часть у самой границы с Финляндией. Поэтому это была не совсем армия, скорее университетский военный лагерь.

Наши офицеры ругались матом только в самом отчаянном случае, то есть когда речь шла о жизни и смерти. Одним словом, наши отцы-командиры были военной интеллигенцией.

В наш бронетанковый полк отправляли служить самых бесперспективных и проштрафившихся офицеров. Они по-черному пили, лейтенанты и капитаны, у которых не было никаких шансов сделать карьеру и получить на погоны хотя бы три полковничьи звезды. Командовал ими подполковник, который выстраивал всю свою маленькую армию на плацу и два часа орал

на солнцепеке, так что его бешеный ор долетал до финских пограничников.

При нас случилось две беды. От запойного пьянства умер капитан, и его цинковый гроб был выставлен в предбаннике столовой. Видимо, в наездание его собутыльникам. И как-то ночью обвалилась крыша гауптвахты.

Повара, солдата-срочника, который беззастенчиво воровал вместе с двумя мордастыми прапорщиками, за отвратительное приготовление пищи заключили на десять суток в ленинский уголок. «...И жрать не давать этой сволочи! — орал на плацу весь зеленый от ярости командир полка. — Год у меня жрать не будет!» Подполковник и его семья несколько дней, что называется, мучились животом после обеда в офицерской столовой.

96

И другая, обратная сторона советской армии. Мы создали студенческую агитбригаду и дали несколько концертов. Один из них состоялся на пограничной заставе имени Горькавого. В чистой столовой нас накормили великолепным солдатским обедом. На столах даже были бумажные салфетки. А казарма представляла собой светлые, чистые комнаты, в которых стояло по пять кроватей, самых обычных, с пирамидами белоснежных подушек в изголовье.

Служебные овчарки были выхожены, вычесаны и сверкали сытыми умными глазами.

После этого месяца советскую армию я воспринимал без полутонов, либо в насыщенном черном цвете, либо в возвышенно белом. Хотя цвет у нашей армии был красный. Как и жизнь не бывает или черной, или белой... Иногда ее вообще не бывает...

Для гвардии старшего сержанта ВДВ Сергея Миронова жизнь в армии была такой, какой для него она уже не будет никогда. Из прошлого ничего не вернуть, а мы попробуем вытащить пару артефактов из темного небытия прошлого, как фокусник за длинные уши зайца из черного цилиндра...

Что-то там у нас? Стиль становится ломким, как первый лед. Да и бог с ним, у меня нет времени, издатель требует рукопись, а рукопись медленно проявляет слова...

97

Итак, Сергей Миронов 28 октября 1971 года в тамбуре электрички решает бросить свой индустриальный техникум, а в нем факультет «Геофизические методы поиска и разведки полезных ископаемых» и идти фактически добровольцем в советскую армию. Можно было и не ходить, окончить техникум, а потом институт. И получить высокое звание лейтенанта запаса.

В Советском Союзе понимали, что в армии не обязательно всем служить, что интеллект не надо проверять на прочность кирзовыми сапогами, а можно сохранить его в первозданном виде на военных кафедрах. Но Сергей Миронов очень

хорошо думал об армии: что это школа мужества, и каждый настоящий мужчина должен эту школу пройти, и ему армия не помешает, а только закалит, а техникум ему порядком надоел. Это была не школа и не институт, форма была тесновата для его натуры, и он решил ее сменить на тельняшку, голубой берет и китель цвета хаки. Военком и отправил его в ВДВ.

«Там с парашютами придется дело иметь, сейчас еще можно отказаться, — со знанием дела сказал военком, и его слегка передернуло. Может, вспомнил свой первый затяжной...»

98 Сергей Миронов посмотрел на Толика Григорьева. А Толику уже давно осточертело сидеть за партией и изучать ископаемые. Он был влюблен, и перед его взглядом миражом струилась живая девушка, с которой у него был совсем не детский роман.

Возле военкомата стояла колонна стриженных и не слишком трезвых пацанов. На дворе было уже 12 ноября. Воскресным днем уходить на два года в неизвестность тяжело. Он обнялся с отцом, у них были непростые отношения, но он очень любил этого одинокого и несчастного человека.

«Служи честно, — сказали ему глаза отца и еще что-то хотели добавить, но не посмели».

С Толиком отношения были простые. Они крепко обнялись друг друга.

— Серега! — сказал Григорьев.

— Толян! — ответил ему Миронов.

Их построили в колонну. И они ушли в утро города Пушкин.

Как-то сразу вспоминается известная песня: «Идет солдат по городу, по незнакомой улице...»

Миронов шел по знакомой улице Красной Артиллерии. Ему всегда везло в жизни. И здесь удача повернулась к нему своим греческим профилем. Колонна двигалась мимо его дома с башнями.

Он подумал: «Вот бы сестра вышла... — Она проплакала весь вчерашний день. — Было бы здорово ее увидеть...»

Они жили на первом этаже, окна их комнаты выходили во двор военного училища. И тут ему еще раз повезло. Из окна сонными глазами смотрел сосед по квартире. Миронов махнул ему. И через минуту колонну нагнала сестра. Она шла рядом с Сергеем. Как в фильмах. И у него защемило сердце. Сержант, сопровождавший призывников, сначала строго взглянул на девушку, но тут усмехнулся в усы, если бы они у него были, а так — в мясистый картофельный нос и вразвалочку пошел рядом с ней, отпуская сержантские комплименты. А сестра, ангел небесный, делала ему глазки и краснела. И не отставала, потому что сержант важная птица, может,

как-то ее невинный флирт на утренней улице с сержантом поможет брату в первые, самые трудные дни службы...

А дни тянулись медленно, словно гуттаперчевая резина. Их уже привезли в часть под Каунасом. Каунас — почти заграница. Только этого Каунаса они не видели. Выгнали в темноту из вагонов. Они ждали чего-то. Второго пришествия сержанта без усов. Миронов был простой и доверчивый парень. К нему подошел какой-то солдат. И говорит:

— Хочешь в клевое место попасть, а то у нас тут всякие есть... Хочешь, подсоблю?

— Кто ж откажется, — ответил Миронов.

100

— А давай махнемся часами, по-нашему, по-десантному, не глядя!

— Хорошо. — Миронов снял часы «Победа», они были старенькие, но были дороги как подарок отца.

— Я сейчас, — сказал солдат и исчез в темноте.

В бане Миронов разглядел свои новые часы. Они были без стрелок.

«Ну и черт с ним», — подумал он с горечью, имея в виду не часы, а солдата.

У меня есть старый приятель, журналист. Он — правоверный еврей. Я хожу в православный храм, а он в синагогу. Он считает, что мы ходим молиться одному Богу, только с разных

подъездов. Недавно мы шли по подземному переходу к Гостиному Двору. Переход от Пассажа через Невский проспект. Внизу обычно стоят профессиональные старушки и инвалиды и просят милостыню. Их обездоленность — очень высокого качества. Хотя зарабатывают они, думаю, больше, чем мы оба вместе взятые. Мой приятель полез в карман и сунул старушке десять рублей.

— Старушка ненастоящая, — сказал я ему. — Она здесь давно работает.

— Ну и что, — ответил он. — Я Бога не обманываю...

Так и в случае с часами «Победа», черт ушел с солдатом...

101

Каждое утро в шесть часов утра Сергей Миронов просыпался от крика:

— Рота, подъем!

Первые секунды он не мог понять, где он. Только что плыл в уютном домашнем мире, и ему снились улицы, солнечный день, Маринка, ее звонкий смех, их комната — все такое близкое и знакомое до щемящей грусти. И вдруг — полутьма казармы, ряды двухъярусных нар, суета и топот босых ног... Но с каждым новым утром дом все дальше и дальше уходил из снов.

Сны перестали пахнуть домом. Они стали серыми и бесформенными. Как крик дежурного:

— Рота, подъем!

Однажды они, новобранцы, увидели как солдаты, заканчивающие учебку, таскают доски, и за казармой было слышно, как стучат молотки по дереву.

Один, самый любопытный, отправился узнать, что за суэта такая в части, может, какой-никакой генерал прибывает.

Через десять минут он прибежал с круглыми глазами и, задыхаясь, выпалил:

— Они там гробы колотят!

— Чего?!

— Чего-чего! Я спросил у одного. А он мне сказал, что сегодня прыжковый день. Второй батальон прыгает, а первый гробы колотит...

Народ весь побледнел и стал блудливо искать глазами, в какую сторону бежать из части.

Тут Миронов вспомнил военкома с дергающимся лицом. И подумал, что он легкомысленно отнесся к совету бывалого человека. Он вспомнил свое родное Царское Село, город Пушкин. И техникум ему показался дорогим и желанным учебным заведением, чем-то вроде лица Саши Пушкина.

Они не знали, что это просто такая специальная десантская шутка. Но в каждой специальной

десантской шутке была доля горькой, как полынь, правды...

Первую неделю кажется, что тебя пустили по всем кругам ада, каждый из которых отличается своей изощренной системой испытаний и требует солдатской смекалки, абсолютного терпения и мужества. А чувство собственного достоинства меняет свой химический состав. Оно есть, и без него невозможно, без него тебя могут превратить в раба, но оно другое, чем в мире за забором. А здесь все улицы — незнакомые... А вместо улыбок девичьих — сержанты, муштрующие с утра до вечера.

Неделю они ночевали в спортзале. Это была очень долгая неделя. Но зато они сдружились с Костей Павловичем. Их дружба, их мужское братство закалялось, как сталь, целую вечность — семь первых дней службы в советской армии, в ее элитных подразделениях — десантных войсках. А прошлая жизнь унеслась куда-то, и где-то очень далеко еще мелькал этот теплый огонек. «Бьется в тесной пещурке огонь...»

103

Вечером под проливным дождем полусонных новобранцев рассадили по грузовикам с тентами и увезли на плац Гайжюнайской учебной части. И там сержанты, зычно выкрикивая: «Кто хочет в операторы-наводчики ПТУРСа,

два шага вперед!» — разбирали их по подразделениям.

Они долго еще мокли бы под холодным ноябрьским дождем, если бы вдруг откуда-то из темноты не появился маленький, коренастый, с выползающей из-под шапки зыбкой старшина Михаил Шуманский. Он не крикнул, а выстрелил криком, как из гаубицы, так что его было слышно далеко за границами плаца:

— А что, салаги, кто в морской десант?

— А это что такое, товарищ старшина? — таким же криком спросил Миронов.

— А это такое, — грозно и с пафосом воскликнул старшина Шуманский, — что обычному солдату даже в страшном кошмаре не приснится. Прыжки с парашютом ночью в морскую бездну в пятибалльный шторм. Кто готов рискнуть хилым здоровьем, выходи!

104

Миронов с Павловичем, не сговариваясь, шагнули вперед. Они уже представляли себя морскими дьяволами, которые и генералам смеются в лицо, а не то что какой-то смерти...

Ни в какой морской десант их не взяли. Так старшина Шуманский отбирал солдат в свою роту. Не любил отказников, тех, кто не мог сделать шаг с борта «Ан-2» самостоятельно. А у него прыгали все. А если Родина приказала бы Шуманскому, сигналы бы вниз вместе со старшиной и без парашюта. На одном советском патриотизме... Вот какой

был гвардии старшина Михаил Шуманский, бывший на гражданке администратором знаменитого ансамбля «Песняры».

...Приезд генерала в часть сродни нанесению ядерного удара вероятным противником. А противник всегда вероятный, невероятных противников у советской армии не бывает, потому что она сама невероятная, то есть побеждает чудом. А чудо это — простой русский солдат...

Генерал — это другая вселенная, инопланетное существо, как говорили бывалые прапорщики, генерал — это не воинское звание, это и есть счастье.

105

Генеральская проверка нависла над Гайжюнайской учебной частью. Сам командир — полковник инспектировал вверенное ему воинское подразделение.

Тут он увидел бетонную плиту, лежащую уже который год у казармы. Плита лежала плохо. Как бы даже вызывала раздражение. Углом к торцовой стене. Она и сама была стеной, только, видимо, лишней. Генералу могло не понравиться, все отлично в части, а тут плита, да еще в расхристанном положении, если бы параллельно к казарме, то как бы вроде и не придерешься, а так... Полковник нахмурился, нахмурились и сопровождавшие его офицеры.

— Так, товарищи, — сказал он. — Плита — не мелочь. Эта плита — кость в горле нашей части. Надо что-то делать с плитой. Какие есть предложения, товарищи офицеры?

— Краном ее подцепить... — высказался кто-то из младших.

Полковник еще сильнее нахмурился:

— А если подумать... Если слегка напрячь кумпол?!

— Шуманского позвать, — сказал замполит. — Он со своими орлами ее до Каунаса донесет!

— Отставить Каунас, — ответил полковник. — Плита нам еще пригодится. Плита, между прочим, денег стоит. А вот ее параллельно стене надо положить и на метров пять этак вперед, чтоб вровень с углом легла... Выполняйте, товарищи... Может, старый хрыч сюда и не заглянет...

106

Взвод, тридцать десантников, среди них Миронов и Павлович, как муравьи окружили огромную бетонную плиту. Все понимали, что такой вес им не то что передвинуть, а даже от земли не оторвать. Да и особо надрываться не хотелось.

— Мы страшно напряглись, — вспоминает Сергей Миронов. — Глаза выпучили и такое на физиономии нечеловеческое усилие изобразили, словно перед нами была пирамида Хеопса. Естественно, плита даже не вздрогнула.

Но на солдатскую смекалку всегда найдется сержантская. А она, как известно, осечек не дает, потому что основана на опыте многих поколений сержантов и старшин.

Сержанты это увидели, дали команду: «Строиться на плацу». Мы построились, сержант командовал: «Взвод, садись!» Мы присели на корточки, прозвучала команда: «Гусиным шагом вокруг плаца шагом марш!» Прошли два круга, ноги уже отваливались, руки затекали, пот лил ручьем, после этого поступила команда: «К плите!» Надо ли говорить, что плита как пушинка была поднята, мы готовы были нести ее куда угодно, только бы не возвращаться на плац для гусиного шага, — заканчивает, улыбаясь, эту историю Сергей Миронов. — Нас приучали с первых дней, что в десанте не бывает невыполнимых приказов и плохих десантников не бывает. Мы потом не раз делали то, что сначала нам казалось невозможным...

Это он говорил уже без улыбки.

...«Ан-2» набирал высоту. Миронов набирал ее еще в казарме. Когда он закрывал глаза, самолет круг за кругом поднимался ввысь, и вдруг он оказывался перед летящей бездной. И было страшно не оттого, что она вдруг разверзлась перед ногами, а то, что на тебя смотрят, смотрят,

струсишь ты шагнуть вниз или нет. И еще со свистом разрывной пули раздавался знакомый голос старшины:

— Отказник!

И это было страшнее всего. У него тяжелело на сердце, и по спине пробегал предательский холодок. Не прыгнуть для него было хуже, чем умереть. Он ни минуты не сомневался, что справится с обычным человеческим инстинктом самосохранения. Даже если бы ему кто-то сказал, что шансов выжить у него немного, он все равно бы рискнул.

Все равно было не по себе, оттого, что он не знал, как себя поведет его страх там, в небе.

108 Первый прыжок он вынужден был пропустить. Натер ногу, она распухла и посинела. А Павлович и его товарищи уже ходили по казарме со значками — маленькими раскрытыми парашютами на стальной основе. Это были первые их награды в армии, и все они ими очень гордились, словно это была настоящая боевая медаль «За отвагу».

И возбужденно делились впечатлениями.

— Серега, — с блеском в глазах говорил Костя Павлович, — жаль, что тебя не было с нами. Ничего, скоро второй прыжок. Совсем и не страшно. Сначала немного, а потом... словами не передать, так здорово. Вот ни с чем не сравнить.

И Миронов уже не мог дождаться дня, когда сможет стать, как и его товарищи, настоящим де-

сантником, первым прыжком пройдет своеобразный обряд инициации и будет принят в орден мужественных и сильных солдат великой страны.

Самолет вздрагивал в воздушных потоках и проваливался вниз на воздушных ямах, но тут же поднимался, мерно ревя моторами. Их равномерный гул успокаивал. Костя Павлович сидел напротив, как все одетый в шапку-ушанку и валенки. В морозном небе стлыли облака. Поля и леса были покрыты толстым слоем снега. Миронов на аэродроме подумал:

— Хорошо, что снег...

Они должны были прыгать с высоты восьмисот метров, без оружия. Весь полет вниз всего-то полторы минуты. Но время в этих минутах сжато, и пружина выжимается медленно...

109

«Ан-2» наконец достигает своей высоты. Над входом в кабину летчиков зажигается желтая лампочка «Внимание». К выпускающему офицеру, карабин которого тоже пристегнут к торосу, на винтовом кресле поворачивается летчик и дает знак, чтобы приготовились. Он открывает вовнутрь дверь, и за ней рвутся облака. Сердце заводится и сжимается, как время. Рев мотора усиливается и заполняет весь фюзеляж. Еще немного, и самолет выдернут у тебя из-под ног. Вспыхнула зеленая лампа.

— Первый, пошел! — привычно скомандовал офицер. Солдаты стали передвигаться вдоль скамьи. На борту их было девять человек и офицер.

Один за другим они прыгали в овал двери. Миронов был как раз напротив и видел, как на секунду его товарищи замирали в проеме и вдруг исчезали в прозрачном паре облаков.

Сергей Миронов шел пятым, а за ним Слава Поворотный — двухметровый, косая сажень в плечах, здоровяк. Слава шестым оказался неслучайно. Если бы Миронов вдруг не смог шагнуть вперед, то Слава помог бы товарищу пинком пониже спины.

110

Снова прозвучала команда. Теперь была очередь Миронова. Он встал и даже не ощутил тяжести сложенного за спиной парашюта. Вместе с запаской тот весил 28 килограммов.

Миронов встал и в два шага, чтобы не дать страху завладеть им безраздельно, вылетел в дверь и тут... кто-то рванул его за ноги вниз... Секунду он приходил в себя, потом рука автоматически дернула кольцо, раздался шорох, словно ветер путался в осенней листве, и вдруг над головой резким хлопком взорвался купол. Миронова пружиной подбросило вверх, так ему показалось, а потом вдруг наступила полная тишина. Он парил в полнейшей тишине в молочном тумане облаков. И вдруг восторг и еще какое-то чувство,

ощущение жизни, радость жизни, заполнили все его существо. Эта была радуга эмоций, все цвета переживаний слились в один крик. Миронов услышал его и понял, что это он кричит...

Потом он поднял голову и увидел, что стропы не перепутаны и парашют дышит колоколом, рядом никого из его товарищей не было. До земли оставалось сотни две метров.

Он вытянул ноги, сжал их вместе, как их учили на тренажере...

Пока он укладывал парашют в специальную сумку, к нему подошел взводный командир и протянул коробочку со значком.

— Молодец, — похвалил он Миронова. — Хочешь, сегодня еще раз...

111

Лейтенант хотел, чтобы Миронов догнал своих товарищей, так ему будет проще, он больше не будет ни в чем отставать от них.

Сергей кивнул, да, он готов прыгать, и даже не один раз. Всего за свою службу он совершил двадцать пять прыжков, обычно — бывает в два раза меньше.

Вечером после отбоя, он, уже в своей койке, в темноте, сквозь ноющую боль во всем теле вдруг ощутил что-то знакомое, невероятно знакомое...

Может, это был уже сон, или в тающей реальности вдруг ярко вспыхнула знакомая улица и трех-

этажный, с башнями, дом, и соседские окна, и в одном из них тот самый сосед... и вдруг синий ситец знакомого платья...

И вот она, едва поспевая, шагает рядом с ним, его родная сестренка, и в глазах ее стоят слезы...

112

Марина приехала к нему в день рождения, 14 февраля. С ней вместе был и его друг Толик Григорьев. Из части их отпустили вместе с Костей Павловичем. Полдня они провели вчетвером. Словно самые близкие и родные люди. Они были молоды, красивы и счастливы. Костя и Сергей были десантниками. Они уже возмужали и окрепли. Они уже ощущали себя настоящими солдатами. Ими уже можно было гордиться. Они выдержали первые, самые трудные, месяцы службы в армии, в десантных войсках...

— Ты там не очень, — зная отчаянный характер брата, просила Марина, — не лезь на рожон...

А Миронов и не лез, он и потом никогда не показывал свое мужество на публике, всегда соизмерял свои возможности, много трудился, он старался делать больше, чем на его месте делали другие, и за этот характер, за честность и огромную трудоспособность судьба каждый раз его вознаграждала. Но это была всегда заслуженная награда, заработанная везучесть...

Так просто, легко, как снисхождение небес, ему в жизни ничего не доставалось. Везде надо было сделать свои двадцать пять прыжков...

Как-то к Косте Павловичу приехала мама. Они в это время были в полях, спали в плащ-палатках прямо на снегу. Мороз был градусов двадцать пять.

Косте дали увольнительную, а Миронова оставили в роте на снегу. Их товарищи удивились, они думали, что Миронов и Павлович — родные братья...

Путь воина заканчивается на острие клинка. Так говорится в одном древнем японском тексте.

113

Не скрою, я никогда не был большим любителем армейской жизни. Теперь я изменил свое мнение, не в отношении службы в армии — просто гражданский долг, и не более, а в том, что каждый должен пройти свой путь воина. Это особое воспитание духа, внутренней сосредоточенности, готовности к самопожертвованию и особое отношение к смерти.

Ведь неслучайно для воина ничего нет позорнее, чем струсить, бежать с поля боя, бросить товарища, испугавшись смерти, хотя чего, как не ее, можно только и страшиться. Дело даже не в каре здесь, на земле: презрение, тюрьма или

расстрел. А во внутреннем ощущении смертной вины, смертного греха, за который придется платить там вечной духовной мукой.

Есть еще один короткий текст: путь воина заканчивается Фудзиямой. То есть созерцанием пройденного пути на вершину. Вот и мы так, следуя японской традиции, медленно восходим в гору видимой нам судьбы...

...Через полгода Сергей Миронов получил сержантские лычки и, как и все выпускники учебной части, был направлен в одно из подразделений ВДВ.

114 Десантные дивизии были разбросаны по всему Советскому Союзу согласно стратегической доктрине Генерального штаба. В те времена она еще как бы существовала, эта самая доктрина. И, не церемонясь, какой-нибудь молоденький лейтенант прямо, без обиняков, указывал на вероятного противника. Называть вероятного противника партнером было так же невероятно, как отрицать гуманитарный характер автомата Калашникова в руках советского солдата-интернационалиста.

Среди сержантов, старшин и младших офицеров на первом месте стояла Псковская воздушно-десантная дивизия. Не менее респектабельной представлялась служба в славном городе Киши-

неве. В Кишиневе было хорошо: не слишком жарко и вдоволь вина... Хуже было попасть в Фергану. Но самым «пеклом» среди старших лейтенантов и капитанов считалась 104-я гвардейская Кировабадская, как ее окрестили, «дикая» дивизия.

Миροнова и Павловича отправили в Баку, вдвоем им не была страшна даже самая дикая часть, хоть на Северном полюсе. Сопровождал их двое суток, пока они ехали в поезде, младший сержант, как раз из тех, кто любит показать свою значимость и мелкую власть. Короче, это был не воин, а так, одна форма. Что ему было и объяснено.

— Я требую, чтобы вы оба ко мне обращались на «вы», — не успокаивался он.

115

Как у многих маленьких ростом и честолюбивых людей, у него был развит комплекс величия. Кстати, я заметил, что рост обратно пропорционален ощущению величия. Чем меньше рост, тем больше величие, в соединении с властью — это гремучая смесь. Особо опасны люди между метром шестьюдесятью и шестьюдесятью девятью, их на пушечный выстрел нельзя подпускать к трону. Исторически доказано. Иногда, правда, они носят высокие каблуки, и, кстати, это помогает, они перестают чрезмерно комплексовать, то есть развязывать разные победоносные и не очень войны.

Что-то вроде этого, только на свой, десантный, манер, и пытались втолковать младшему

сержанту два его попутчика. Он обиделся, он не мог смириться с неуважением к нему как начальнику этого похода в город Баку.

И он отомстил, как мстят все мелкие людишки. На вокзале Костю Павловича оставили в Баку, а Сергея Миронова направили в Кировабад, в 337-й гвардейский воздушно-десантный полк.

Из-за спины майора, который читал распределительный список, выглядывал младший сержант и мстительно улыбался...

Через три месяца Сергей Миронов командовал взводом.

116 — Я его сразу приметил, — говорит бывший командир роты, тогда старший лейтенант, Валентин Репкин. — У меня заболел офицер, и я поручил его взвод Сергею. Он так всю свою службу взводом и прокомандовал. Рота у нас была хорошая, не отличная, но крепкая, особенно в спортивном отношении...

Это уже наши дни, 2008 год. Совет Федерации. Мне нравится жанр биографического эссе, как я называю текст, который перед вашими глазами. Он позволяет практически без потерь — композиционных и смысловых — перемещаться во времени и пространстве. Только что мы были в Баку на вокзале весной 1972 года, и вот в одно мгновение очутились в тесном кабинете Валентина Ва-

силевича Репкина — начальника материально-технического отдела. Слева над столом у него полка, а на ней книги про ВДВ.

— А вы чего пришли, о чем писать-то будете, о Миронове? — спрашивает он меня, хитро щуря глаза.

— И о временах, и о нем, — честно, не скрывая цели своего визита к Репкину, говорю я.

— Тут один уже написал о гвардии старшем сержанте Миронове. Хорошо, успели тормознуть, пятьсот страниц текста, «Война и мир» отдыхает...

— Мне столько страниц не написать... — еще раз честно говорю я.

— О Миронове непросто писать, — соглашается он со мной; видимо, я располагаю его к дальнейшему разговору своей откровенностью и пониманием всей сложности задачи.

Валентин Васильевич Репкин неожиданно продолжает:

— Дедовщина — это необходимый атрибут армии...

И смотрит на мою реакцию, а я в профессии больше двадцати лет, и у меня глубокий и неподдельный интерес к нашей беседе в глазах и в мимике лица, это уже автоматически, и меня ничем не удивить, даже XXVIII съездом КПСС в Кремлевском дворце съездов в 2012 году...

Репкин поднимает палец вверх и объясняет:

— Но... если это унижает личность — это одно, это надо выкорчевывать, а в смысле обучения молодых — это совсем другое. А в десантных войсках унижать нельзя. У нас рискованная служба, будешь унижать — тебе стропы в парашюте спутают, и что будет... Часто бывает, что командиры поручают эту работу своим подчиненным, сами не успевают, много дел... Поэтому у нас я никакого унижения личности не терпел. Хотя условия были тяжелые, даже для подготовленных ребят. Вот, например, наш боевой учебный центр для молодых солдат в Герани. Это место еще называют Долиной Смерти. Сорок градусов жары, течет речка Карачай, а в ее воде эмбрионы чумы. Пить нельзя. И все в одинаковых условиях. И солдаты, и офицеры. И это серьезная закалка воли. Но молодым приходилось втолковывать простые истины, чтобы они не остались калеками или не погибли. Поэтому у нас дисциплина жесткая и с утра до вечера идет будничная военная работа. В своем полку мы установили рекорд. Полк полностью вместе с техникой покидал расположение части за четырнадцать минут. То есть был готов к решению любой боевой задачи...

В кабинет заходит Юрий Меркулов, тоже сослуживец Сергея Миронова по Кировабаду, теперь работает в аппарате Совета Федерации. Он садится на край стула и поглядывает на меня исподлобья, и даже с искрой сарказма в больших

темных глазах. Потом осваивается и короткими репликами вклинивается в наш разговор:

— Самое тяжелое — это учения, особенно ротные и батальонные. В гору, с горы — только бегом. Днем — жара. Ночью льет ливень как из ведра. К тому же в горах прохладно, не так, как внизу, в долине. Ложимся спать по пять человек, прижавшись друг к другу, а над нами — плащ-палатка. Весь мокрый, холодно, а спишь — без задних ног, за день тебя так укатали...

— Ротные учения — это предметный разговор, — воодушевленно подхватывает Валентин Репкин. — Идем по полупустыне. Жара страшная. Смертная жара. А вода уже закончилась. Прийти надо вовремя. Видим — известняковая яма, а в ней мутная вода, от жары горячая. Словно солнце в воде растворилось. Всю эту яму мы выпиваем. Тут главное не мутить, чтобы известь не поднималась. Сначала пьют солдаты, потом офицеры. Вот что такое десантные войска.

119

И снова смотрит на меня, словно оценивает, а смог бы я выпить эту жижу и не умереть...

Выпил бы. После Репкина. И мутить не стал бы, несмотря на весь мой демократичный внешний вид. Потому что мы, как раньше говорили, пролетарии умственного труда, а не аристократы духа...

— Однажды, — подает голос Юрий Меркулов, — у нас учения были в горах. Рою укрытие

в скале, чтобы спрятаться и не замерзнуть: ветер, снег, холодно, кромешный ад. Пока долбишь скалу, греешься. Я так устал, что лег и уснул. Если бы на меня случайно не наткнулись, замерз бы.

— Но... — Репкин делает паузу, — в Сталинграде было хуже. А у нас: вышел боец за забор части, а кругом шашлычные. Везде были — у стадиона, у кинотеатра. Шли поесть и «Агдама» попить. Вино отличное, один рубль десять копеек. Шашлык тоже рубль. И какой шашлык, месяц можно потом по горам лазать...

В своих воспоминаниях об армейской жизни Сергей Миронов пишет:

120

«В это лето я впервые увидел, как растет виноград, да и попробовал его прямо с лозы впервые в жизни. Увидел, как растут персики, абрикосы, хурма, гранаты. Помню, однажды, но это уже было, по-моему, через год, на учения мы ехали в открытом ГАЗ-66 по абсолютно дикому месту. И вдруг видим (а дело было в конце сентября): стоят кусты, на них уже практически нет листьев, только висят огромные красные шары — гранаты. Мы двигались в колонне, останавливаться было нельзя, но водитель нашего ГАЗ-66 здорово придумал: он съезжал с дороги, нас немножко трясло на кочках, подъезжал близко к кусту, тормозил и юзом заносил кузов так, что борт бил по кусту и гранаты сыпались

прямо к нам в кузов. Они тут же лопались, мы были все красные, как в крови, но наелись гранатов вдоволь».

— Солдатам платили три рубля восемьдесят копеек в месяц, — говорит Юрий Меркулов, — а за прыжок четыре рубля. У меня двадцать пять прыжков, у Миронова столько же. Только... я когда первый раз прыгал, у нас двое разбились...

— Риск был всегда, — соглашается с ним Валентин Репкин, — но кому суждено, тот смерть и в луже найдет...

Слово «риск» он произносит уважительно, а слово «смерть» — не презрительно и не почтительно, но очень сосредоточенно. Наверное, это такое специальное десантное отношение, близкое к самурайскому восприятию смерти. Только без утонченной эстетики вспарывания живота.

— Подождите, — останавливает меня Репкин. — Я расскажу вам один случай...

Потом я прочел об этом трагическом случае в воспоминаниях Сергея Миронова в его блоге. И эти два рассказа соединились во мне в притчу о войне, красоте и смерти.

Служил в линейной парашютно-десантной роте портной. Звали его Серега Морозов. Известно, какой он был портной, но парашюты латал мастерски. Как Ханс Кристиан Андерсен

рукописи своих сказок. Работал он на складе, и была у него даже швейная машинка. И набор стальных игл. Этими иглами он очень дорожил. Жил он там же, на складе, а так как работы всегда было много, то от занятий по боевой подготовке он был освобожден. Многие солдаты ему завидовали. Потому что свою солдатскую долю хлебали полными котелками. А он занимался своим делом, в тишине, уюте и чистоте парашютного склада. И командиры относились к нему снисходительно, как к уникальному специалисту. Случись что, кто будет ремонтировать парашюты? Да еще так, что шва не найти даже самому глазастому генералу.

122

Так бы Серега Морозов и дошел бы до полного и окончательного дембеля. Но однажды он вышел со склада и решительно направился к своему ротному командиру. Близились большие дивизионные учения.

— Я хочу прыгать, — твердо сказал Морозов. — Скоро дембель, а у меня всего три прыжка.

— Вы, товарищ Морозов, — спокойно сказал ему командир, — будете выполнять другую боевую задачу.

— Какую? — подозрительно спросил гвардии рядовой Морозов.

— Сбирать парашюты на площадке приземления, — твердо сказал командир. В отличие от

тренировочных прыжков, во время учений десантники бросали свои парашюты на земле.

Сергея Морозов поджал губы. Сергей Морозов сильно обиделся на командира и теперь — на свое унижительное положение полковой швеи. Сергей Морозов в первый раз решился оспорить приказ командира:

— Я буду прыгать!

Командир посмотрел на посеревшее лицо рядового Морозова и на его сердитые глаза.

— Но...

— Я буду прыгать!!! — еще упрямее сказал рядовой Морозов.

И командир согласился. Он подумал, что не может отказать, потому что и сам бы на месте Морозова точно так же поступил, чтобы доказать себе... Все-таки у него в роте все — настоящие десантники, настоящие советские солдаты. И даже Морозов... Тут ему стало не по себе, тяжело от нехорошего предчувствия. «Ничего, — подумал он, — справится...»

Небо было огромным, безоблачным. В свежей синеве ярко пылало весеннее солнце. Стальные серебристые машины шли одна за другой на километровой высоте, выбрасывая из своих фюзеляжей сотни десантников. Тысячи парашютов парили в вышине. Их купола раскрывались как белые тюльпаны, наполняясь солнечной синевой бесконечного неба.

Сергея Морозов был счастлив. Он чувствовал себя не просто счастливым, а самым счастливым человеком на земле. Он спокойно шагнул в небо, и когда парашют раскрылся, его оглушила вспышка восторга. Он хотел крикнуть, и вдруг его крутануло, он успел заметить, как кто-то другой смял купол его парашюта, стропы переплелись, и воздух засвистел в ушах, они стремительно падали вниз.

124

Купол его парашюта пробил лейтенант. Офицер был опытным, но и на старуху бывает проруха. Офицер что-то крикнул ему. И Серега рванул кольцо запасного парашюта. А этого делать было нельзя. Но он был портным больше, чем десантником. Запаска превратила стропы и перекаль в еще больший ком.

Надо было стропорезом перерезать стропы и уйти на чистое пространство, а затем уже воспользоваться запасным парашютом. Но в такие секунды только когда все отработано на земле до автоматизма, принимается правильное решение. Не зря у командира было тяжелое чувство.

Сергея Морозов вдруг услышал крики. Он подумал, что это кричит он и тот, кто свалился на него сверху. Но это кричали сотни парящих на парашютах десантников вокруг них.

«Жаль», — еще успел подумать Морозов за секунду от оглушающей боли и черного, другого неба вокруг.

Лейтенант мог перерезать стропы и открыть запаску. Но тогда бы погиб Морозов. А он был не виноват. Никто не был виноват, но лейтенант себе бы не простил.

Он был воином.

Офицер не бросил Морозова. Он попытался открыть запаску, но парашют не успел раскрыться...

Сергея Морозов умер сразу.

Кости у лейтенанта все были переломаны. Он кричал от боли. И медленно умирал на руках комдива. А комдив плакал, пряча глаза от окружающих их офицеров.

Лейтенант очнулся и сказал комдиву:

— Не жалею...

125

И это было правдой. Потому что через боль и первые секунды отчаяния лейтенант ощутил что-то другое, что сильнее всего этого мира, он ощутил, как вечность прикасается к воину и уносит его под своим белоснежным куполом к другому, новому миру...

Вот такая история.

Когда мы прощались, Валентин Репкин, пожимая мне руку, вдруг афористично сказал:

— Умных людей много, надежных мало...

И посмотрел куда-то в сторону, как показалось мне, в сторону Красной площади.

...Это раннее утро 15 ноября 1973 года Сергей Миронов не забудет никогда. Уже потом он не раз будет возвращаться домой после долгих-долгих геологических экспедиций. Но 15 ноября это было в первый раз.

Когда из плацкартного вагона, после обрывистого полусна, он вышел на перрон Варшавского вокзала вместе со своим сослуживцем Сашей Шапкиным в серый морозный ноябрь, вдруг почувствовал, что всё — бесконечные два года остались за спиной: и в Гайжюнае, в учебной части, и Кировабадском полку, и даже в поезде, в вагоне, на верхней полке, где он провел свою последнюю ночь гвардии старшего сержанта.

126 Он вернулся домой. Как возвращаются после долгой разлуки с родиной, с привычной жизнью, близкими и друзьями.

Он вернулся домой уже другим. Уезжал пацаном, дворовым мальчишкой, а на перроне знаменитого вокзала уже стоял крепкий, закаленный тяжелой воинской службой десантник, который мог постоять за себя, за своих товарищей, за родных и близких, за свою великую Родину с гордым названием Советский Союз. И ему казалось, что нет таких преград, которые он не смог бы преодолеть в этой гражданской жизни.

Но тогда, в серое утро, Сергей Миронов даже не мог и в самом фантастическом сне представить, какая его ждет судьба.

Мы не можем открыть в самих себе своего будущего. Хотя оно заключено в нас, и прорастает, как чечевичное зерно, из нас, и ведет по уже спрятанным в этой растущей матрице коридорам к той двери, которую мы сможем отворить.

Наше будущее предопределено, и только вмешательство каких-то сверхъестественных сил может изменить нас, а значит, изменить и судьбы мира.

Никто 15 ноября не мог сказать, что будет с Мироновым в 2008 году, как никто не может сказать, что с ним будет в 2012-м, разве только он сам это может открыть в себе или кто-то вдруг разглядит в его серых глазах такое же фантастическое будущее...

А тогда, в ноябре, они недолго стояли, оглушенные Ленинградом. Скорее побежали в метро, спустились вниз по крутому длинному эскалатору, смешавшись с утренней рабочей толпой, со знакомым запахом мраморного подземелья, с сутолокой, радостными и хмурыми лицами, с невозможно красивыми девушками в плащах болонья, капроновых чулках, туфлях на модном высоком каблуке...

Им не встретилось ни одной некрасивой девушки. Их десантная форма зажигала в их чуть подкрашенных глазах особый блеск. «Не забывайте, девушки, что для солдата главное...» А для двух дембелей самое главное было скорее добраться домой...

В тамбуре электрички от другого вокзала Миронов вдруг вспомнил, как два года назад решил покончить с разбитной жизнью студента техникума, он подумал, как хорошо, что он так поступил — ушел в совершенно другую жизнь и прожил ее достойно — целую огромную жизнь в десантных войсках.

На привокзальной площади они с Сашей Шапкиным крепко обнялись и договорились встретиться уже на следующий день.

Сергей Миронов на львовском автобусе, похожем на огромного жука, добрался до военного училища, где работала его мама.

128 На КПП дежурили его одноклассники, их не пришлось долго уговаривать, и Сергей через десять минут шел по знакомому коридору.

— Сережка, — тихо сказала его мама и, как мамы всего мира, заплакала от радости.

— Мама. — Он нежно обнял свою самую родную женщину на земле. — Мама...

Сергей Миронов вспоминает: «Мама сказала, что вчера у меня родилась племянница, Маринка сейчас находится в роддоме, в больнице имени Семашко, и даже назвала номер палаты. Я, не заходя домой, с чемоданом, побежал в больницу, очень хотелось увидеть мою любимую сестренку. Я не помню, как вычислил, где были окна палаты, в которой лежала сестренка, но помню,

что стою и кричу под окнами: Маринка, Маринка! Маринка выглянула, ахнула, а потом что-то кому-то стала говорить в палате и показывать, чтобы я не уходил. Минут через пятнадцать принесли малышей на кормление, она показала мне сверточек, в котором виднелось личико, но было далеко, не разглядеть, я понял, что это моя племянница, я уже знал, что это Надюшечка».

На другой день они вместе с Сашей Шапкинским приехали в гости к Косте Павловичу. Тот демобилизовался двумя неделями раньше и уже был дома, жил на даче.

129

Они долго сидели, за полночь, вспоминали еще вчерашнюю армейскую жизнь и пили крепленое вино за воздушно-десантные войска и свое будущее...

Они не думали, каким оно будет. Оно должно быть хорошим и светлым. По-другому у них и быть теперь не может...

Весной 2008 года Константина Павловича не стало. Когда я ему звонил в последний раз, в августе, он не смог долго со мной говорить, беседа получилась короткой. В конце он сказал:

— Напишите про нас сами, я согласен, если надо подписать — подпишу...

Он умер от сердечной недостаточности. Потому что у него было большое и доброе сердце и он многим людям отдавал его без остатка. А самому не хватило...

Сердце Павловича...

10

Хорошая квартира

Из ноября 2008 года очень необычно рассматривать стеклянный мир социализма. Все кажется игрушечным и ненастоящим. Придуманный, мультипликационный мир. Ужасные злодеи и скромные герои. Смерть и Жизнь. Жизнь и Смерть. Все перемешано, все без полутонов. Палачи сгорают в кострах вместе с жертвами. Зло торжествует, добро побеждает... потом, когда публика уже разошлась и театр пуст, тени вершат справедливый суд.

131

Мы все грустим по юности. Юность бесконечна по своей геометрии пространства, старость — это маленький замкнутый мир, тесная квартира, в которой нет дверей. Из нее не сбежать. И не избежать. Можно только по тонкому

световодному лучу на мгновение перенестись обратно, на какие-то доли секунд окунуться в самый обычный ноябрьский день лет тридцать или сорок назад и вдруг ощутить его самым необыкновенным и счастливым днем. Никогда не было таким красивым и ярким серое небо, такими желанными и неотразимыми — спешащие на работу девушки, завораживающим и таинственным — холодный, промозглый дождь, манящими и мистическими — зажженные вечерние окна старинных фасадов...

Это как волшебный фонарь, свет его оживляет тени на стене...

132 И становится на минуту, а иногда на целых две, хорошо, очень хорошо на душе. Как в юности вечером у горящей печки с постреливающими березовыми полешками и пляшущим розовым огнем по краям тлеющей коры...

Каменноостровский проспект в очередях автомашин. В сером мелком дожде и грязной слизи плюсовой температуры. За красивыми фасадами — почти полное отсутствие коммунальных квартир.

Я прохожу мимо роскошного особняка, теперь здесь офисные помещения и квартиры состоятельных петербуржцев. Коммуналки сдались под натиском цены за квадратный метр. И есть здесь одна хорошая квартира, которая сегодня меня интересует. Одна-единственная такая в Санкт-Петербурге. Ее уникальность даже не в жившем там

когда-то человеку, как сказали бы раньше — ответственном квартиросъемщике, а в интерьере, до мельчайшей кухонной подробности сохранившем жизнь и быт 30-х годов прошлого века.

«Дом трех Бенуа» — один из самых известных на Петроградской стороне. Построен в 1911–1914 годах как доходный дом Первого страхового общества. Три Бенуа — потому что строился по проекту трех Бенуа. Был еще в проекте и архитектор А. Н. Гунст. Но с ним народ обошелся жестоко, обрубил после третьего Бенуа список. И правда, «Дом трех Бенуа и Гунста» звучит чересчур экзотически и даже подозрительно. В конце концов, кто такой этот Гунст, чтобы его, ломая язык, присобачивать к трем благородным Бенуа. В тридцатом его бы и не так обрубали, по всему списку японско-гитлеровской террористической группы.

133

— Товарищ Гунст? Пройдемте, здесь до Литейного недалеко...

— А как же?..

— Бенуа уже там, вас ждут. Все трое. Признались сразу... хотели взорвать Эрмитаж...

— Я известный русский архитектор!

— Вот там и выясним, что это — обычная зависть или троцкистско-зиновьевский заговор...

Нынче бельэтаж занимает какая-то страховая компания.

Я вхожу в парадное. На пятом этаже находится мемориальная квартира известного большевика Сергея Мироновича Кирова. Я, если можно так сказать, к нему...

На первом этаже суетятся страховщики. Выносят мебель и бумаги. Это как бы приметы разыгравшегося кризиса. Да и офисная мебель так себе, не из ореха или красного дерева. Что совсем неудивительно. Когда в обанкротившийся банк приходят судебные приставы, то кроме нищих, несчастных, полуголодных банкиров описывать нечего. Но это просто путевые заметки. Лифт не работает. Тоже приметы нашей реальности.

134

Лестница широкая, стены негрязные, штукатурка на них выглядит еще прилично. Не пахнет. На третьем этаже — управление ФСБ по Петроградскому району. Это не от моей хорошей информированности, просто табличка у двери со звонком. Говорят, некоторые по старой привычке стучат...

Я прибавляю шаг, тем более я договорился заранее о встрече с директором музея-квартиры Татьяной Сухарниковой. Она самая знаменитая хранительница мемориальных квартир в Петербурге. После известной передачи по ОРТ несколько лет назад о трагической смерти Сергея Кирова. А помнится до сих пор.

У меня нет определенной цели визита. Киров возник почти случайно. Хотя случайностей в нашем писательском деле не бывает.

В биографии Сергея Кирова есть один любопытный факт. В 1909 году во Владикавказе он работал журналистом и печатал статьи в газете «Терек» под псевдонимом Сергей Миронов.

Факт сам по себе ничего не значит. Но в моем случае есть в нем что-то очень важное, какой-то шифр, код будущих событий... которые могут изменить ход российской истории. Моя книга — это еще и попытка увидеть то, что скрыто от человеческого взора, но что уже начертано там, за тонкой пленкой нашей реальности. Это не обычная биография известного политика, а через его жизнь, живую жизнь, попытка осмысления нашей недавней истории и наступающего будущего. Грозной поступью великих перемен.

135

Кабинет Татьяны Сухарниковой на шестом, последнем, этаже. В книжном шкафу тесной комнаты — известная фотография Владимира Путина за гончарным кругом.

— Это по вашей должности полагается? — спрашиваю я директора.

Она, несколько не смущаясь, отвечает:

— Он здесь соиздатель...

Татьяну Сухарникову трудно чем-либо смутить. Она из тех русских женщин, которые, может

быть, коня на скаку не станут останавливать, но уж дом свой точно в обиду не дадут, отстоят. Она сильный человек, с собственными убеждениями, которые не меняются от дуновения политических ветров. Раньше про таких говорили — ей бы дивизией командовать.

Командует она маленьким музеем Кирова уже двадцать два года.

Когда мы спускаемся на этаж ниже и через охрану из бойких старушек попадаем в самую квартиру, я решаюсь задать ей провокационный вопрос:

— А Киров, как вы ощущаете, доволен вами?

136 — Киров? — переспрашивает она меня и внимательно смотрит, словно я проник в ее самую страшную тайну. — Киров, во всяком случае, не против, он принял меня...

И Татьяна начинает о нем говорить если не как о живом человеке, что было бы, мягко говоря, исторической неправдой, то не совсем мертвом... В метафизическом смысле...

— Главной чертой Кирова было обостренное чувство справедливости. В восемь лет он остался сиротой. Но очень любил учиться, с самого раннего детства. Он был очень обаятельным человеком, честным, прямым. Его взяли во Владикавказе в газету простым репортером, а он сумел дорости до известного в городе журналиста; несмотря

на его молодость, в редакции к нему относились с огромным уважением. И, конечно, он не мог не оказаться в оппозиции к власти.

— А в оппозиции к Сталину?

— Киров был осторожным политиком, умел выбирать друзей. Сталин знал, что Кировым движет не личный расчет, а прежде всего личные убеждения. Киров не был интриганом, никого никогда, что называется, не подсиживал, он был искренне предан Сталину, потому что был убежден в его правоте и верил в тот проект мирового социального переустройства, который они вместе воплощали в жизнь.

— А то, что к нему приходили старые большевики и предлагали стать вместо Сталина, а за это вождь его убил, как делал со многими своими друзьями?..

— Все это досужие журналистские выдумки. К Кирову с таким предложением никто не мог бы прийти. Это исключается в силу самой личности Кирова и исторического контекста той эпохи. Возможно, что, кроме Кирова, у Сталина не было друзей. Сталин был очень одинокий человек. Умерла первая жена, вторая застрелилась, убили Кирова, человека, которого он искренне любил и уважал, на тот момент, возможно, единственного, кого он был рад видеть у себя дома. И пустыня вокруг...

— Одни ненавидят Сталина за то, что он погубил миллионы жизней, другие — за то, что он уничтожил большевистскую элиту, почти всех кровавых менеджеров революции. А вы как к нему относитесь как историк?

— Я скажу так: он был адекватен своему времени, своему государственному посту и тем задачам, которые ему приходилось решать. Я не хочу сейчас обсуждать его методы. Но очевидно, что другого Сталина у России не могло быть...

— А смерть Кирова?

— Я одна из немногих, кто читал все тома уголовного дела. Это трагическая случайность. Двух мнений здесь быть не может.

138

Мы идем через анфиладу комнат к спальне. Две комнаты заставлены по стенам книжными полками. Сотни и сотни книг. Киров действительно очень много читал.

Я даже поймал себя на крамольной мысли. Вот интересно, сколько книг в квартирах нынешних «первых секретарей». Маленьких и не очень дворцов, которые ломаются от баснословной цены мебели, картин и ковров за миллион долларов за штуку — и являются самой главной государственной тайной.

Я не провожу в этой главе никаких исторических или иных параллелей. Это такой крик души: «Может, хватит, ребята, мошну набивать,

ведь уже через не могу берете, уже обожрались до полного бесчувствия... Не пришло ли время отдавать России?..»

Но это я как бы не вслух, про себя, где-то там, на дальней периферии головного мозга, как говорил Федор Михайлович Достоевский, молвлю «тишайшими стопами».

В спальне — две кровати и платяной шкаф. Гарнитур сделан из груши. Мы смотрим на аккуратно заправленные кровати с белоснежными подушками.

— А вот некоторые хранители, — продолжаю я задавать нескромные метафизические вопросы, — говорят, что бывшие хозяева мемориальных квартир ночью иногда возвращаются... Киров не приходил?

139

Татьяна Сухарникова улыбается со значением:

— Призрака Кирова я не видела. Но мне, как вы говорите, иногда кажется, что он не оставляет эти комнаты без своего внимания. Он защищает их от людей, враждебно к нему настроенных. Я чувствую, что ему дорога эта квартира и дорога память о себе и он очень болезненно реагирует на перемены в обстановке, на нехороших людей.

— Вы говорили, что он вас как директора принял...

— Он знает, как я отношусь к нему и к своей работе...

В кабинете, в другом конце квартиры, стоят подлинные кожаные диваны, рабочий стол, а по трем стенам развешаны портреты Маркса, Ленина, Сталина. Портрет Сталина висит над столом. На нем Сталин молодой и красивый. Работа известного среди большевиков художника. Она написана с огромным чувством неподдельной любви к вождю. Маркс и Ленин проигрывают.

— А какое отношение, — спрашивает теперь Татьяна Сухарникова, — все это имеет к вашей работе?

Я улыбаюсь ей со значением:

140

— Я не могу ответить на этот вопрос. Отчего-то мне важно было побывать здесь и написать об этом. Я знаю, что здесь нет никаких исторических параллелей. И не хочу ни с кем никого сравнивать. Возможно, это напоминание, что мир не описывается только физическими законами, в нем действуют силы и не подвластные человеческому разуму, что они во многом определяют ход истории и судьбы людей и особенно людей власти. Вы со мной не согласны?

— Я не буду с вами спорить...

На лестничной клетке у квартиры мы прощаемся. Я жму тонкую руку Татьяны Сухарниковой. Лифт, как я уже упоминал, сегодня не работает. Я спускаюсь в сумрак лестничных маршей. Во дворе-колодце густеет ноябрьский вечер. В питерских дворах-колодцах, которые образуются

внутренними фасадами домов, особая, мистическая атмосфера. Все обычные звуки отзываются эхом, при этом теряя свою обычность. За окнами, кажется, живут необычные люди вместе с призраками бывших обитателей старинных домов...

Я не советую людям власти брать больше, чем они смогут вынести там, в другом мире.

Иначе придется возвращаться в свою мемориальную квартиру и болезненно содрогаться от каждой неубранной пылинки, и так до скончания веков, даже когда уже не будет ни квартиры, и ни дома, и ни города...

Впрочем, это касается всех нас...

11

Дело без слов

142

Жизнь русского интеллигента — извечный выбор между свободой и комфортом. Ты можешь сказать себе: бог с ней, с этой дамой, мраморной и холодной... Семья, дети, загородный дом, квартира, мать и отец, близкие родственники и друзья — все они так или иначе зависят от твоего успеха, твоего социального статуса и материальной состоятельности. Кто больше, как жена и дети, кто совсем чуть-чуть, как товарищи и близкие знакомые. Они могут завидовать, но при случае не откажутся от помощи, тем более что в нынешнем мире скорее Иисус материализуется и накормит хлебами, чем близкий родственник подаст руку и не возмутится от наглости неудачника

и его глубоко аморального поступка, например просьбы дать денег в долг...

Отзывчивый, благородный, состоятельный человек нужен всем, и прежде всего самому себе. Если таких людей становится большинство, то общество вполне может позволить себе демократические ценности. Путь свободы в России почти всегда был вымощен нищетой и дурным обращением власти. Поэтому чувство политической и социальной адаптации было всегда развито у нас на уровне инстинкта самосохранения. Современным языком: хочешь быть сытым и довольным — встраивайся в вертикаль и соблюдай нехитрые правила игры, то есть будь начеку и люби главного начальника. В сегодняшней Рос-

143

сии внешняя свобода сочетается с глубокой тотальной внутренней несвободой. Потому что выбора у тебя между свободой и комфортом уже нет. Какой бы выбор ты ни сделал, все равно выберешь то, что уже давно выбрано за тебя, что-то среднее между принудительным трудом и хорошей зарплатой... В нынешние времена это принимает порой мистические формы...

В Советском Союзе было не так. «Все не так, ребята», как пел наш классик.

Внешне нас, советских людей, бархатно угнетал тоталитарный строй во главе с дряхлеющей коммунистической партией, а дух был почти абсолютно свободен.

Внутренне мы ощущали себя самыми свободными людьми в мире. Мы были неисправимыми мечтателями. Деньги никогда не были у нас мерилем успеха. Деньги не несли в себе никакого этического содержания. Особенно в студенческие годы. Я пишу эту фразу не потому, что надо перейти от философии к биографии Сергея Миронова. Выбор высшего учебного заведения в Советском Союзе имел огромное влияние на дальнейшую судьбу советского человека. Правильный выбор.

В Ленинграде, смею утверждать, было два в высшей степени достойных вуза: Ленинградский государственный университет и Горный институт.

144

После десантных войск можно было изучать хоть монгольский язык на восточном факультете. Нет таких преград, которые не смогли бы преодолеть ребята в голубых беретках и тельниках на мускулистой груди. Он это осознал, вернувшись из армии со щитом, как сказали бы древние римляне.

Он научился выживать в самых суровых условиях, он научился не терять в этих условиях человеческого достоинства, научился из самых предельно рискованных ситуаций выходить победителем. А это не значит всегда быть первым, это значит быть первым, когда это необходимо, когда этого требует обстановка. Он понял, что

на войне побеждает не отчаянная храбрость, а выносливость, и ум, и терпение.

Войны выигрывают терпеливые.

Потом, в политике, он обнаружит, что десант дал ему все, что необходимо, вооружил всеми необходимыми качествами, чтобы выжить в этой войне всех против всех.

Сергей Миронов мог поставить себе большой плюс. И еще один — учебу и диплом Горного института — он сам себе поставит через пять лет.

Первого сентября 1974 года он стал студентом этого славного учебного заведения. Главная детская мечта его осуществилась.

Без одного года двести лет назад Екатерина Великая своим указом учредила первое в России высшее техническое училище. Через четыре года первые студенты получали звание шихтмейстера и отправлялись на горнорудные предприятия.

В уставе училища был прописан и девиз, который гласил в стиле екатерининских времен: «Дело без слов». Так что славен был Горный институт не только великолепным зданием, построенным по проекту великого русского архитектора, бывшего крепостного, Андрея Воронихина, но и замечательными именами великих ученых и выпускников. Список их огромен, и даже иногда кажется, что фасадные стены здания облицованы мемориальными мраморными дос-

ками. И это не какое-то бахвальство, потому что в мраморе запечатлены мировые имена в геологической и смежных науках. Мы мало о них знаем и почти ничего не пишем.

Я тоже не подозревал, что в пятнадцати минутах езды от здания Двенадцати коллегий по набережной Невы находится один из мировых учебных и научных центров. Таким он остался и до сего дня, в отличие от Петербургского государственного университета.

146 Недаром Корпус горных инженеров, как стали именовать с 1834 года Горный институт, получил от архитектора Андрея Воронихина главное здание в классическом стиле с двенадцатиколонным портиком, к которому поднимаются ряды каменных ступеней и по бокам которого воздвигнуты скульптурные аллегии «Похищение Прозерпины Плутоном» и «Борьба Геракла с Антеем».

Через Неву, напротив этого монументального здания, вздымают свои могучие руки многотонные краны Адмиралтейских верфей. И еще один символ пришвартован к набережной, почти рядом с Горным, — это легендарный ледокол «Красин». Тогда его здесь не было, тогда, в 70-х, у нас ледоколы бороздили ледяные моря Северного и Южного полюсов и «Красин» работал на страну; сегодня он тоже трудится, как музей былого величия.

Освоение недр, мощный военный и торговый флот — все это как воздух необходимо России,

у которой даже и аллегорий не осталось. А из новых петербургских символов — проект сооружения газпромовского небоскреба почти в четыреста метров на Охте. Мозгов много не надо, чтобы такое придумать.

Для того чтобы придумать Горный институт, какая-то другая голова нужна и душа, не проданная десять раз...

Два года назад я по своей редакторской работе впервые оказался в этом знаменитом учебном заведении. Честно, я думал, что он в лучшем случае остался на том же уровне, что был при советской власти, что он не рухнул вместе со всей отраслью, от которой осталась одна нефтегазовая труба от разведанных и освоенных в прошлом веке месторождений. Но как только я поднялся по ступеням и на посту в вестибюле главного здания меня попросили подождать два молодых человека в форме Горного института (а нынешнему, технического университета), и через десять минут провели по аудиториям, по компьютерным классам, по лабораториям, то я вдруг понял, может быть в первый раз, понял, что мы не пропадем, что есть удивительные люди и небесные силы, которые вывозят Россию из темной и, кажется, окончательной бездны.

Эти удивительные люди среди всеобщего воровства и экономического каннибализма строят реальные мировые центры знаний, восстанавли-

ливают храмы, отдают свои жизни за Россию — я не понимаю как, что в них горит, какой священный огонь, какая великая нравственная сила управляет ими...

Я просто преклоняюсь перед ними и укрепляюсь в своей вере в наше Отечество.

Вот и с ректором Горного института Владимиром Литвиненко мы проговорили два часа. Передо мной в своем помпезном кабинете сидел кряжистый, крепкий мужик с волевым и уверенным лицом.

148 Я думаю, что таких любил Петр Первый: деловых, хватких, целеустремленных и независимых, но хорошо чувствующих черту своей свободы, за которую заходить не рекомендуется, за которой они мгновенно превращаются во врагов и супостатов. Они, его сподвижники, в сибирской глуши возводили заводы и строили города, не щадя ни себя, ни темных людишек. Они делали дело без лишних слов. В России эта порода станových, хребтовых, ствольных людей была полностью изведена, их можно занести в Красную книгу как исчезающий вид.

Таким мне представился Владимир Стефанович Литвиненко. Как и в других высших учебных заведениях, в начале 90-х и в Горном институте разразилась катастрофа. Я не хочу описывать всю нищету существования профессорско-преподавательского состава. Скажу только, что мой

знакомый, доктор исторических наук, профессор, долгое время был абсолютно нищим человеком, который не мог прокормить свою семью. У него глаза казались больными от плохого питания и немого вопроса, за что его так наказывают.

Горный выжил, и выжил вопреки гениальным реформам Гайдара, выжил благодаря многим-многим честным, трудолюбивым людям Горного института, выжил благодаря их натурам, закаленным не в одной геологической экспедиции, благодаря их личному мужеству и воле и уверенности Владимира Литвиненко. Выжил и превратился в передовой мировой учебный и научный центр.

Его имя известно в городе и в ближних политических кругах Путина. Я тоже много слышал о нем. Он ведь возглавлял предвыборный штаб Владимира Путина еще на первых президентских выборах 2000 года. Я знаю, их связывали дружеские отношения. Он мог бы сделать блестящую карьеру в Москве. И не ушел из Горного. Почему? Меня, конечно, не мучил этот вопрос бессонными ночами. Но когда мы с ним разговаривали, я еще раз задал его себе. Многие из тех, кого я знал и кто рванул в Москву, стали миллиардерами, мультимиллионерами, получив высокие чиновничьи должности или посты в крупных государственных бизнес-структурах. А Литвиненко устоял.

Сейчас я понимаю, или надеюсь, что понимаю почему... В Горном он был и остается хозяином, он свободен в принимаемых решениях, он независим, и у него нет той самой черты, за которой свобода заканчивается и начинается начальник. Я могу, конечно, заблуждаться. Но все равно в моем ответе есть толика правды и характера Владимира Литвиненко.

150 Я пишу об этой атмосфере Горного института, его духе, потому что так было всегда — и в дореволюционные времена, и в советские, и в постсоветские. Может быть, это античный портик с двенадцатью белоснежными колоннами, скульптуры Геракла и Плутона удерживают и сохраняют здесь удивительную духовную геологию уже больше двухсот тридцати пяти лет.

А возможно, императрица Екатерина Великая охраняет это здание на набережной Невы как символ и главный вектор развития современной России.

Во всем этом, в старых традициях, в новаторстве советской высшей школы, среди подвижников и выдающихся ученых и горных инженеров целых пять лет формировалась профессиональная и духовная морфология Сергея Миронова.

Я встречался с самыми близкими в студенческие времена друзьями Сергея Миронова. Все они вынуждены были по разным причинам

уйти из профессии, которую очень любили, которая стала частью их собственного «я». Поэтому воспоминания их шли попеременно с горечью — во вспыхивающих тем счастливым временем глаз.

Александр Бородушкин рассказывает:

«У меня выбор профессии сложился случайно. Мой отец — москвич, а мать родилась в Ленинграде. Отец окончил Пушкинское военное училище и служил в Казахстане. У меня после школы был выбор, где учиться — в Москве или в Ленинграде. В Москву мы часто с родителями приезжали, а в Ленинграде я никогда не был. И я решил учиться в городе трех революций, только не в Горном, а в Высшем морском училище имени Макарова, но судьба определила меня на геофизический факультет Горного института, просто он был рядом с Макаровкой...

151

Я хотел увидеть Ленинград. Увидел — и стал геологом. Нас сразу первого сентября отправили в колхоз, там, пока четыре часа ехали в автобусе, все и перезнакомились. Миронов сразу начал руководить. Как бы стал неформальным лидером. Он тогда был без бороды. Мы рассказывали о себе, пели песни, что-то вроде «Комсомольцев-добровольцев», и Сергей развлекал нас своими десантными байками. За эти четыре часа езды в автобусе мы все стали вдруг очень близкими друзьями. Словно с детства знали друг друга.

И Сергей, я обратил внимание, был по-настоящему счастлив, что он студент Горного института, с ним новые друзья, такие незнакомые и через час такие близкие. Так бывает только в юности и только в студенческие годы.

В этом автобусе мы все были так счастливы, как, может быть, никогда в жизни. И вдруг автобус останавливается, и десять человек парней просят выйти и остаться работать, потому что здесь в колхозе работают одни девочки из института. Мы не хотели расставаться. Решили тянуть на спичках, мне, как всегда, «повезло», я вышел, а Миронов с основной группой уехал в другую деревню. Нас с ним судьба не раз разводила, а потом мы снова встречались. Мы ходили в деревню Миронова, он там навел образцовый порядок, они даже каждое утро флаг их отряда поднимали. Но он все это делал естественно, не против желания остальных, а для лучшей организации их работы и досуга.

152

Он никогда не был, как бы лучше сказать, карьеристом или функционером, сумасшедшим комсомольцем. Мы просто жили в великой стране, в самом справедливом государстве на свете, и нам было хорошо...

Первые два года общежитие не давали никому, кроме тех, кто после армии пришел.

В Советском Союзе, напомню, образование было бесплатное и на стипендию можно было

свести концы с концами. Но после третьего курса, как правило, все ребята подрабатывали. У нас была очень дружная студенческая компания: четыре девушки и пять ребят.

Теперь вот Миронов в Москве, один наш товарищ в Хабаровске, другой в Воронеже, двое в Петербурге. Девушек тоже раскидало по разным местам. Одна умерла от рака. Я знаю, что Сергей ее семье до сих пор помогает...

Нашего с Мироновым учителя, Учителя с большой буквы, звали Григорий Федорович Новиков. Его учебник «Радиоактивные методы разведки» был нашей библией, настольной книгой. Этот знаменитый учебник называли «Черным Гришей», потому что он был в черном переплете.

153

Григорий Федорович был замечательным ученым и преподавателем. Он эту книгу написал в Китае, где много лет работал в экспедициях. Его работа была связана с радиоактивными источниками. Тогда все было засекречено. Он был болен, что-то с изменениями в костных тканях. Он хромотал, но курс читал так, что я до сих пор многое помню, и помню его чуть треснутый голос, и как он, хромотая, ходит у доски, и как смотрит на нас, мудро и вдохновенно. Он ведь и был тем самым Гераклом, который побеждает Антея.

Мы очень уважительно относились к нашему декану Юрию Николаевичу Капкову. Он внешне был строгим человеком, но всегда старался

защитить нашего брата. Тогда строго было с учебной дисциплиной. За пропуски занятий легко могли отчислить. А мы с производственной практики, бывало, возвращались в последних числах сентября, когда уже почти месяц шли лекции. Людей в геологоразведочных экспедициях не хватает, просят еще поработать, справки дают какие угодно. Капков это понимал и никого не наказывал. А то, что пропустили, наверстывали...

154

После института, в 1979 году, я сразу ушел в круглогодичную экспедицию в Карелию. Это была суровая жизнь, в чистом поле, в обыкновенной палатке. У меня родился сын, ко мне приехала жена, и мы уже жили в вагончиках и строили геологический поселок — деревянные дома с паровым отоплением на несколько семей. Водопровод и туалет на улице. Но все же многие семейные переехали, получили в этих домах двухкомнатные квартиры. Еще мы построили детский сад. Потом у меня появилась дочь. Я стал начальником геологического отряда.

В 1992 году все как-то разом рухнуло. Стране не была нужна геологоразведка. Стране не нужны были геологи, и нас фактически ликвидировали как класс. В 1993 году, чтобы отпраздновать Новый год, я продал унты и полушубок. А потом — выправилось, получил новую про-

фессию — работа с ценными бумагами. И шагнул в другую жизнь.

Страны, в которой я родился, больше нет.

Мы не просто лишились территории. В конце концов, когда рушатся огромные империи, то потеря части — меньшее из зол... Изменился весь строй жизни, ее уклад, ее социальные приоритеты, государственное устройство и идеология. В новой жизни снова добиваться своего социального статуса, хорошего заработка и интересной работы очень трудно. Тем более если ты теряешь любимую профессию. В геологии сложно освоиться, влюбиться в эту царицу недр, но уж если случилось большое чувство — уходишь тяжело, как от любимой женщины.

155

Вот и я так же расставался со своей профессией, как со страной, с СССР, болезненно и долго...

Мне Сергей Миронов рассказывал, что когда он был в Бразилии, то не преминул забраться в горы, а геологический молоток он с собой всегда берет. И там где-то зашел в магазинчик, хотел местных агатов купить. Продавец положил на прилавок, говорит, лучшие образцы для высокого гостя. А Сергей, через переводчика, с ответной дружеской улыбкой — крашенные у тебя камни, давай другие. Продавец внимательно посмотрел на него. Русского человека на фальшивом агате не проведешь. Бразилец полез в шкаф

и достал настоящие, выбрал действительно самые лучшие...

Геология — это профессия, которая навсегда остается в твоём сердце, как бы ни сложилась твоя жизнь и куда бы тебя ни занесла судьба и чем бы ни заставила заниматься».

Наталья Гоц:

156 «Мы с подружкой снимали комнату в коммунальной квартире на Васильевском острове. Тридцать рублей в месяц платили. А стипендия была сорок рублей. Комната была у нас с черно-белым телевизором. Для студенческой жизни большая редкость. У нас возникли проблемы с соседом, придирался он к нам по каждому поводу, корчил из себя какого-то начальника, хозяина.

Однажды он к нам постучался и сказал, что тут пришли из комитета комсомола института. А это Сережа Миронов с ребятами, чтобы их пустили, таким образом представились. Они пришли посмотреть матч на первенство мира по хоккею СССР–Канада. Сережа ребят привел, которые по чужим углам мыкались. Тогда жизнь у студента тоже была нелегкая. Иногда на одном кефире целый день жили. Мы все были из простых семей, из разных республик Советского Союза. Но дружба у нас такая крепкая была, мы буквально друг другом жили, всеми переживаниями, радостями, невзгодами.

На втором курсе в горах погиб Гера. Он был альпинистом. Однажды после лекции по философии в огромную аудиторию с кафедрой вдруг заходит Миронов и говорит, что наш товарищ погиб. И тут эта самая аудитория сжимается до маленькой каморки. И горло душат слезы, и мы не понимаем, как же так, как же такое возможно...

Смерть — это что-то далекое, не связанное с нами — молодыми, здоровыми, сильными, мечтательными. Смерть — для других, для истории, стариков, которые уже ее ждут, но не для нас. И вдруг — нет Геры. Это было мое первое сильное потрясение в институте. Я выросла, и жизнь открывала свои потайные двери, а там — лестницы и коридоры в серую, сырую полутьму.

157

Я в Ленинграде, еще до поступления, первую ночь не могла уснуть из-за шума троллейбусов под окнами. Они выходили на Большую Пушкарскую улицу.

Я приехала из Кабардино-Балкарии. И Ленинград огромным, фантастически красивым городом так и застыл в моих глазах. Я в него влюбилась навсегда, как в человека. Это была любовь с первого взгляда. И наши однокурсники-ленинградцы были замечательными друзьями. У моей подружки Тани мама работала на Ленфильме, и они жили на проспекте Максима Горького. Я иногда у нее ночевала, мама всегда нас кормила, всегда была с нами очень обходительна.

В Ленинграде долгое время, особенно после блокады, сохранялись знаменитые качества ленинградцев — интеллигентность, скромность, доброта и особое радушие. Были и такие, как наш сосед с Васильевского, но их все же было подавляющее меньшинство, они были редкими экземплярами. У нас учился студент из Мавритании, он женился на русской, и они уехали в Африку, а уже в наши времена перебрались в Париж. Как-то они гостили в Петербурге. И когда он вместе с нами вышел на Невский проспект и посмотрел в глубину его перспективы, вдруг улыбнулся и вслух воскликнул: здесь душа дышит!

158 Замуж я вышла на четвертом курсе. И через год уехала к мужу с годовалой дочкой в Нарьян-Мар, в Западный геофизический трест, в экспедицию номер 7. Потом у меня родился сын.

Мы жили на берегу Северного Ледовитого океана, условия были хорошие, жили в сборных домиках и вагончиках, а не в палатках. Летом женщины не работали, мы разъезжались по всему Союзу. Когда детям пора было идти в школу, я вернулась в Ленинград.

После 1991 года наш поселок на берегу океана оказался ненужным, и теперь его уже, наверное, нет на карте России. Сначала экспедицию сократили, а потом и вовсе закрыли. Нам Ледовитые океаны теперь не по плечу...

Вот вспомнила соседа и всю свою жизнь...

Мальчики смотрели хоккейный матч. Я вышла в полутемный коридор коммунальной квартиры. Сережа сидел на скамеечке для обуви, а рядом сосед, и они о чем-то разговаривали. И потом случилось чудо — сосед нам больше не хамил и не придирался к нам.

Я не знаю, что ему сказал Сергей, но что-то такое, что изменило отношение к двум студенткам в большой ленинградской коммуналке одного не очень счастливого в этой жизни человека...»

Алексей Чильдинов:

«Если человек не был счастлив в юности, то он уже не будет счастливым никогда. Если только после смерти... Нам всем семнадцать-восемнадцать-двадцать лет. Мы верим, по-настоящему верим: в свою страну, в свой лучший в мире социализм, в самих себя. Мы переступили порог замечательного Горного института, и у нас впереди пять лет студенческой жизни, самой беззаботной, самой романтической и самой светлой поры в жизни человека. А там, за горизонтом этих лет учебы, миражами в мечтах бесконечные пространства великой страны. Пустыни, горные хребты и перевалы, таежные океаны, ледники и вечная мерзлота, туманы и поиски месторождений и своего пути, своей судьбы...

Необыкновенное чувство легкости жизни. Невероятное восхищение Ленинградом и това-

рищами по учебе. Первая настоящая любовь и настоящая учеба. Великие ученые и бессонные ночи над книгами о тех науках, которые они сами создали.

160 Молодой человек живет в самой передовой и справедливой стране мира, учится у выдающихся ученых и преподавателей, бродит по самому красивому городу на планете и влюбляется в самых необыкновенных девчонок... И белые ночи, которые все твои, и мосты разведены, и Нева такая, что кружится голова. И все мы социально равны: нет ни бедных, ни богатых. Золотая молодежь — это там, в буржуазном аду... Нам просто очень хорошо... А все страшное осталось в прошлом, да и знаем мы те времена по скудным рассказам родных и очень близких нам людей, так, в скупых, с оглядкой, фразах — без особых подробностей и ужаса...

Середина семидесятых, расцвет брежневского социализма. 1974-й — замечательный год, когда мы все познакомились.

Вот мы мчим среди колхозных полей и поселков городского типа на автобусе, в автобусе и знакомимся. Мы — первокурсники, едем убирать картошку. Мы все — это студенческий уборочный отряд „Самро-74“. Серега Миронов — наш комиссар. И не только потому, что он старше нас, служил в десантных войсках и его назначили. А по своей природе, по яркой харизме, по энер-

гетике, по искренности и желанию сделать из нас единую команду. Он был настоящим лидером.

Колхозы уже тогда начинали деградировать. Колхозника найти в поле можно было с большим трудом. Мы сами устроились в полуразвалившемся, с почерневшими бревнами, бараке, набили матрасы душистым сеном, сделали себе кухню, сами себе готовили...

Вся организация нашей полевой жизни легла на плечи Миронова. Он каким-то ему одним известным способом договаривался с местным начальством и не всегда трезвым населением — и у нас были простые, но очень аппетитные завтраки и обеды, у нас была каждую неделю баня с тазиками и вениками, культпоходы и дни рождения с пивом, вином и арбузами.

161

Мы вставали в семь часов утра, каждый день поднимали наш отрядный флаг (Сергея вставал еще раньше, чтобы перед этим опустить флаг) и шли в картофельные поля. И соревновались, кто больше соберет, но без фанатизма и комсомольского насилия.

Без слез на этот колхоз смотреть было невозможно. Но в нас была такая жизненная сила, что мы на мелочи не обращали внимания...

Мы так за этот месяц подружились, что, казалось, теперь друг без друга не сможем жить. Эту дружбу, чистую, бескорыстную, жертвенную, можно смело занести в Красную книгу. Она, как

разрушенный девятым валом маяк того времени, освещает в памяти мою юность, и мне иногда кажется, что все это мне приснилось...

Бывают такие яркие, цветные сны, которые помнишь всю жизнь...

Нет, мы не жили в идеальном мире. После первого курса мы снимали тесную комнатенку в полуподвале на улице Куйбышева на Петроградской стороне, в центре города, недалеко от легендарного крейсера „Аврора“. Но все это, как ни странно теперь звучит, нисколько не мешало нашему светлому взгляду на реальность. Можно назвать это очарованием юности, а можно — чарами великого социалистического мифа, который мы впитывали с самого раннего детства.

162

На четвертом курсе нам построили шестнадцатизэтажное общежитие. Первые полгода лифт не работал. Зато я приобрел отличную физическую форму. И женился. Серега Миронов был на моей свадьбе тамадой. А свадьба у геологов будет покруче цыганской. Мой приятель Женя (он был немец, и мы его звали Джоном) великолепно готовил плов. Он вызвался его приготовить, взял деньги и ушел. Объявился он под самое торжество, пьяный в дым. Праздновать он стал сразу после получения денежных средств. Но пришел с бараниной и всеми остальными необходимыми ингредиентами обещанного блю-

да. И, несмотря на смертельную дозу спиртного, свой знаменитый плов все-таки успел приготовить.

— Теряем лучших людей, — громко вещал он заплетающимся языком в радиоприемник, — да, товарищи, луч-ших!!!

Ребята скинулись и подарили нам на свадьбу шикарный радиоприемник „Горизонт“ с олимпийской символикой, знаменитым мишкой. Через год в Москве должна была пройти Олимпиада-80.

После института я работал в Амурской области, в Магадане, был самым молодым начальником полевой партии, мне тогда только исполнилось двадцать четыре года. А затем там же перешел на горно-обогатительный комбинат (ГОК) на карамкенском месторождении рудного золота. Это был единственный случай, когда ГОК — огромное промышленное предприятие — построили до полной разведки месторождения. А руды оказалось очень мало. И мы вдоль Колымской трассы — сто километров в одну и в другую сторону — стали искать промышленные золоторудные месторождения...

В 1983 году мне прислали вызов на Чукотку, на берег Ледовитого океана. Я работал в шахте, занимался геологоразведкой. В это же время Сергей Миронов трудился в Монголии, и мы писали друг другу письма. У меня родилась старшая

дочка, мы с женой получили шикарную квартиру в поселке, денег накопили на сберкнижке...

Прошло девять лет. Я по-настоящему влюбился в свою профессию. Потом — „великая буржуазная революция“ 1991 года, и через год наше управление закрывают. Деньги превращаются в дым нового капиталистического отечества, а берег Ледовитого океана — в западню, из которой невозможно выбраться.

Чтобы уехать в Ленинград с имуществом, нужен контейнер, а их нет или только за доллары... Я пошел к главному механику морского порта и все ему объяснил, всю свою жизнь. Мы с ним договорились. Два с половиной месяца я отработал водителем грузовика за контейнер... И, как говорится, кем только я потом ни работал... Сейчас вернулся в геологию, занимаюсь поисками нефти и газа в Ненецком автономном округе в ОАО „Нарьян-Мал сейсморазведка“. Правда, занимаюсь не геофизикой, а обеспечением полевых работ, в общем, по хозяйственным делам...

У нас в Горном был профессор Владимир Александрович Арцыбашев. Он преподавал нам ядерную физику и ядерную геофизику. Науки темные и потому непознаваемые для рядового студента. Девчонкам он всегда ставил пятерки. Потому что, как сам любил говорить, женщина и физи-

ка — две вещи несовместные, а ядерную физику так и вообще им вредно изучать...

Мионов каким-то чудом врубался чаще, чем остальные. Арцыбашева обмануть было невозможно, потому что он отлично знал, что мы в подавляющем большинстве ничего в ней не понимаем. Ставил он нам такие оценки, как, например, 0,1 или 0,6. 2,4 — это уже был проходной балл.

Так вот, Арцыбашев любил вести занятия по ядерной физике, исписывая доску загадочными формулами, и при этом тихо что-то бормотал себе под нос. Мы едва поспевали механически переносить его росчерки кусочком мела в свои конспекты.

165

А он заполнит доску марсианскими письменами, вдруг остановится и радостно восклицает:

— Вот здесь ошибка!

Все стирает и начинает заново...

В жизни так, к сожалению, невозможно. Жизнь так же загадочна, как ядерная физика, но начинать ее снова зачастую не получается, да и из памяти ничего не стереть...»

Я хотел закончить эту главу ностальгическим экскурсом в свое светлое студенческое советское прошлое. Но вовремя вспомнил, что я, собственно, в этой книге — голос за кадром, и не более.

Может, поэтому она так тяжело мне дается. Но закончить как-то надо было — поэтично и при этом мудро.

На экране телевизора бушует газовый кризис. Западный замерзающий мир смотрит на эту свару большими, удивленными глазами. Но и на этой неприятной ноте тоже не хотелось останавливаться после стольких светлых строк...

Я вернулся в начало. Там я рассуждал о свободе и комфорте.

«Но ведь в геологии нет и не может быть никакого комфорта, он этой профессии даже противопоказан, а свободы в пустыне Гоби или на Колымской трассе столько, что можно в Москву вагонами отправлять», — сказал я задумчивым голосом за кадром.

166

А в журналистике нынче — и свободы нет, и на комфорт можно заработать, разве что только разыгрывая пышущие разрешенным, строго дозированным свободомыслием дуэли на отнятом силой телевизионном канале.

Так что отрезвляющей цензурой заканчивать тоже не с руки.

На моем рабочем столе, заваленном бумагами и книгами, расшифровками интервью и историческими конспектами, я увидел красивый альбом о музее Горного института. Мне его подарил ректор. Самолично. Мне потом сказали, что это большая редкость, чтобы в первый раз

увидел, два часа поговорили — и он достал бы альбом...

Я стал с особым чувством собственной значимости листать этот фолиант, в котором собрано все великолепие минералов...

Фиолетовая друза кристаллов аметиста, дендриты меди, похожие на диковинные растения, самородки золота в виде курительной трубки, дубового листа или ящерицы, сверкающий гранями алмаз, нежно-оранжевый сердолик, срез агата, в котором цвета дымчатых облаков смешаны с разноцветьем кораллов, нежно-зеленый хризопраз, как морская волна на острове Бали, и темно-зеленый топаз, как глаз кошки в ночи...
Пещера Али-Бабы в твердом переплете...

167

Это было замечательно и ярко. Но не так, не то...

Я уже почти отчаялся. Но вспомнил, как в церкви Преподобного Макария Египетского, которая была отреставрирована и освящена в Горном институте 7 июля 2004 года Патриархом всея Руси Алексием II, мне показали две уникальные наборные иконы из драгоценных и полудрагоценных камней.

Когда в помещении церкви устроили сначала кинозал, а потом спортзал, эти иконы в буквальном смысле спасли от уничтожения в лихие богоборческие годы преподаватели института, спрятав в запасниках музея. И они оттуда медото-

чили святым светом и в войну, и в семидесятые,
и восьмидесятые...

И свет этот оставил свой благотворный след
в душах студентов разных лет.

И пока они светят, жива душа Горного инсти-
тута, а значит, и души его питомцев будут спасе-
ны от многих соблазнов и бездн...

Вот, наверное, так...

12

Десять тысяч лет назад

За десять лет работы геофизиком он объездил и прошагал почти всю пустыню Гоби на территории Монгольской Народной Республики. Эту великую пустыню Сергей Миронов вымерил подошвами своих ботинок. С одной стороны — тяжелый каждодневный труд, с другой — великое путешествие, о котором мог бы только мечтать обычный паренек из пригорода Ленинграда.

169

Звездное небо определяет судьбы людей. Так говорят уже не одну тысячу лет астрологи. Их магическая наука погружена в бесконечные скопления галактик. Движение звезд зеркально отражается на движениях судеб. Влияет на их невероятные повороты, стремительные взлеты и падения в крутящиеся вокруг бездны.

В геофизике нет мистики. А пустыня вся состоит из сакральных пространств и странных находок. Смысл пустыни — в поисках себя среди мертвого моря каменистых почв и песчаных барханов. На тысячи километров — только одиночество с льющимся металлом желтого солнца или холодными неподвижными звездами. В пустыне нет движения, все замирает в горячем воздухе, и чудится, будто одинокий путник застыл, как в капле янтаря, на века, навсегда, на вечность.

170 Пустыня и вечность — синонимы. Но кажется, что вечность больше, что вечность вмещает в себя сотни пустынь, вечность — это время, а пустыня — пространство. И парадокс в том, что иногда они меняют местами время и пространство и пустыня получает бесконечность времени, а вечность обретает ограниченное пространство. Иногда это можно ощутить, если очень долго бродить или думать о пустыне.

Пустыня — не только географическое понятие. Она может окружать тебя и в огромном городе, в здании брежневской эпохи, на шестом этаже, с охранником — офицером с синими погонами и рамкой-металлоискателем на входе в особую зону главного кабинета. От нее не избавиться, особенно под большими рубиновыми звездами Кремля. Люди вокруг превращаются в камни, и можно умереть от духовной жажды и холодного одиночества в толпе клевере-

тов, льющих жаркий металл своей любви и преклонения.

Но лишь раздастся холодный свист их настоящего хозяина, как они начинают жадно рвать на куски...

...Автомобиль ГАЗ-66 с брезентовым тентом мчался по черно-серому базальтовому песку Гоби. В этом советском, легком на колесо грузовике, созданном в середине шестидесятых, прочном и неприхотливом, с мотором, который можно было починить одной отверткой, Миронов избородил всю Монголию. Это был надежный железный друг. Не раз он выручал в самых критических ситуациях, когда по ровной поверхности пустыни за путниками тенью скользила смерть с песочными часами в длинной руке...

Миронов ехал с двумя своими товарищами по экспедиции. Они искали уран, рудные поля с высоким содержанием урана. Великой советской империи нужна была ядерная энергия, этот глобальный, планетарный социальный проект нуждался в урановом сырье. Десятки атомных электростанций, атомных ледоколов и субмарин должны были питаться радиоактивной рудой. Тысячи ядерных стратегических ракет должны были охранять границы самого большого государства в мире. И империя посылала своих полпредов в доступные ей территории

мира, чтобы они искали новые месторождения. И они сами, лучшие из них, осознавали эту великую задачу и работали от рассвета до заката.

Однако их мысли были далеки от подобного пафоса. Они не задумывались о своей миссии, каждый из них, конечно, мечтал найти месторождение, вписать свое имя в историю советской геологии, но все их время и все мысли занимала работа, которую многие из них не променяли бы ни на какую другую, несмотря на суровые, спартанские условия жизни в Гоби.

И вдруг на темной поверхности от базальтовых выходов Сергей Миронов заметил желтое пятно. Сначала они подумали — мираж. Потом решили, что этого не может быть. И чем ближе они приближались, тем больше росло их удивление: что за странный предмет на этом лунном, ровном, как гигантская столешница, ландшафте.

Издали это напоминало картину какого-нибудь знаменитого абстракциониста, за плечами у которого три попытки суицида. Желтое пятно на серо-черной базальтовой равнине до линии горизонта, а на прозрачно-синем небосклоне зеркальное отражение — холодное солнце...

С нарастающим любопытством они устремились к необычному объекту.

Ощущение миража ушло. Они увидели огромный валун. Он был плоским и напоминал гигантский стол. Камень был гладкий, как мор-

ская галька, отполированный волнами пустынного ветра. В этой части Гоби он казался чем-то вроде саркофага величественного египетского фараона, вызывая странный для советского человека мистический трепет и восхищение.

...У Сергея Миронова загорелись глаза, они вспыхнули и осветили его лицо с сединой щетины этим далеким воспоминанием. У меня возникло ощущение, что кабинет в центре Москвы в огромном здании брежневской эпохи растворяется и невидимый художник начинает грунтовать холст темно-серым базальтом и прозрачной краской топазового цвета, цвета небесного горизонта. Как у Флобера — все детали стиля отполированы до совершенного блеска.

173

Длинный стол для совещаний превращается в желтоватый камень, Миронов продолжает рассказывать:

— ...Вокруг валуна разбросаны кремневые наконечники стрел, скребки, сколы камней и полуобработанные заготовки. И меня вдруг осеняет, что это гигантский каменный верстак для обработки орудий из каких-то далеких времен. Мы находимся в мастерской каменного века. Здесь вокруг не может быть никакого кремня, и эта глыба тоже чудесным образом принесена сюда десять тысяч лет назад. И все эти поразительные артефакты не засыпаны землей, потому что ветер постоянно продувает пространство

этой местности. И еще одно необычное ощущение. Десять тысяч лет назад кочевое племя оставило по каким-то причинам это место и валун, и первыми, кто появился здесь, были мы... Поразительно ощущать тысячелетнюю глубину времени. Я прикоснулся к камню, и пальцы почувствовали тепло...

Мгновенная вспышка желтого света. И каменный верстак обратно превращается в председательский стол продолговатой формы из дорогого дерева с кипами документов. А кабинет — в мастерскую, где изо дня в день вытачиваются законы и политические решения, которые продолжают тысячелетнюю историю святой Руси. И это не красивая метафора и не пустая пафосная руда — это духовная энергия, которая приводит всю государственную машину в движение...

174

Пусть эта машина сегодня походит на тот грузовичок с брезентовым тентом ГАЗ-66, с мотором от старого «мерседеса» и выкрашенными в новый колер бортами и кузовом... Но он надежен, он не сдастся, и он еще снова обретет мощь и исторический ход, и будет осваивать новые пространства, и еще оставит далеко за своим бортом нынешних лидеров в вечной гонке за миражами мирового господства.

Пустыня не делает людей лучше или хуже. Пустыня выветривает из них все наносное, всю мелкую суету вокруг своей или чужой персоны, она

наделяет особым зрением и чувством времени, которое всегда выходит победителем в соревновании с человеческим тщеславием и величием.

И тот, кто понимает, что он всего лишь песчинка на тысячелетнем ветре времени, но песчинка, в которой разлетается в бесконечность единственная, уникальная Вселенная, оставляет после себя тепло, которое можно ощутить и через десять тысяч лет...

13

Вкус урана

176 На холме, как всадник без головы, в бинокль смотрит монгол на низкорослой лошади. Долго и тщательно разглядывает человека внизу, который устроился перекусить, отложив рюкзак в сторону. Он не спешит слезть с лошади, но и не уезжает. Потому что знает: в пустыне нет ни врагов, ни друзей, в пустыне есть только такие же, как он, путники, которые появляются, может, раз в месяц, а может, и того реже. Такая встреча — удача, а в жизни монгола не так уж и много удач, не так много разнообразия. Поэтому даже если случайный человек не захочет с ним говорить, его можно будет хорошенько рассмотреть в бинокль, что тоже потом станет предметом размышлений самого монгола не на один месяц, до следующей

встречи. На этот раз местному жителю повезло, потому что он встретил советских геологов. Он знает, что они его не обидят, а посадят рядом с собой, угостят тем, что им послал их бог. Монгольский бог послал геологов. А их бог — Ленин — душевную теплоту, еду и воду.

Монгол, поджав ноги, садится рядом. И слушает разговор геологов, но ничего не понимает, потому что еще не успел изучить русский язык. Встречи не так часты. Но ему и не надо знать, о чем говорят эти загорелые, небритые, пропыленные русские геологи. От них так же пахнет пустыней и костром, как и от него. От монгола пахнет забористой, но он здесь с самого рождения и моется нечасто. Но и сами геологи к запахам привычные. Ветер продувает их молчаливую беседу с монголом да с его лошастью, которая жмурится, созерцая кусты саксаула, и не спеша, с великим почтением и удовольствием перекачивает языком кусок хлеба. Эти русские ей тоже пришлись по вкусу.

177

Вот так они завоевывают друг друга — посланцы великой империи и туземцы, которые тоже когда-то были великой Ордой и триста лет владели Русью. В истории все перемешивается, все меняется местами. И когда-то великие нации становятся спящим народом.

Эти русские люди — не завоеватели в буквальном смысле слова. Они пришли сюда, чтобы

вместе построить новое общество, дать им новую религию и нового бога. Но все боги — старые, а новые очень быстро исчезают, даже из памяти...

Советские геологи ищут месторождения урана. Монгол знает, что они что-то ищут, но не знает, что именно. Потому что он наверняка смог бы им помочь, он знает эту пустыню, как сшитые им самим сапоги с загнутыми носами, чтобы не повредить почву. Его бог требует аккуратного отношения к природе.

178 Миронов поднимается вместе с товарищами и благодарит монгола. Тот тоже переваливается через седло и короткой иноходью уходит за свой холм.

Мне вся эта картинка рисовалась, когда Сергей Миронов рассказывал об открытии им уранового месторождения. Мечта его юности сбылась. Так он считает теперь. Может быть, самая главная, потому что там, в пустыне, он был свободен так, как потом будет только мгновениями, когда его закуют в цепи жестокие правила политической борьбы современной эпохи, эпохи картонных миражей...

Здесь мы ставим спасительное многоточие. Не стоит говорить все, чем бредит ум. Ярость правителя наполняет мозг философа ужасом, а его милость несет просветление и гениальные

прозрения. Так говорили восточные мудрецы. И жили долго, просветленно, и имя их оставалось в веках...

Странно, как пустыня меняет стиль, он становится нетороплив и размерен. Даже если ты только пишешь о ней и видишь ее глазами другого человека.

Вот глаза моего собеседника. А за ними бескрайняя, ровная, темная базальтовая пустошь, и звенящая тишина, или какие-нибудь песчаные барханы, или просто триллионы сердоликовой красной или желтой гальки до горизонта, и солнце с раскосым прозвищем «болдоха», кочковатая саванна с миражами плоскогорья, и вдруг, после тяжелого перехода, всплеск необъяснимого счастья, просто водопад обжигающей ключевой воды...

179

— В Гоби я был так счастлив, как не был да и не буду уже в этой жизни, — как-то признался мне Сергей Миронов.

И продолжал вспоминать:

— Воду мы возили в железных бочках, из которых в Советском Союзе разливали населению квас. Мы их называли квасовозками.

Колодцы в Монголии были построены румынами и были похожи на дот с откосами большого диаметра. Такие бетонные укрепления, сработанные на совесть, на века, и до сих пор, наверное, остались целыми. Из откоса торчала труба, к ней

был приварен длинный, как мечта монгола, рычаг. К этому рычагу монголы привязывали или лошадь, или верблюда — в общем, кто был под рукой. И они ходили по кругу, а внутри колодца крутился архимедов винт. Но о винте в Монголии догадывались немногие.

У советских специалистов лишних верблюдов и лошадей не было. Были грузовик ГАЗ-66, бочка из-под кваса и пять крепких геологов, которые по очереди и крутили архимедов винт. Но зато мышцы были как у юного Шварценеггера, а заодно и социально не отрывались от местного населения.

180 Однажды мы работали в месте, где не было воды. Мы поставили палатки и начали искать по карте колодцы. Нашли один. Дебет — 1500 литров в час.

Мы садимся в наш автомобиль и едем, едем, находим колодец, а он открытый и рядом в ста метрах юрта. Бетонное кольцо заложено деревянными досками. Нас двое.

Вокруг колодца пожилой монгол на лошадке крутится. О чем-то своем думает. В толстом халате, характерной шапке с высокой тульей, похожей на перевернутую пагоду. Вокруг худого тела широкий оранжевый пояс, в пыльных сапогах с загнутыми носами. Советская власть у них юрты и ламаизм не отменила.

Я поздоровался с ним. И говорю:

— Ус байна, товарищ?
«Вода есть?» — по-монгольски.
— Байна, байна! — отвечает он.
— Ус сайн?
«Вода хорошая?»
— Сайн, сайн! — восклицает он и щелкает языком от удовольствия. Отличная вода, мол, не беспокойтесь, товарищи, лучше и не бывает.

Я открываю доски. Мама дорогая. А там внизу дохлый суслик плавает в глубине в месте с травой.

— Все, — говорю я своему товарищу, — крышка нам, от этой воды по всей пустыне по кустам бегать будем, если, конечно, успеем до кустов добежать!

— Вот тебе и «сайн, сайн», — отвечает мне Саша. — Никому верить нельзя!

— Да нет, ребята, не сомневайтесь, вода отличная! Просто травинок накидали, — на чистейшем русском говорит, ухмыляясь, монгол.

Мы так слегка опешили...

— Так что же ты сразу нам по-русски не сказал!

— Так мы ведь по-монгольски разговаривали...

Оказалось, что он учился в Сельскохозяйственном институте в Пушкине.

— О, Пушкин! — мечтательно восклицает он и в глазах его плавает безбрежная грусть...

Я снова смотрю в колодец и не обнаруживаю никакого суслика...

Пока мы разговариваем, лошадка нам наполняет бочку из-под кваса. Грустно кивает своей рыжей гривой...

От лошадки с рыжей гривой рассказ Сергея Миронова плавно перетекает к открытию уранового месторождения. И мы тоже компьютерной иноходью устремляемся вслед за тридцатилетним геофизиком в пропыленной, выжженной солнцем и горячим ветром куртке, еще полчаса назад в сером костюме английского кроя, белой рубашке и галстукке встречавшим меня в своем председательском кабинете...

182

Перед кабинетом есть маленькая приемная. В ней хозяйничает седой, с вкрадчивым голосом и кошачьей походкой старик. Вечером в его комнате полутьма. Я прихожу в восемь часов, когда Совет Федерации пустеет. Вместе с пресс-секретарем Владимиром Еременко мы ожидаем в большой приемной, которую украшают циклопических размеров минералы и два дюжих охранника с наушниками. Помощник выходит и зовет пресс-секретаря. А через пять минут ведет меня через свой полутемный «предбанник», быстро и виртуозно, на ходу, за секунду просвечивая всю мою фигуру рентгеновским взглядом. Я думаю, что у него профессиональная память и, когда надо бу-

дет, он меня вспомнит — и фамилию, и цвет глаз, и когда и по какому поводу был...

— Я как-то рассказал эту историю публично, — продолжает разговор Сергей Миронов. — Мои профессора-геофизики из Горного института прислали письмо. Сергей Михайлович, не рассказывай ты больше этих сказок, не позорь наши профессорские головы... Но я хоть и люблю и уважаю мнение моих профессоров, но истина, как говорится, дороже. История невыдуманная, все так и было тогда в одной из наших обычных рабочих поездок по южным районам Монголии... С Еленой Борисовной Высокоостровской судьба нас свела еще в Ленинграде. Мне тогда было под тридцать, а ей за пятьдесят...

183

Здесь я вынужден прервать необычную историю с открытием уранового месторождения.

О Елене Борисовне можно, без всякого преувеличения, написать толстенную увлекательную книгу. Она — легендарный советский геохимик. Была руководителем аэросъемочных работ на территории Монголии. Сегодня ведущий сотрудник ФГУНПП «Геологоразведка», ответственный редактор всех карт России с месторождениями урана, тория, калия, первооткрыватель ряда месторождений. В трудные девяностые, когда в ее институте перестали платить зарплату, работала в котельной. Об этом она мне рассказывала с гордостью.

Настоящего геолога ничем не возьмешь — ни бедностью, ни богатством, ни голодом, ни роскошью. Он всегда, в любых обстоятельствах, остается самим собой. Сильной, мужественной, умной, с бездной энергии, независимой и нестареющей — такой предстала передо мной эта замечательная женщина.

В Монголии она отработала шесть лет. И Сергея Миронова она взяла в свою группу, потому что знала его как профессионального, ответственного, работоспособного геофизика.

— Диплом он написал, — вспоминает она, — по интерпретации геофизических данных по месторождению Карасук в Туве...

184

В 1979 году в Туве Елена Высокоостровская вместе с Сергеем Мироновым, как они оба говорили, работали по урану.

— Она меня позвала проверить одно разведанное, но законсервированное месторождение, — продолжает Сергей Миронов. — Я за рулем машины, Елена Борисовна рядом вместе с радиометрическими приборами. В овраге мы останавливаемся. Я достаю радиометр: первая шкала, вторая, третья, четвертая, выше некуда, и так уже за 3000 микрорентген в час. Со звоном прибора мы заходим в выработку. Доски уже кто-то отодрал на секретном месторождении. Мы шли, пока дневной свет освещал черный-черный флюорит, минералы урана, «урановую

слюдку». Все черно кругом. И в глазах у меня тоже начинает темнеть... Елена Борисовна бега-ет, счастливая, как иная дама в Пассаже. Как же, урановое месторождение вокруг... А мне стано-вится не по себе. Появился металлический вкус во рту, и носом пошла кровь.

— Это ты на солнце перегрелся, — говорит она мне.

Как же, на солнце, думаю я. Вон, радиометр тоже перегрелся, с ума сходит.

...Однажды в Гоби Елена Борисовна ехала на ГАЗ-69 с начальником геологической партии и первого отдела. Все работы ведь были засекре-чены. Машину на одном из поворотов занесло, и она перевернулась, но так, что снова встала на колеса. До ближайшего лагеря было шестьсот километров. Все были сильно ранены и едва мог-ли двигаться. Начальник партии сказал, что надо ждать помощи, скоро их начнут искать. А у него, видимо, был сильный ушиб позвоночника, от бо-ли он не мог встать. А что значит начнут искать? В лучшем случае через сутки. Пока организуют, пока ищут, может три дня пройти, а может и не-деля. А по ночам в Гоби и до минус сорока дохо-дит, холодно так, что до костей можно промерз-нуть. Елена Борисовна заставляет их подняться, делает перевязку, хотя сама вся в крови. И садит-ся за руль газика, почти интуитивно едет по звез-дам и спасает и себя, и своих товарищей. Она не

раз выходила из самых сложных ситуаций, которых в их жизни в Монголии было немало...

— Через два года после тувинского случая я работаю в Гоби начальником отряда. Вместе с товарищами переезжаем из одного места в другое. С палатками, раскладушками, спальниками, продуктами питания. Кочевое племя советских геологов едет в новый лагерь.

Проходит час, второй. Ребята в машине играют в карты, приборы тоже отдыхают. Я начинаю засыпать. Мы мчимся по каменистой равнине. До горизонта набросан щебень, и все будто бы выровнено гигантским катком. Дороги не нужно прокладывать. Даже самолеты могут сесть в любом месте. В чутком сне оживают какие-то неясные очертания.

186

Я слышу далекие голоса и вдруг явственно ощущаю во рту металлический вкус. И я как бы снова там, в Туве, в овраге с черными флюоритами. Иду в полутьме, и в ушах стоит колокольный звон.

Я очнулся, а вкус урана на губах, и я знаю, что это вкус урана, тот самый металлический вкус, который я запомнил на всю жизнь в Туве.

Я включаю прибор, его зашкаливает — снова 3000 микрорентген в час.

— Ребята, — говорю я своим спутникам, — здесь что-то есть, останавливай машину.

Мы тут же заводим спектрометр, самописцы показывают общую радиоактивность. И харак-

терный сигнал радиевого самописца, значит, чисто урановое месторождение. Никого уговаривать не надо, все взяли радиометры и радиально стали расходиться от машины, пока прибор не покажет фон. Один за десять километров ушел, а у него все звенит.

Разбили на скорую руку лагерь, где радиоактивность была минимальной. Всё тщательно записали...

Потом уже на нашем месте провели взрывные работы. Оказалось очень хорошее вторичное урановое месторождение.

Возможно, мои профессора правы, урановое месторождение по вкусу не определить. Возможно, это был вкус пыли, которая окутывала нашу машину. И то, что там оказалась аномалия, просто случайность. Но факт остается фактом. Я, наверное, единственный, кто вот таким необычным способом открыл урановое месторождение.

187

В жизни не так много дней, когда ты абсолютно счастлив. С годами их становится все меньше, а может быть, мы теряем вкус этого самого счастья, стирается он в сутолоке обычных дней.

Вот мы вернулись в мою молодость. В эти бесконечные просторы дней, когда я колесил по гигантской пустыне, которая занимает одну треть территории Монголии и которая состоит, как говорят сами монголы, из десятка разнообразных

по ландшафту и природе пустынь. Там была тяжелая работа, там подчас было так трудно, что едва хватало сил, чтобы добраться до палатки и забыть черным, как флюорит, сном. Но потом, утром, с восходом солнца на розово-бирюзовом небе, ты вдруг вместе с ветром и звуками просыпающегося лагеря ощущаешь настоящий вкус жизни, ты снова влюбляешься в нее, и эта любовь остается с тобой уже навсегда, на всю жизнь...

И металлический вкус урана иногда оставляет след счастья на твоих губах...

14

Стальная труба

Над долгой горой с покатой вершиной зависло красное солнце. В этот день, 17 июля 1991 года, солнце было особенное: большое, как море, и красное, как рубиновые звезды на башнях Кремля. Утром Сергей Миронов с женой и дочкой уезжал на родину. Пять лет пронеслись так же быстро, как последний день. Этот последний, очень грустный и такой короткий день, который вдруг превращается в редкий фотоснимок и хранится вечно в памяти, пока смерть не сжигает его своим ледяным дыханием.

189

Из окон открывался живописный вид. Они с женой любили выходить на балкон своей квартиры в Улан-Баторе и смотреть, как солнце выхо-

дило из-за горы и заливало всю округу теплым желтым сиропом.

Здесь, в Улан-Баторе, все было спокойно, хотя социализм уже мучился от демократической бессонницы, тронутый горбачевской свободой. Другие миражи стали бродить по пустыне Гоби.

190 В 1990 году советские войска начали покидать дружественную страну, граница с Китаем больше не была прикрыта русскими дивизиями. В марте этого же года все руководство Монгольской революционной партии ушло в отставку. Сам товарищ Цеденбал был исключен из членов партии. А ведь девять лет назад он отправлял первого и, видимо, последнего монгольского космонавта Гуррагчи в космос. Сбылись вековые мечты великого степного народа. Так считал товарищ Цеденбал, провожая взглядом стального дракона с монголом внутри в бесконечные космические степи.

Теперь даже в пустыне Гоби никогда, никогда, никогда не объявится внезапно эта монгольская мечта, превратившаяся в реальность в марте 1981 года, хотя бы мимолетным миражом...

В СССР бушевала перестройка, и демократизация все больше превращалась в гигантскую воронку, в которую вот-вот должно было затянуть и отцов демократии, и саму шестую часть земли.

Коллеги, уехавшие чуть раньше, присылали письма. Они дышали свободой, энтузиазмом и тревогой. В стране снова, как в войну, основные товары народного потребления распределяли по талонам. Еще в письмах сообщали, что при пересечении границы Монголии, уже на советской территории, в вагоны врываются банды и грабят всех пассажиров подряд. Чистят до нитки, избивают тех, кто сопротивляется. В этих строках уже была не тревога, а отчаяние униженных и оскорбленных новой реальностью людей.

Можно было представить, как советские специалисты с семьями пересекали границу и на первой станции, на которой раньше старушки торговали вареной картошкой, солеными огурцами, яблоками и грушами, вдруг в купе врываются мужики с мутноватыми глазами и отбирают деньги и вещи. Так вот незатейливо встречала страна своих граждан, и ошарашенные граждане не могли всю оставшуюся дорогу прийти в себя... от такой демократии...

191

Сергей Миронов перед поездкой приготовил на всякий случай стальную трубу. Хороший инструмент. Можно и дверь в купе заблокировать, а можно и мозги радикально вправить.

Государство дало гражданам полную свободу действий, в том числе доверило защищать себя самим от обнаглевших преступников, которые вылезли, как тараканы, из всех щелей и уже начи-

нали создавать параллельные государству бан-
дитские структуры власти.

Но тогда еще, в тот последний вечер, он не ду-
мал об этом, было только ощущение, что жизнь
меняется и так, как раньше, уже не будет нико-
гда. Ожидание какого-то чудовищного слома
в его судьбе не покидало ни на минуту.

Он улыбнулся.

Год назад он сам послал телеграмму к съезду
народных депутатов СССР с поддержкой акаде-
мика Сахарова.

«Уважаемый Андрей Дмитриевич! Полно-
стью поддерживаю вашу конституцию. Голосую
двумя руками „за“. Старший геофизик аэропар-
тии Миронов».

192

Монголия не была необитаемым островом, га-
зеты сюда доставляли регулярно. И советские гео-
логи знали и обсуждали все, что происходило на
их родине. Горбачевские реформы, казалось, вдох-
нули свежий ветер в неповоротливый, устарев-
ший, разваливающийся гигантский корабль, ко-
торый потерял и компас, и опытного капитана
и несся в пугающую неизвестность сквозь шторма
и бури...

Из Улан-Батора изменения воспринимались
с энтузиазмом и гордостью за энергичного, мо-
лодого лидера и рождали новые миражи.

На следующий день Сергея Миронова вы-
звали в посольство. Два суровых, немолодых

человека в серых костюмах, галстуках и с характерным огнем в глазах минуту с изумлением рассматривали невозмутимое лицо старшего геофизика.

— Так, — сказал как можно тверже один из людей в сером. — Так, товарищ геофизик Сергей Михайлович Миронов...

Он хотел что-то еще добавить, но не успел...

Второй в сером, вдруг налившись краской, заорал:

— Коммунист Миронов, положи партбилет на стол!

— А я не член партии, — ничуть не смутившись, ответил беспартийный Миронов.

Оба человека в сером переглянулись. И в глазах их сверкнула прямая, как правда, чекистская мысль: попался, голубчик.

193

И уже вкрадчиво и с нутряным чувством близости врага тот, что был справа, произнес:

— Как ты мог оказаться здесь, за рубежом?! Как ты мог написать этому Сахарову, да еще и поддержать этого предателя и диссидента?!

— Наша конституция гарантирует тайну переписки! — ответил Сергей Миронов, старший геофизик аэропартии.

— Чего гарантирует, какая конституция? — оба с изумлением посмотрели друг на друга.

— Наша советская конституция, в нашей библиотеке можно взять!

— В библиотеке?! В двадцать четыре часа вон из Монголии, в Союз!

— А вы меня Родиной не запугаете, — сказал он, повернулся и вышел.

Времена были уже другие, и так быстро отправить обратно в СССР посольство не могло.

А в это самое время произошли известные события в Литве.

И на другой день в аэропартии состоялось открытое партийное собрание с повесткой: осудить беспартийного С. М. Миронова и литовских сепаратистов.

В результате собрание поддержало Литву и объявило Миронова молодцом.

194 — Ну что ж, — сказал человек в сером другому человеку в сером. — Так тому и быть. Мы ведь всегда были в гуще своего народа, и нам не чужды демократия, гласность и балалайка...

Оба снова переглянулись, сняли галстуки и отстегнули одну пуговичку на воротнике белой рубашки...

А ведь в иные времена... Такое дело можно было закрутить, многотомное...

Они не сомневались, что их время еще придет...

Время равнодушно течет в бесконечность. В пустыне оно умирает, как будто от жажды, и медленно-медленно ползет по безводной сте-

пи. И вдруг в одно мгновение ты стоишь на балконе девятиэтажного дома в городке геологов. Твой последний вечер в этой стране заканчивается, и тебе не хочется никуда возвращаться, а остаться здесь, еще хоть немного, еще хоть на какое-то, не отлитое в день или месяц, или год, время.

Одно мгновение отделяет от ушедшей череды обыкновенных рабочих дней. Тогда тебе кажется, что конец долгой командировки так скоро. И когда он наступит — это будет праздник, это будет радость возвращения в свои родные края, это будет твоя маленькая победа в жизни и твой успех, потому что дома тебя ждет заслуженная награда. За твой обыкновенный труд, за всю ту пыль и жажду, ночевки в пустыне и степи в палатке, за весь ночной холод и дневную жару, за звенящие в приборах и в твоей крови урановые аномалии и тысячи километров в болтающемся в воздушных ямах легкокрылом «Ан-2»...

195

Они вкалывали без выходных. Потому что если зарядит дождь — а зарядить может и на месяц, — фон повысится на пять — десять микро-рентген в час и данные можно будет выбросить в корзину. У них — план. Столько-то тысяч километров налетать, столько-то аномалий проверить...

План в системе Министерства среднего машиностроения отнюдь не средний, и организа-

ция эта полувоенная, и гриф «секретно» вышит даже на портянках...

— Он по горам ходил, по пустыне, по степям, — раздается голос Елены Высокоостровской. — Тысячи километров на самолете, на машинах, пешком. С самолета засекаются аномалии, выбрасываются вымпела, а затем в этот район на машинах едут три специалиста, и там бегают каждый со своим датчиком, ищут центр аномалии, а потом обрабатывают все данные. Это тяжелый, кропотливый труд.

196

Однажды утром в пустыне, где они разбили полевой лагерь, внезапно ударили заморозки и температура упала до минусовой. Было шесть часов. Обычное время начала рабочего дня. Лагерь был оборудован электрогенератором. В вагончиках имелось электричество, и даже можно было смотреть телевизор, но в пустыне передачи ловились плохо.

Геологи поставили на краю лагеря душевую кабинку с бочкой воды наверху. Солнце прогрело бочку, и когда они возвращались с маршрута, можно было помыться в теплом душе. Но в то утро стоял мороз и вода была такая холодная, что сводило скулы. И вдруг они услышали, как кто-то весело напевает в душевой кабинке, вскрикивая от ледяных струй воды. Эта была Елена Высокоостровская. Ее маленькая сильная фигурка как мираж двигалась от бочки к своему

вагончику. Лицо покраснелось от ледяной воды и ветра, а глаза искрились счастьем...

— Я тогда подумал, — вспоминает Сергей Миронов, — что такой красивый и сильный народ никому никогда не победить!

Когда-то так же думал и Чингисхан, оглядывая уходящие за горизонт юрты своего великого и непобедимого народа.

От Индии до Западной Европы быстрая, как ветер Гоби, пролетела степная конница завоевателя мира, и никто не смог остановить ее иноходь, кроме воли Великого Монгола и русских племен.

Теперь от бывшего величия в музее Улан-Батора осталась гигантская повозка площадью шестьдесят метров, на которой Чингисхан передвигался по пустынным равнинам метрополии и пировал с непобедимыми воинами...

197

Воля и величие — эти два несокрушимых, закаленных, как дамасская сталь, качества должны всегда жить и в народе, и в его вождях. Иначе утонченные вожди погрязают в разврате и роскоши, а народ — в оскорблении и унижении...

Заря догорала, только ее розовый отсвет еще дышал над кронами леса на вершине пологой горы. Скоро мириады звезд засверкают над городком советских геологов...

Они уходили из Монголии, они уходили отовсюду. Они были странными завоевателями, окку-

пантами, как им кричали вслед. Расходуя свои человеческие и материальные ресурсы, они строили другим народам заводы, электростанции, школы и университеты, села и города, помогали открывать и осваивать месторождения... За это их не любили. За этот их имперский социализм, который, истощая метрополию, обустроивает свои окраины и соседние народы и страны... Их ненавидели, потому что они поступали не как конкистадоры, не как нынешние завоеватели. Они не выкачивали всё из порабощенных народов — и ресурсы, и душу, не оставляли после себя население, свободное от... национального лица, которое не в силах не то что сопротивляться, но даже и ненавидеть, лишь только сыто шептать осанну своим новым богатым хозяевам...

На следующий день Сергей Миронов с семьей покидали Монголию. Они добрались до вокзала на автобусе. Их провожали несколько друзей. Почти все советские специалисты из их городка уже уехали на родину.

Он не забыл сунуть в сумку стальную трубу. Он понимал, что возвращение будет непростым. Поезд Улан-Батор — Москва пересек границу. Монголы не устраивали грабительских набегов. Первая станция после границы — Гусиноозерск. Здесь, судя по письмам, местное население и встречало соотечественников кулаками, ножами и кастетами.

Милиция была занята демократизацией, или находилась в доле, или то и другое, что часто бывало в свободной и открытой миру стране.

Поезд заскрежетал и остановился. В купе царила полутьма. Миронов заблокировал стальной трубой дверь, окно затянул занавеской. Жена прижала к себе пятилетнюю дочь.

«Может, пронесет», — подумал он и встал у двери, загораживая жену, пальцы ощутили твердую рукоять ножа.

В вагоне послышался шум, в соседнем купе раздались крики. Через минуту к ним громко постучали.

— Ты, сволочь, открывай, купил у меня на перроне и не заплатил! — заорали за дверью и попытались открыть ее ключом.

Потом стали колотить в дверь.

— Открывай, а то кончим всех в купе...

Он ощутил, как ярость поднимается из глубин сердца. Холодная, жестокая ярость старшего сержанта десантной дивизии к врагу. Если бы его ребята были рядом, они угомонили бы этих ублюдков надолго, так что зажил бы этот богом забытый городок своей обыкновенной, полусонной жизнью, как еще год-два назад.

Но он остановил себя. За ним были жена и ребенок, и он должен был уберечь их от шайки грабителей.

— Сюда вы не войдете и ничего не возьмете, — спокойно сказал он. — А сунетесь — пожалеете на всю жизнь...

За дверью слышались ругань и суета.

На вокзале объявили отправление поезда.

Ему казалось, что прошла вечность, а не двадцать минут...

Когда поезд набрал ход, он снял с двери стальную трубу. Но положил рядом. В родном отечестве всегда надо быть начеку. Особенно в политике. Надо держать стальную трубу наготове и не лезть на рожон. Можно пропасть ни за грош.

На этой стальной ноте закончился для него Советский Союз.

15

Мегафон

— Вот, возьмите. — Молодой человек в длинном светлом плаще и в очках с золотой оправой на шнурке протянул Сергею Миронову мегафон. — Работать будете на улице, перед дворцом, от вас будет зависеть, сколько на нашу фотовыставку придет людей...

201

Сергей Миронов взял мегафон, нажал на кнопку, подул в микрофон. Из мегафона вылетели скрежещущие звуки.

«Повезло мне, — сказал он про себя, — в тридцать восемь лет начинать все с полного нуля...»

Монголия туманилась прекрасными миражами пустыни Гоби над еще не открытыми урановыми месторождениями...

А в темных окнах дворца Белосельских-Белозерских отражался еще один золотой сон человечества. Как сказал бы коммунист-романтик в октябре 1917 года.

— Дорогие петербуржцы и гости нашего города, вы имеете уникальную возможность посетить всемирно известный дворец — творение гениального архитектора Штакеншнейдера, который раньше был закрыт, потому что здесь располагался райком КПСС. Теперь же вы сможете осмотреть не только потрясающие по красоте интерьеры, но и увидеть шедевры гениального фотохудожника... — зычно разносился по Невскому проспекту голос человека с мегафоном, и в этом человеке Миронов узнавал себя.

202

Месяц назад, 20 августа 1991 года, Сергей Миронов стоял на Дворцовой площади, под аркой Главного штаба, что несет на себе римскую колесницу с шестеркой рвущихся в небо лошадей к изумрудному фасаду Зимнего дворца, во всем мире больше известного как Эрмитаж.

— Серега! Миронов! — услышал он чей-то окрик.

В нескольких шагах от себя он увидел своего однокурсника по геофизическому факультету Горного института Сашу Авдеева. Больше десяти лет они не общались, и вдруг встреча под аркой Главного штаба, в день, когда решалась судьба страны...

У Авдеева была красная повязка на рукаве, и весь его значительный вид говорил о том, что он выполняет какое-то чрезвычайное задание.

— Знаешь, на нас идут танки, — сказал Саша и схватил за руку своего институтского друга. — Пошли к Мариинскому дворцу. Будет жарко!

Из этой фразы вдруг лязгом гусениц выкатил на мгновение июнь сорок первого года.

Но вместе со страхом пришел и пьянящий восторг свободы, и свобода побеждала страх, свобода расправляла в душе свои хрустальные крылья и освещала ее своим прекрасным женским ликом, а второй свой лик она прятала от души, чтобы та не содрогнулась от ее обезображенного профиля...

203

Ночью Миронов, как и сотни тысяч ленинградцев, не спал, вслушиваясь в хрипящий динамик приемника, из которого звучал голос «Радио Балтики». Эта была единственная станция в городе, в прямом эфире вещавшая о драматических событиях вокруг Белого дома в Москве и обстановке в городе на Неве. Центральные каналы показывали «Лебединое озеро» Петра Чайковского. Русский балет стал в эти дни самой известной постановкой Большого театра во всем мире. С умирающей белой лебеди начинались информационные выпуски. А на самом деле в конвульсиях умирала великая красная птица. Это были последние дни Октября 1917 года.

Только ленинградское телевидение 19 августа осмелилось на всю страну показать передачу, в которой мэр города Анатолий Собчак, его заместитель вице-адмирал в отставке Вячеслав Щербаков, председатель Ленсовета Александр Беляев и председатель Областного совета Юрий Яров призвали ленинградцев выйти на Дворцовую площадь на митинг протеста...

Танки шли по улицам Москвы.

Танки приближались к Ленинграду.

Окна в тысячах домов горели светом и надеждой...

Девушка, читающая информационные сводки на «Радио Балтика», вдруг истерично закричала в эфир, что танки идут по Кировскому проспекту.

Но никаких танков не было...

— Ночь была светлой, я выглянул из окна, — вспоминает Миронов, — на крышах я заметил каких-то людей. Мне показалось, что это снайперы. Я позвонил по телефону, мне сказали спасибо. Я все-таки заставил себя уснуть, решив, что утром обязательно пойду на Дворцовую площадь. Я проснулся в пять тридцать. Включил приемник. Одни шумы, никаких станций. Я с ужасом подумал, что «Радио Балтика» разгромлена. Мне даже представилось, как в редакцию врывается штурмовой отряд... Всё, с отчаяньем подумал я. Кончилась свобода!

Я бросился к телефону и стал звонить на радиостанцию.

Спокойный голос ответил мне, что все в порядке, мы в эфире. Проверил радиоприемник, оказалось, сбилась настройка.

А утром я решил идти на Дворцовую площадь. Я для себя все тогда определил, с кем я и на что готов сам. Я не хотел возвращаться в прошлое... Как и сотни тысяч жителей моего города, города трех революций...

Лестница эскалатора в метро «Политехническая» несла меня вниз. Народ мрачно молчал в какой-то необычно гнетущей атмосфере, словно мы все спускались, чтобы больше никогда не вернуться в прежнюю жизнь, или просто в жизнь.

205

Я не выдержал и вскинул руку вверх с пальцами в виде «виктории», и сначала один, потом второй, третий — ответили мне кто «викторией», кто сжатым кулаком.

И это словно были распускавшиеся цветы свободы...

К Мариинскому дворцу на Исаакиевскую площадь, где заседал мятежный Ленинградский совет народных депутатов, по Невскому, по прилегающим улицам полноводной рекой и ручьями стекался народ.

На самой площади гудела многотысячная толпа, разбившись на группы. Кого здесь только

не было. Весь цвет питерской интеллигенции. Бородатые демократы, похожие на материализовавшихся кадетов из февраля семнадцатого года. Длинноволосые анархисты во всем черном. То там, то здесь мелькала профессорская бородка. Экзальтированные дамочки нервно курили сигареты «БТ». Отставные морские офицеры, кто в форме, а кто и в штатском, деловито сновали в толпе и давали на ходу какие-то четкие рекомендации. Младшие научные сотрудники и инженеры из закрытых «почтовых ящиков» спорили друг с другом до хрипоты. Журналисты с горящими лицами делали свою революцию, снимая и записывая в блокноты и на диктофоны ритмы новой эпохи.

206

Революция! Революция! Защитим демократию. Свобода или смерть! И что-то еще безумное летало в воздухе, и поднималось над скачущем на круглом пьедестале Государем, и уносились вверх к куполу Исаакиевского собора.

И вдруг кто-то сказал: у Зимнего дворца сейчас начнется митинг, там Собчак.

«Собчак» звучало как пароль демократии. Это был один из самых ярких лидеров наступающего нового времени. И в его глазах, глазах профессора права, не было страха, а только пламя энтузиазма и права на власть. Голос его был тверд, и руки не дрожали...

Крах коммунистического режима был неизбежен.

Днем раньше ГКЧП давал пресс-конференцию, и у диктатора Янаева, вице-президента СССР, тряслись руки. А глаза были скрыты темными очками. Как будто страх можно спрятать, когда он дрожит в каждой клеточке тела.

Они отвечали на вопросы советских и западных корреспондентов. Вместо того чтобы отдавать приказы своим командирам, обещая им все золото партии и генеральские погоны.

Вместо того чтобы лично вывести танки к Белому дому и прямой наводкой в двадцать минут разогнать всю толпу и потом верными частями занять мятежные города.

Они боялись крови и приговора революционного трибунала. Железные наркомы превратились за семьдесят лет советской власти в трусливых и безвольных партийных аристократов. Они думали о себе, а не о власти. А власть дама серьезная, она не прощает измен и слабости. Она любит в своих поклонниках только верность до гроба и величие...

Величие отражается в мертвых глазах врагов...

207

Народ, казалось, держал Александрийскую колонну на Дворцовой площади, обступив ее двухсоттысячной массой. Перед воротами Зимнего дворца, там, где обычно стояла трибуна для партийного руководства города во время

праздничных демонстраций, возвышался грузовик с откинутыми бортами и стойкой с микрофонами.

— Собчак, — выдохнула толпа.

Анатолий Собчак взобрался на грузовик, как когда-то Владимир Ленин на броневик, чтобы призвать народ защитить революцию и умереть за свободу.

Толпа что-то кричала и щетинилась плакатами, проклиная ГКЧП, Янаева со всеми товарищами и коммунистическую партию.

208 Сам Собчак, когда мы с ним бродили по Елисейским полям в странные дни его бегства в Париж, ни разу не вспомнил Дворцовую площадь. Возможно, трудно снова воскрешать дни триумфа, когда ты потерпел жестокое поражение от главного охранника президента, ты — великий и уже за бронзовевший, всемирно известный демократ Анатолий Собчак, которого растоптали лилипуты.

Но в августе его лицо было обожжено свободой и викторией, как у гипсового барельефа римского триумфатора.

— Я стоял в углу площади, в начале Миллионной улицы, — вспоминает Сергей Миронов. — Сашу Авдеева оттеснили к атлантам. За моей спиной был фасад штаба шестой воздушной армии Ленинградского военного округа. На это здание во

время первомайских демонстраций вешали гигантского шагающего Ленина. В кепке, с красным бантом на лацкане пиджака и прищуренными добрыми глазами. И тут я впервые увидел Анатолия Собчака, мэра Санкт-Петербурга. Он взобрался на грузовик. И, энергично жестикулируя, стал говорить о победе демократии в СССР. Он говорил, что коммунистическая бюрократия себя изжила, коммунисты хотят нас уничтожить, но народ не отдаст завоевания демократии. В Москве танки и уже есть погибшие среди москвичей. Но Москва не сдастся. Как и ленинградцы. Танки в Ленинград не войдут, они остановлены, сейчас ведутся переговоры с военными. Народ нельзя победить. Нас нельзя запугать и снова загнать в тоталитарный коммунистический режим...

209

Я, как и вся площадь, был заморожен этим сильным, смелым и умным человеком. Помню, как я впервые увидел его по телевизору 25 мая 1989 года. Собчак выступал на Съезде народных депутатов СССР. А я лежал за тридевять земель в своей квартире в Улан-Баторе, со сломанной ключицей. Эта была прямая трансляция. И смотрелась она на одном дыхании. Я забыл про свою боль, про то, что я в тысячах километров от родины, от столицы, от Дворца съездов. Я был там, вместе с народными избранниками. Я выступал с трибуны, я так же, как и демократическая оппозиция, боролся с замшелыми коммунистами. Это

было окончательное и великое мое прозрение и великая надежда, что теперь, очистившись от раковой опухоли казарменного коммунизма, мы сможем построить новое, справедливое общество, справедливое государство, которое больше никогда не будет убивать своих граждан. И теперь на площади я слушал Анатолия Собчака. И не важно, что он говорил, важно было, что он здесь, что он вместе с народом, он не сдаётся. Ельцин в Москве, а Собчак в Ленинграде. Они были символами сопротивления. Вдруг ему передали какую-то бумагу. Он вскинул лицо, площадь затихла. Он буквально закричал: товарищи, только что пришла телеграмма! Вот она. Воздушно-десантные войска с нами! Площадь выдохнула: ура-ура-ура!!! И я вместе со всеми кричал это громогласное, столетичное «ура». И был счастлив, что сам имею непосредственное отношение к десантникам. И в эту минуту у меня словно тяжкий, страшный груз свалился с души. Я осознал, что мы победили. Меня охватило такое воодушевление, что все, кто был рядом со мной, казались мне самыми близкими боевыми друзьями. Тут все стали поворачивать головы к зданию штаба воздушной армии. На четвертом этаже офицеры вывесили только что склеенный и написанный плакат из листов ватмана. Еще текла гуашь. Но на плакате огромными буквами было написано: «АВИАЦИЯ С ВАМИ». Мы все отозвались неистовым ликом.

ванием. Плакат продержался недолго, видимо, старшие офицеры исправили этот смелый, отчаянный поступок летчиков. Но это уже было в массах, в народе. Народ кричал, чтобы оставили младших офицеров в покое, и грозил кулаками. Было ясно, что элитные части армии перешли на сторону демократии.

Митинг закончился. Я возвращался домой. Когда я выходил со станции метро «Политехническая», меня кто-то взял за руку. Наверное, у меня как-то по-особому горели глаза, было видно, что я только что с площади.

— Вы там были? Что там? — кто-то спросил меня.

— Был, — ответил я и вдруг оказался на деревянном ящике и стал с жаром рассказывать о митинге на Дворцовой площади, о выступлении Анатолия Собчака, о том, что десантники с нами, авиация с нами. А люди все подходили и окружали меня, и их глаза загорались надеждой и верой в победу. Полчаса я так говорил. Милиция была недалеко, но не мешала, бесстрастно наблюдая за моей агитацией.

211

«Дорогие ленинградцы, петербуржцы, — с хрипом вырывался из мегафона энергичный и уверенный в себе и своей миссии голос Сергея Миронова, — не упустите уникальную воз-

возможность посетить дворец князей Белосельских-Белозерских. Всего два шага от Невского проспекта — и вы сможете вдохнуть аромат дореволюционной эпохи. Николай Второй поднимался по ступеням главной лестницы и с балкона смотрел, смахивая невольную слезу, на похоронную процессию великого русского композитора Петра Ильича Чайковского...»

Он был так же убедителен, как, наверное, и тогда, на ящике перед станцией метро.

Публика останавливалась и валом шла на фотографическую выставку в знаменитом особняке.

212 Сергей Миронов был одет в лучший (и единственный) костюм — тройку, белую рубашку, и башмаки его сверкали, начищенные до блеска. В руке гремел мегафон. А он, не смущаясь своей новой ролью зазывалы, делал, как и привык всегда, свое дело на совесть...

Ему было тридцать восемь лет. Шел первый месяц демократической осени 1991 года. А шестого сентября Анатолий Собчак провел референдум, и Ленинград был переименован в Санкт-Петербург.

Месяц Сергей Миронов искал работу. И наконец ему повезло. За мегафон платили так, как за полгода в его родном институте, который тихо умирал от нищенского бюджета.

Он не хотел быть нищим, у него была семья. И он думал о своих близких, а когда он думал

о них, то мегафон у него в руках чудесным образом преобразался...

Он рассказывал об истории дворца. И люди слушали его, а потом несли деньги в кассу фотовыставки. Бухгалтер говорила, что Миронов приносит самый большой доход. С ним в очередь работали еще несколько молодых людей. Им было лет по двадцать...

Есть особое мужество начинать все сначала. И, снова оказавшись у подножия горы, подниматься к ее вершине. Не скуля, не плача, не прося. Помолвившись и с надеждой, что если честно трудиться, то Господь пошлет тебе человека...

Однажды вечером на выставку приехал мэр города. Он уезжал в Москву на «Красной стреле», и так как у него образовалось время, он по пути решил заехать во дворец.

Знал бы он, что в этом особняке через двадцать лет разместится музей о нем самом и немного об истории современной демократии в России.

Как уже много лет, поезд отправлялся в 23.55. Мэр походил с помощником по фотовыставке, а потом сел с ними за стол пить чай.

Сергей Миронов молчал, слушая рассуждения Анатолия Собчака о государстве и демократии.

Он теперь уже не ходил с мегафоном, а, получив повышение, занимался не только организацией работы выставки, но и другим бизнесом. Жизнь налаживалась, как сказали бы теперь.

И это была та самая встреча, которая, как бы точнее выразиться, внешне пока как будто никак не повлияла на жизнь Миронова. Анатолий Собчак выпил чаю, рассказал народу за столом о демократии и укатил на черной «Волге» на вокзал, в поезде уже забыв о своем получасовом чаепитии и о тех, кто его слушал.

Но в судьбе Сергея Миронова произошло очень важное событие.

Как несколько лет назад в Монголии, когда он держал тибетские свитки и пытался угадать, о чем говорят священные тексты.

Его судьба стала незаметно меняться, повинаясь древней энергии тибетских писем, отправленных несколько веков назад в будущее...

214

Будущее человека легко прочитать, если знать язык Бога...

16

Шанс

Во второй день нового, 1992 года Егор Гайдар, в российском правительстве отвечавший за экономические реформы, включил вновь собранную из советских и западных запасных частей государственную машину и нажал красную кнопку шоковой терапии. Страну прогнуло и затрясло тысячами вольт мощных разрядов.

215

Егор Гайдар и его молодое правительство проводили политику шоковой терапии с неотвратимостью гильотины.

Интеллигенция как вышла на улицы в августе, так там и осталась, потому что профессионально оказалась невостребована нарождающимся строем. Она оказалась бесполезна в стране строящихся ларьков и бандитских разборок. Зачем

они, с их мечтами о западной свободе, спорами за полночь на кухнях о смысле жизни, чтением Кафки и Канта, бардовскими песнями и негласным диссидентством? Надо было уметь торговать и стрелять с двух рук по конкурирующим рэкетирам, надо было уметь наживать капитал и подкупать чиновников, надо было быть хитрым, изворотливым, брутальным и жить по законам волчьей стаи. Мозги были в цене, но без советского романтизма. Только тонкий циничный расчет. И не быть убитым, и самому не убить... А так, пожалуйста, делайте что хотите, продавайте свой интеллектуальный товар за любую валюту...

216

Лингвисты могли продавать слова. Историки — торговать Иваном Грозным и Петром Великим. Физики — обменивать протоны и нейтроны на конвертируемую валюту, которая теперь была освобождена от расстрельной статьи Уголовного кодекса СССР. В собственности астрономов было все звездное небо, а в одном Млечном Пути только сто миллиардов звезд. А в одной пустыне Гоби бесчисленные россыпи сердоликовой гальки и миражи...

Поэтому многие ушли от кульманов и звездного неба в бесчисленные торгово-закупочные конторы, которые занимались всем — от организации модных фотовыставок до вывоза из страны цветного лома и нефти.

Сергей Миронов был как раз одним из тех квалифицированных специалистов, которым пришлось осваивать новую профессию. Контора, которая хорошо заработала на выставке фотографий, делала деньги на всем, что только шло в руки. В ней Сергей Миронов стал чем-то вроде исполнительного директора. Свой мегафон он передал, как эстафету первых шагов на рынке, другим сотрудникам. Теперь под его началом было десять человек и бухгалтер.

— Я покупал и продавал большие партии сахара, колбасы, колготок, компьютеры для военных с маленькими черно-белыми мониторами, — рассказывает Сергей Миронов. — Все куда-то уходило, принося приличную прибыль владельцам фирмы. Мы тоже на зарплату не жаловались. Офис у нас был на правом берегу Невы в трехкомнатной квартире на втором этаже какой-то хрущевки.

217

Однажды я взял почти даром несколько ящиков с родонитом. На Руси этот минерал еще называли «орлец». Всего около полутора тонн камней. Ящики мы затащили на второй этаж. Но перекрытия этих панельных домов, построенных при Никите Хрущеве в начале шестидесятых годов, могли не выдержать такой нагрузки.

Весь вечер я мучился дурными предчувствиями. Не вытерпел, собрал своих ребят, и мы две

трети ящиков перетаскали в подвал, который не закрывался. Внешне родонит выглядит невзрачным, а если распилить — глаз не оторвешь. Четыре месяца камни пылились в офисе и подвале. Сотрудники чертыхались, натываясь на ящики в офисе, в подвале чертыхались водопроводчики, бомжи и крысы. Но я в те времена был абсолютно убежден, что нет такого товара, на который я не нашел бы покупателя. Работал я с утра до вечера, часто без выходных. Не скажу, что эта работа мне нравилась, но иногда появлялся азарт. На родонит я нашел покупателя. Все ему рассказал об этом замечательном камне. Он был в восторге и цену дал хорошую, так что мы даже получили прибыль.

218

За сахаром я ездил на Украину. В Киевском университете в бывшем комитете комсомола сидел человек, который торговал крупными оптовыми партиями сахара. Глаза его сверкали страхом и жадной прибылью. Он коротко спрашивал: «Сколько треба?» Называл цену, подписывал бумаги, говорил по телефону, давал указания помощникам, кричал в соседнюю комнату, что у него есть покупатель-японец на подводную лодку, он еще с Бендерой торговал... И посматривал на стрелки круглых советских часов завода «Союз», чтобы не опоздать на очередную стрелку. Меня он оформил быстро и не обманул, видимо, моя внешность произвела солидное впечатление.

Я ему аккуратно намекнул, что сам бывший десантник и мои кореша еще не разучились передергивать затворы.

Так делался весь бизнес.

Через год мне стало скучно. Деньги для меня никогда не стояли на первом месте, я к ним относился просто как к средству, но не как к чему-то сакральному, что составляет смысл существования. И теперь я совершенно лишен какой-либо страсти к богатству. Немодное свойство природы. Но что делать. Однажды я понял, что мои личные потребности в этой жизни не так велики. Деньги ничего не приносят, кроме разочарования, утраченных иллюзий и огромной нравственной цены за обладание ими. Богатство сжигает душу, как и большая политика. Если ты не отдаешь всего себя людям...

219

Весной 1993 года я встретил своего однокурсника Андрея Полещука. Сейчас он работает моим советником, занимается общественной приемной в Петербурге. Он сказал, что завтра сдает экзамен в Министерстве финансов и получит право работать на рынке ценных бумаг.

— Бросай свою шарашкину контору и займись серьезным бизнесом, — предложил он мне. — Курсы за пару месяцев закончишь, потом будем вместе на мировых биржах большие дела делать! Через пару лет Монголию купишь...

И дал мне книгу о том, какой это большой кайф — торговать ценными бумагами.

Я пришел к себе в контору и объявил моим работодателям, что ухожу, что нашел другую работу, более спокойную. На самом деле я уходил в никуда, но интуитивно почувствовал, что всё, с этой работой надо завязывать. Мне уже сорок лет. Что ж, я так и буду до старости торговать колбасой и колготками?..

Я погрузился в пучину переводных книг о фондовом рынке. Андрей сдал экзамен и получил аттестат. А я сутками штудировал экономическую науку. Голова гудела от бессонных ночей и была забита под завязку всякими депозитами, фьючерсами... Не голова, а нью-йоркская фондовая биржа. Мне уже иногда казалось, что я сам превратился в ценную бумагу и мною начинают торговать...

220

На экзамен я пришел с межреберной невралгией. У меня не было дома письменного стола и приходилось учиться, сгибаясь над журнальным столиком, а еще учебники на полу...

До этих курсов я успел за десять месяцев, без отрыва, как сказали бы в советские времена, от производства, закончить факультет внешнеэкономической деятельности и управления совместными предприятиями Политехнического института. Там надо было учиться два года, а мы уложились в два раза быстрее. Поэтому быстро и много заниматься я был готов.

Через три месяца я держал экзамен в Финансово-экономическом комитете Санкт-Петербурга. Милая женщина дала вытянуть билет. Как в студенческие годы. Я сказал, что могу отвечать без подготовки. Она удивилась, но гоняла меня по всему материалу. Мне было больно говорить из-за невралгии, а она думала, что я волнуюсь. Я сдал экзамен на «отлично» и через неделю получил аттестат за номером двести пятнадцать. На пятимиллионный город я был двести пятнадцатым аттестованным специалистом по ценным бумагам.

В день экзамена вышел указ президента РФ Бориса Ельцина о том, что любой инвестиционный чековый фонд или управляющая компания получает лицензию на рынке ценных бумаг только при условии, если в их штате есть сотрудник с правом работы с ценными бумагами. Мой аттестат и делал меня этим ценным кадром.

221

Курсы стали штурмовать толпы желающих обладать таким правом, я понял, что вовремя и в нужном месте открыл заветную дверь. Аттестат стал в одно мгновение золотым.

На набережной реки Фонтанки, рядом с всемирно известным Большим драматическим театром имени Товстоногова, находился газетно-издательский комплекс «Лениздат», где в совет-

ские времена были под одной крышей собраны все городские газеты и типография.

В новые времена в маленькой комнате работала первая газета бесплатных объявлений «Шанс».

Я дал туда объявление: «Мужчина, сорок лет. Два высших образования, техническое и экономическое. С опытом работы в коммерческих структурах. Имею аттестат, дающий право работы на рынке ценных бумаг. Ищу работу».

Газета вышла через два дня. Она была самая тиражная и самая толстая от количества объявлений. Казалось, все жители пятимиллионного города хоть раз, но обращались со своим объявлением в «Шанс».

222

Первый звонок раздался в семь часов утра, и потом телефон не умолкал несколько дней. Мне предлагали работу в самых известных в городе компаниях. Блокнот был исписан адресами и телефонами и суммами окладов. Некоторые из них достигали астрономических для меня цифр. Я уже отвечал таким измученным голосом, что на другом конце провода начинали извиняться и заманивать меня с удвоенной энергией.

Я впервые в жизни был так востребован. На собственной персоне я прочувствовал, что это такое, когда спрос превышает предложение.

На третий день прозвучал звонок, и мне сказали, что если я пройду психологическое тестирова-

ние, то меня возьмут на работу. Я был озадачен таким подходом, тем, что надо проходить еще какое-то тестирование. И меня это заинтересовало. Так я оказался в модном в те времена инвестиционном чековом фонде и познакомился с самым молодым его учредителем Андреем Молчановым. Но проработал там ровно неделю исполнительным директором. Андрей сказал, что решил вложить деньги в реальный бизнес, выкупить строительный трест и создать новую компанию. Он пригласил меня как специалиста по ценным бумагам. Сам не знаю почему, но я согласился. С тех пор мы стали большими друзьями. Я придумал название этой фирмы — «Возрождение Санкт-Петербурга», зарегистрировал ее и стал исполнительным директором. Потом я занялся эмиссией акций строительной корпорации «Возрождение Санкт-Петербурга». Сокращенно «СКВ СПб». Звучит!

223

Мы создали очень красивую ценную бумагу. На акции был изображен Петр Великий.

Это была уже осень 1993 года. В Москве снова началось противостояние. Между Кремлем и Верховным Советом России. На этот раз Борис Ельцин отдал приказ, и танки расстреляли парламент страны.

Я тогда подумал, что надо что-то менять в политике.

В один из дней января 1994 года Андрей вызвал меня и предложил поехать в Смольный.

По дороге он сказал:

— Сергей Михайлович, сейчас будет формироваться политический блок «Весь Петербург». Мне предложили в него войти и избираться в городской парламент депутатом. Вы знаете, как я занят, сколько у меня текучки, надо кого-то вместо меня. У вас есть идеи? Кого вы предлагаете от нашей компании?

— Себя, — вдруг сказал я.

Он удивленно посмотрел на меня...

Здесь я должен прервать прямую речь нашего героя. Я оторвался от толстой стопки с расшифровками наших часовых бесед.

224

Я задумался о том, что в судьбе человека не так много развилок. Как в русских былинах. Скачут богатыри по дороге, а посреди нее камень и три дороги уходят от него в даль. А на камне высечено, что их ждет. Только там хитро написано, так, что, выбирая самый трудный путь, ты обретаешь счастье, а идя по легкой дорожке, возвращаешься с тем, с чем шел...

В реальной жизни на придорожном камне ничего не написано. По какой бы из дорог ты ни пошел, вернуться назад не сможешь и сбудется то, что в тебе уже сбылось и свершилось.

За одним только исключением. У тебя есть в жизни несколько шансов переменить ее так, как не обозначено ни в одной из небесных книг. Ты,

правда, не думаешь, что это ты сам делаешь выбор, но ты все-таки делаешь его сам...

«Себя», — вдруг сказал Сергей Миронов.

Через пятнадцать лет это короткое слово «себя» легло на бумагу необычной биографии известного на всю страну государственного деятеля. Без этого «себя» не было бы знаменитого политика и этой книги, и чего-то еще не было бы важного, того, что должно совершиться и в чем роль Миронова будет, без преувеличения, определяющей в дальнейшем ходе событий.

И это не голословное пророчество, а ощущение, которое не проходит...

Мы входим в новые времена. Разразившийся ныне кризис только убеждает меня в том, что мои предчувствия все же имеют под собой основания.

В какой-то момент Сергею Миронову снова придется выбирать, только, как и тогда, он не будет ясно сознавать, что этот его выбор еще раз изменит его судьбу...

Плачущий большевик

226 Коммунист, крепкий, коренастый мужичок в костюме от фабрики «Большевичка», когда наступила его очередь выступать перед избирателями, уверенной походкой прошел на сцену крохотного зала...

Человек тридцать избирателей заполнили зал. Стулья собрали со всего ЖЭКа. Всего кандидатов в депутаты Законодательного собрания города по 12-му избирательному округу было пятнадцать человек. Выборы были назначены на 22 марта 1994 года.

В начале 1994 года произошла реформа представительной власти. 11 января федеральный парламент, разделенный на две палаты — Государственную думу и Совет Федерации, открыл свое первое

заседание. 16 января из правительства России, председателем которого уже год был Виктор Черномырдин, вышел в знак несогласия с его экономической политикой Егор Гайдар. Черномырдин стал избавляться от неработающих либеральных схем.

В Петербурге были закрыты районные советы народных депутатов и Ленсовет заменен на Законодательное собрание, в которое избирали по мажоритарному принципу пятьдесят депутатов. Соответственно город был разделен на пятьдесят избирательных округов. Зарплату депутатам не платили, они должны были совмещать обязанности избранных народа со своей профессиональной деятельностью. Исключением были только председатель парламента и его первый заместитель. Вот такой еще был удивительный политический романтизм. У людей еще не разыгрался аппетит к дележу огромного слоеного бюджетного пирога. Они не стучали вилками и не толкались у общественного корыта...

227

Первый бюджет состоял всего из двух страничек печатного текста. Как сказали бы сейчас, пилить было нечего...

Сергей Миронов вошел в блок «Весь Петербург». Мэр города Анатолий Собчак объединил вокруг себя врачей, бизнесменов, инженеров, учителей, юристов, ученых.

После расстрела парламента из танков и чуть было не начавшейся гражданской войны народ

к власти стал относиться с настороженностью. Борис Ельцин победил взбунтовавшуюся московскую улицу только потому, что его противники были еще хуже. И кровавая гражданская бойня после октября семнадцатого года не стерлась в народной памяти.

Впору снять шляпу и поклониться великому терпению нашего народа, который стоически перенес лихолетье девяностых годов...

Между тем Борис Ельцин и младореформаторы сделали все, чтобы этот ядерный взрыв произошел. Господь все-таки милостив к России. Каким-то чудом Он привел на вершину власти Владимира Путина...

228

Но выборы либеральная власть вынуждена была проводить в честной конкуренции... Так было, по крайней мере, до 1996 года.

Власть Ельцина держалась на ожиданиях и терпении народа, на страхе перед губительной междоусобицей и на демократических свободах, которые не давали морального права интеллигенции поднять знамя социальной революции и сбросить эту власть... Они ведь столько лет ждали этой свободы...

Вот и не нашлось тогда своего Путина у оппозиции.

В отличие от нынешних, выборы эпохи всеобщей демократизации не решались в пользу одной партии административным ресурсом.

Власть имущие должны осознать, что несвободные выборы — это бумеранг, который когда-нибудь снесет и их головы...

Свободу у народа забрать легко, вернуть будет тяжело, через слом всего государственного механизма...

Сергей Миронов на первом собрании своего блока «Весь Петербург», когда расписывали округа, категорически отказался идти не по своему, 12-му, где он жил и который хорошо знал.

— Так это округ Моисеева, — сказали ему с удивлением. А Моисеев был в свое время первым заместителем председателя демократического Ленсовета Анатолия Собчака. — У вас здесь нет шансов!

229

— Я живу на Гражданке, на проспекте Просвещения, и буду избираться только там! — упрямо заявил Сергей Миронов руководителям своего блока.

Еще один романтик на нашу голову, видимо, подумали они, но согласились, да пусть идет куда хочет...

Ему организовали штаб и развернули агитационную работу по собственным представлениям, которые часто были далеки от реальности. Миронов это видел, пытался вмешиваться, ему сказали, чтобы не мешал, он плюнул и ходил на встречи с избирателями и там уже убеждал их так, как считал нужным.

...На краю сцены коммунист театрально замер и, ленинским жестом схватившись за лацкан пиджака, вдруг проникновенно сказал, обращаясь куда-то в глубину прошлых счастливых лет:

— Дорогие товарищи! Еще есть настоящие коммунисты...

— Нету! — крикнул кто-то из зала.

— Есть! — сверкнув глазами, как Макар Нагульнов из романа Шолохова «Поднятая целина», ответил красный кандидат в депутаты. — Есть еще, товарищи! Не перевелись пока! Вот я работал на заводе начальником цеха. Все помнят те времена. Путевки рабочим давали в Сочи, профсоюз за все платил. Так вот, у меня не было квартиры. Я двадцать лет стоял в очереди. Помните, хоть и долго стояли, зато всем давали отдельные квартиры бесплатно. Сейчас вам дадут даром аварийный склеп на Северном кладбище.

— Бесплатно не дадут!

— А советская власть дала мне трехкомнатную квартиру. Иду я с ордером после вечерней смены, ко мне подходит передовик, рабочий Иванов, грустный. Говорит, вот тройня у меня родилась, как теперь я с ними в общежитии, что делать, Петрович? Я достаю ордер и говорю рабочему Иванову: бери мою квартиру и пусть твоя тройня будет счастлива. Жена дома меня дураком обзвала и месяц не разговаривала. А я не жалею! На моем месте так поступил бы каждый настоящий коммунист!

Петрович отвернулся и заплакал... так, чтобы все увидели его скупые слезы...

Народ поднялся и стал аплодировать.

— Вот молодец, — сказал Сергей Миронов стоящему рядом либерал-демократу и тут же подумал, что, может, и хорошо, если бывший начальник цеха одержит победу. — Настоящий мужик!

— Сволочь, он на каждой встрече эту байку рассказывает, — зло ответил либерал-демократ. — Ты посмотри на него, этот бы и старую дырявую бабушкину грелку не отдал... с такой рожей... А ведь как представляет, собака, талантливо!

— Да... — только и произнес Сергей Миронов и пошел агитировать за свою программу реальных дел.

Весенние выборы блок «Весь Петербург» с треском проиграл... В парламент прошел только Сергей Никешин. Он до сих пор является депутатом, только теперь от партии «Единая Россия».

Сергей Миронов занял первое место в своем 12-м округе. Гражданка голосовала «за нашего Мироныча». На втором месте оказался господин Моисеев, а на третьем — плачущий большевик. Но явка избирателей была ниже двадцати пяти процентов. Двадцать четыре и шесть! Сегодня бы за политическую слепоту и общий кретинизм председатель окружной избирательной комиссии махал бы метлой на проспекте Просвещения и считал бы, что легко отделался.

Выборы перенесли на осень. К ним Сергей Миронов готовился уже серьезно, собрал свою команду и сам разработал стратегию и тактику борьбы.

В первом туре он одержал победу, собрав более половины голосов, вторым пришел знакомый начальник цеха от компартии.

Осенние довыборы наконец собрали в Маринском дворце кворум. Полгода двадцать пять избранных депутатов приходили в Законодательное собрание, травили анекдоты, сплетничали, жарко спорили в курилке, а в кабинетах смотрели в окно на бронзовую спину Николая Первого и на круп его породистого коня.

232 — Нам, новичкам, сказали, кто хочет — приходите на организационное совещание, — вспоминает Сергей Миронов. — Захотели немногие. Надо же было с основной работы отпрашиваться. А мне, как всегда, больше всех надо. Я пришел. Там собрались все великие политики из прежнего состава Ленсовета — Михаил Толстой, Юрий Гладков, Сергей Никешин, Михаил Пирогов, Леонид Романков, Юрий Кравцов... Они друг друга хорошо знали. Держались не то чтобы особняком, но давали понять нам, новичкам, что они уже внесли свой исторический вклад в победу демократии.

В первый месяц необходимо было принять очень серьезный документ — регламент работы Законодательного собрания. Проектом занимался

наш известный петербургский законодатель Михаил Иванович Пирогов. Я тоже подготовился. Взял регламент Московской городской думы, документы из других регионов и выбрал из всего этого то, что считал полезным для нашего парламента.

Проект стали живо обсуждать, иногда вступая в жесткие политические дебаты уже и по другим вопросам. Я поднял руку. На меня удивленно посмотрели.

— Вы кто?

— Миронов Сергей... Михайлович, двенадцатый округ.

— А где это?

— Гражданка.

— Чего же хочет Гражданка?

233

Я не обиделся. Я стал предлагать одну поправку за другой. Всего я внес около ста поправок, из них с шестьюдесятью Михаил Иванович Пирогов согласился.

Потом говорили: регламент Пирогова — Миронова.

А уже на первом заседании парламента (видимо, под впечатлением от моей невероятной активности во время работы над регламентом) Наташа Евдокимова из партии «Яблоко» предложила мою кандидатуру на пост председателя Законодательного собрания.

— А что такого, — сказала она, — за все его предложения мы голосуем единогласно...

— Если не выберем, он нас поправками заму-
чает, — пошутил кто-то очень тихо.

Я взял самоотвод. Для меня инициатива Ната-
льи Евдокимовой была совершенно неожиданна.
Она, конечно, женщина умная и красивая. Но мы
две недели готовили это заседание. У нас сложи-
лась своя депутатская группа. Каждый день про-
ходил в бурных обсуждениях. Сергей Никешин,
Юрий Кравцов, Алексей Ливеровский, Андрей
Ловягин, Сергей Миронов...

234

У контр-адмирала в отставке Вячеслава Нико-
лаевича Щербакова из объединения «Любимый
город» было другое предложение. Он, Новоселов
и Пирогов сами хотели занять кресло председа-
теля. «Яблочники» Артемьев, Амосов, Евдоки-
мова пробивали своего кандидата. Начались пря-
мые и закулисные консультации. Собрание не
могло работать без председателя. А опыт бес-
конечных и безрезультатных голосований был
печальный. Никто не хотел уступать. Каждый из
известных депутатов считал себя вправе возгла-
вить парламент.

Нам удалось в конце концов убедить необ-
ходимое количество депутатов голосовать за кан-
дидатуру юриста Юрия Кравцова. Он был ком-
промиссной фигурой. Собчак не возражал против
него. Юра Кравцов не был известным человеком
в городе, но определенным авторитетом среди де-
мократов старой гвардии пользовался.

Если мне не изменяет память, с третьего раза Юрий Кравцов занял кресло председателя и стал первым освобожденным от основной работы депутатом. Но еще остались должности первого заместителя и заместителей. Вокруг них развернулась нешуточная драка. Круг претендентов заметно расширился.

5 января 1995 года был избран председатель, и лишь в апреле — первый заместитель и заместитель. Больше трех месяцев шло утомительное, бесконечное обсуждение и безрезультатное голосование. Я уже стал неформальным лидером нашей группы-фракции. Все ключи от голосования у меня...

Вызывает меня в начале апреля Юрий Кравцов и говорит:

— Сергей Михайлович, так мы до второго пришествия не договоримся. Как ты смотришь на то, чтобы я предложил тебя на должность первого заместителя? Ты как, согласишься? У нас другого варианта нет. За тебя проголосуют...

— Сам знаешь, у меня работа, надо там посоветоваться. Завтра обсудим...

Андрей Молчанов, генеральный директор корпорации «Возрождение Санкт-Петербурга», мрачно сказал:

— А ты мне здесь самому нужен. Суток не хватает. И перспективы у компании фантастические.

Чего там пыль глотать. Тебе что, нравится все это депутатство?

Он уже, наверное, жалел, что тогда согласился со мной и взял в Смольный на совещание «Всего Петербурга».

— Ты видишь, я целыми днями в Мариинском дворце, на работе почти не бываю...

— Ну, раз так, — тяжело вздохнул он, — иди, тебя же все равно не переубедишь. Но только учти, если тебе надоест штаны просиживать, возвращайся, я буду рад снова вместе город строить...

Юрию Кравцову я дал свое согласие стать первым заместителем председателя. Новоселову мы решили предложить пост заместителя и на этом поставить точку в штатном расписании, больше никаких замов.

236

Впервые в городском парламенте мы применили пакетное голосование. И удачно — нас избрали.

С мэром Анатолием Собчаком мы часто спорили, но всегда находили компромисс и постепенно приучили и его считаться с мнением депутатского корпуса и работать с ним, как это и принято в развитых демократических странах. И здесь свою роль сыграл Владимир Путин, который тогда был первым заместителем мэра города и представлял правительство Санкт-Петербурга в Законодательном собрании. Он много делал для того, чтобы найти оптимальное решение. И если считал, что

правы мы, то шел к своему шефу и убеждал его, или наоборот. Работал он тогда с утра и до ночи. Я впервые встретил человека, который, как бы это точно сформулировать, умел работать очень много и очень продуктивно, но тратил на решение какой-либо проблемы ровно столько усилий, сколько было необходимо. Мы находили общий язык по самым спорным вопросам, и правительству города с небольшим по нынешним меркам бюджетом удавалось довольно многое делать для петербуржцев. Очень важно, чтобы обе ветви власти были в постоянном равноправном диалоге. Такая сбалансированность придает устойчивость всей системе...

Начиная с 1995 года ни одна крупная проблема в городе без Владимира Владимировича Путина не решалась...

Высший пилотаж

238

История уже написана давно и издана много раз. А мы только читаем ее вслед за Автором.

Эта мысль становится каждый раз актуальной, как только подтверждается фактами из нашей реальности. Подтверждается ли она фактами из другой реальности, в которую мы все когда-нибудь уйдем, не знаю.

Свой замысел Автор в нашей с вами истории объявил 2 июня 1996 года. После подсчета голосов избирателей на выборах губернатора Санкт-Петербурга Анатолия Собчака опередил всего на двадцать тысяч (меньше чем 2%) голосов доселе никому не известный заместитель мэра Владимир Яковлев.

Владимир Яковлев занимался жилищно-коммунальной и социальной сферами. Больших успехов там уже давно, после ухода первого секретаря обкома коммунистической партии Григория Романова, не наблюдалось. Лет десять социальная сфера медленно и успешно разваливалась.

Еще в начале 1996 года Владимир Яковлев мог разве только в самом несбыточном сне увидеть себя хозяином главного кабинета в Смольном.

А в Москве между тем искали человека, который мог бы побороться за кресло мэра города. И сам Яковлев, возможно, не стал бы рисковать карьерой. Шансы ведь были сомнительны. Но жена Яковлева, Ирина Ивановна, очень хотела, чтобы ее мужа сделали губернатором. Она его в конце концов и убедила пойти на этот риск.

Даже если бы Яковлев проиграл выборы, московские покровители позаботились бы о его трудоустройстве.

Сам по себе Владимир Яковлев не был честолюбивым человеком, он всегда знал свое место, много работал и не был замечен в коррупции. Он был исполнительным, незаметным чиновником в администрации знаменитого на всю Россию политика-тяжеловеса.

По вечерам Владимир Яковлев любил со своими товарищами из команды Собчака сыг-

рать в преферанс. Иногда они засиживались за полночь.

В Париже Анатолий Собчак рассказывал мне, что, когда ему сообщили, что «Вова решил стать губернатором», он не поверил. Да нет, возразили ему, за ним стоят мэр Москвы Юрий Лужков и начальник Службы безопасности президента РФ Бориса Ельцина генерал Александр Коржаков.

— Я вызвал Владимира Анатольевича, — рассказывал с нескрываемым раздражением Собчак, — посадил его в свою машину и прямо спросил, правда ли, что он решил идти в губернаторы города.

240

— Да что вы, Анатолий Александрович, ни сном ни духом, я член вашей команды. Чтобы я... против вас... клянусь, никогда, все это злые наветы...

— Он чуть не плакал, — вспоминал Собчак, — я же его брал в правительство, я его помню как толкового специалиста, да никто и не хотел идти на эту должность...

— А кто посоветовал? — спросил я.

— Теперь не скажу, — улыбнулся Анатолий Александрович. — Говорили, мужик нормальный, никогда не предаст, хозяйство хорошо знает... Он, конечно, был марионеткой...

— А говорят, Ирина Ивановна...

— Там господа были посерьезнее этой дамы. Я ведь многих московских крупных бизнесменов с криминальным душком не пускал в город. А за ними были люди из ближнего окружения президента. Я им мешал...

Но правда заключалась и в том, что забронзовевший в последние годы Анатолий Александрович Собчак мешал сам себе больше, чем кто-либо.

Свои выборы в 1996 году он проиграл гораздо раньше, причем самому себе. В политике можно очень быстро стать ненужным, одиноким волком, которого гонят за флажки, а потом уже отстреливают...

Но!..

241

Главным итогом этого поражения стал незаметный отъезд Владимира Путина в Москву и фантастический взлет его карьеры. За четыре года Владимир Путин прошел путь от одного из заместителей Управляющего делами президента РФ Павла Бородина до высшего поста в государстве, победив на президентских выборах в первом туре с триумфальным преимуществом. Казалось, цепь случайностей сделала его преемником Бориса Ельцина. Но слишком уж все сошлось, чтобы в этой цепи не было жесткой логической последовательности и предопределения.

Я помню, как Анатолий Александрович глубоко задумался и, как бы про себя, сказал:

— Вы совершенно не знаете Владимира Владимировича...

242

В истории есть какой-то неизвестный нам закон. Закон исторического тяготения, я бы его так определил. Он универсален, то есть работает во всей истории человечества, во всех странах и эпохах. Но в России носит почти мистический характер. Бывают точки невозврата в истории, когда решаются судьбы не только стран и народов, а целых цивилизаций. Конец двадцатого века был именно такой точкой для русского государства. И у руля погибающего корабля должен был встать очень необычный человек, с определенным набором личных и профессиональных качеств. Невероятная сила исторического тяготения из глубин подняла такого человека, и он сделал то, зачем был поднят на вершину власти, — в буквальном смысле спас российское государство от еще одного развала и предотвратил гибель русской цивилизации. Владимир Путин, конечно, не нуждается в моей защите. Но сегодня, когда все сильнее на него оказывается давление и пока еще скрываемая жажда его отставки заполняет страницы газет и экраны телевизоров, хочется вместе с Сергеем Михайловичем Мироновым еще и еще раз высказать слова поддержки.

Великого человека ненависть врагов делает сильнее, а лицемерная любовь ослабляет.

Анатолий Собчак, предчувствуя сложный характер будущих губернаторских выборов, решил провести их на месяц раньше президентских, а именно 19 мая 1996 года. Для этого должен быть издан соответствующий указ Бориса Ельцина. Указ не заставил себя долго ждать. Анатолий Собчак заявил, что не будет баллотироваться в президенты России. Шансов стать первым лицом в государстве у него не было. Но в Кремле посчитали, что фигура Собчака могла бы негативно отразиться на избирательной кампании самого Бориса Николаевича. И уж точно у них был один электорат, а значит, и голосов не прибавилось бы. Выборы в любом случае выиграл бы Борис Ельцин. Никто бы не отдал власть в Кремле. Потеря Кремля означала для самого Бориса Ельцина, а главное для его окружения, большой судебный процесс.

Но в Кремле были уверены, что вождь коммунистов Зюганов не будет выводить народ на улицы, протестуя против наглой фальсификации президентских выборов. Зюганов комфортно себя чувствует в оппозиции и не готов поставить этот комфорт на карту, как показали еще октябрьские события 1993 года. Поэтому с Зюгановым, реальным претендентом на победу, можно было делать все что угодно. За осталь-

ными кандидатами не стояло сколько-нибудь серьезной силы.

С другой стороны, Анатолий Собчак докучал окружению президента. Он был другим, не их поля ягода, и в своих публичных и непубличных выступлениях не щадил господ Коржаковых и Лужковых. Да и самого Бориса Николаевича раздражало какое-то не такое лицо петербургского градоначальника. Ходит, понимаешь, нос задравши, умничает, нас всех не любит...

244 В иммиграции Анатолий Собчак говорил, что его вынудили перенести выборы с 16 июня на 19 мая. Об этом он написал в своей последней книге «Дюжина ножей в спину». Профессор права лукавил, он так и не смог признать, что эти судьбоносные и для него, и для России впоследствии выборы проиграл именно он, Анатолий Александрович Собчак, и никто другой. Он бы проиграл и 16 июня. Он думал, что для города он настолько яркая, известная на весь мир политическая фигура, что петербуржцы никогда, ни при каких обстоятельствах не проголосуют против него. И серьезных конкурентов в городе, переименованном из Ленинграда в Петербург по его инициативе, у него не может быть. Я знаю, что у Владимира Путина такой стопроцентной уверенности не было, он чувствовал всю сложность будущей избирательной кампании мэра.

Указ президента России должен был быть подтвержден решением Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

И на этом рубеже развернулось первое большое сражение за Анатолия Собчака. Одержать первую победу было непросто, потому что противников переноса выборов среди депутатов имелось достаточно.

Две ведущие фракции — «Коммунисты Ленинграда» и «Любимый город» — были категорически против изменения даты выборов. Руководители этих фракций сами хотели выставить свои кандидатуры, а до 19 мая им было трудно организовать полноценные агитационные кампании. Высказалась против новой даты и влиятельная группа заместителя председателя городского парламента Новоселова.

245

Сергею Миронову предстояло совершить в очень жесткие сроки почти невозможное — собрать кворум и проголосовать квалифицированным большинством депутатов за выборы 19 мая 1996 года. Первые две попытки голосования потерпели неудачу.

— Когда Владимир Яковлев выставил свою кандидатуру, — рассказывает Сергей Миронов, — было решено сдвинуть выборы на месяц, чуть меньше месяца, чтобы Яковлев не сумел провести массированную избирательную кампанию. Тогда мы понимали, что он самый главный кон-

курент Собчака, за ним стоит мощная московская группа товарищей и огромные финансовые ресурсы, часть московской прессы... Нам, чтобы принять этот закон, необходимо было набрать двадцать шесть голосов, у нас было даже больше на одного депутата. Но в регламенте имелась одна норма, по которой решение считается правомочным, если в зале присутствует две трети от избранного числа депутатов. А это тридцать три человека. Присутствие депутатов, как записано в регламенте, определяется по поименной переключке или по электронной регистрации. Тактика наших противников была очень простая. Находиться в зале, но не всем регистрироваться до голосования, чтобы не было кворума.

...Ведет заседание председатель Законодательного собрания Юрий Кравцов. Этот день у нас был последний, чтобы принять закон о дате выборов.

Председатель один раз ставит вопрос на голосование, всего регистрируются двадцать восемь человек, хотя в зале я насчитываю тридцать пять. Второй раз — тот же результат. Юра говорит мне:

— Попробуй ты, у тебя рука легкая. А я пока пойду перекурю.

Я сажусь к микрофону. Наши оппоненты смотрят на меня невозмутимыми, довольными физио-

номиями. Мол, Михалыч, хоть колесом перед нами ходи, хоть танго с Кравцовым в обнимку танцуй, ничего у вас не получится, не на тех дураков напали, будем стоять насмерть! Я объявляю, что мы идем дальше по повестке и голосуем по следующему вопросу.

— Прошу подготовиться к регистрации.

Оппоненты кричат мне хором:

— Мы сейчас регистрируемся, а ты выборы поставишь на голосование.

— Коллеги, — говорю я им, — еще раз прошу зарегистрироваться перед голосованием по закону...

И называю следующий по повестке дня закон.

Тридцать пять человек сигнализируют электронными ключами, что закон принят. Все понимают, что я не собираюсь их обманывать.

А у меня был свой запасной план. Когда-то я хотел им воспользоваться, но отложил до более серьезного дня. Такой день настал сегодня. Этот способ можно было применить только один раз.

«Хорошо, господа-товарищи оппоненты, — сказал я про себя, — сейчас я вам очень сильно испорчу настроение. Так что танго от ярости будете танцевать вы, а не мы».

— Так, коллеги, — говорю я в микрофон, — сейчас я хочу снова попытаться проголосовать закон о назначении даты выборов губернатора Санкт-

Петербурга. Прошу воспользоваться своими ключами...

Депутаты снова оказываются в количестве двадцати восьми человек. Кворума снова нет. Мне приносят распечатку. Я просматриваю ее, поднимаю над головой и вдруг говорю:

— Кроме тех, кто зарегистрировался, я вижу в зале Михаила Пирогова, Александра Щелканова, Анатолия Кривенченко...

Кривенченко олимпийскими прыжками бежит к двери.

— Всего вместе тридцать пять депутатов...
Ставлю на голосование закон.

Двадцать восемь голосуют «за».

Закон принят!

Наши оппоненты ходят колесом и танцуют танго от ярости.

Крик невообразимый.

Ко мне подходит задыхающийся Александр Щелканов. Он еще не отошел от акробатических прыжков и осознания того, что Миронов оставил их всех в дураках.

— А вот руки я вам больше не подам, — говорит он. — Так нечестно, вы нас обманули...

— Незнание регламента не освобождает вас от ответственности за принятое решение, — миролюбиво отвечаю я. — Я не нарушил ни одной нормы. Вот, читайте регламент!

— Мы подадим в суд!

В городской суд я принес стенограмму и регламент. Суд отказал в удовлетворении иска. Так как в регламенте было черным по белому написано: присутствуют в зале.

Это было стопроцентно законное решение, и закон о дате выборов невозможно было опротестовать. Они это поняли и в следующую судебную инстанцию свое заявление не передали.

На другой день Анатолий Собчак пригласил меня к себе в кабинет, который он занимал в Мариинском дворце.

Путин принес ему регламент и объяснил, как я одержал победу.

Он пожал мне руку и спросил:

— Сергей Михайлович, это у вас озарение было или домашняя заготовка, вы, когда регламент составляли, предполагали, что такой случай может произойти?

Мы переглянулись с Владимиром Владимировичем.

— Конечно нет, даже не задумывался. Но это решение мне не в зале пришло в голову, оно было заранее продумано...

— Высший пилотаж! — сказал Анатолий Александрович. — Знаете, мы всегда должны быть безупречными и всё делать по закону. Спасибо вам...

Я вспомнил, как в первый раз увидел Собчака на Дворцовой площади, как он страстно призывал народные массы защитить демократию...

Он тогда был великим. Он вызывал восхищение своей отвагой и борьбой за демократические идеалы всей России...

Через пять лет он жал мне руку и благодарил за помощь. Я подумал, что я чего-то в этой жизни добился...

19

Фронт

Из боковых окон кабинета мэра был виден бронзовый Ленин перед входом в Смольный — резиденцию петербургского градоначальника. Окно в кабинете Мариинского дворца закрывал бронзовый Николай Первый. Царь больше нравился Анатолию Собчаку. К Владимиру Ленину он испытывал политическую неприязнь и успел его убрать из огромного зала Московского вокзала, заменив на Петра Первого. А перед Смольным — не смог. Оказывается, и Ленин может быть произведением искусства. Николай Первый вызывал у него неприятную дрожь. Шесть декабристов были повешены царем без всякого сомнения. Он бы и Собчака с Ельциным повесил через запятую. Пестель, Бестужев... Собчак, Ельцин. А толпу бы

251

расстрелял; тогда бы из пушек, сегодня из танков. Так поступал и Наполеон с роялистами. Так поступали все, кто любил власть больше жизни. Своей и чужой.

Русский царь сантиментов не любил, демократию — власть черни — презирал. Ему хватало одного поэта Пушкина. Чрезмерное увлечение либерализмом рождало в русском государстве великие потрясения...

Анатолий Собчак оторвался от окна. Приемная опустела сразу же, как только сообщили результаты выборов губернатора.

Сергей Миронов через тишину и пустоту приемной вошел в огромный кабинет мэра.

252

Кабинеты у них были рядом. Когда он в десять часов утра, после того как проголосовал за Собчака, приехал в Мариинский дворец, приемная мэра была набита битком.

Как только стало известно о поражении, даже еще чуть раньше, чиновники и соратники мэра вдруг незаметно стали растворяться в воздухе.

И даже секретарь, похоже, оставил свой пост, может быть, потому что за дверями уже не было мэра Собчака, а был лишь гражданин Собчак, формально исполняющий обязанности главы города до вступления в должность губернатора Владимира Яковлева. В его избирательный штаб люди из приемной и переместились. Надо было успеть поздравить нового шефа.

— Жизнь не заканчивается, Сергей Михайлович, — сказал Анатолий Собчак как-то очень просто, по-домашнему, как старому другу, хотя Миرون никогда его другом не был...

Никто не может сказать, что творилось тогда в его душе. Ни Сергей Миронов, ни тем более автор. Что творится в душе политика, пока она еще жива, когда он еще может себе сказать, что жизнь не заканчивается...

Через четыре года жизнь знаменитого политика внезапно оборвалась...

В гробу бледное лицо Анатолия Собчака в Таврическом дворце светилось улыбкой. Кругом толпились и его друзья, и его враги, случайные люди, люди, которым все равно, где толпиться, московские петербуржцы, москвичи, которые вдруг ощутили себя петербуржцами...

253

Они здоровались, жали руки, кивали друг другу, фланировали вокруг гроба, непринужденно болтали в модных траурных костюмах; известные актеры и актрисы, певцы и их продюсеры демонстрировали себя публике и многочисленной прессе...

Были среди них и те, кто искренне переживал внезапную смерть Собчака.

Путин, Миронов... и близкие люди...

Господь забрал его 20 февраля 2000 года, когда вдруг в номере санатория в Светлогорске судоро-

гой сжало сердце и еще один инфарктный рубец лег на эту невыносимо нежную мышцу.

В Таврическом дворце, где когда-то заседала царская Государственная дума, душе Анатолия Собчака на траурной гражданской панихиде все же было, возможно, легче, чем тогда, в кабинете Законодательного собрания.

Народу пришло много. Лучшие люди из правящего класса, вся старая демократическая гвардия провожали его в последний путь.

Он снова оказался в центре внимания... Как он любил. И потом шли и шли петербуржцы, те, кто искренне переживал кончину своего бывшего кумира...

254

А после поражения на выборах он еще долго оказался никому не нужен, обычный Собчак, профессор права...

Такая вот чеховская пауза. В тот день рядом с ним был Сергей Миронов. Потом приехал Владимир Путин из избирательного штаба, сами штабисты, друзья обступили знаменитого на весь мир мэра Санкт-Петербурга, потерпевшего жесточайшее поражение от неизвестного, скромного чиновника из его же администрации...

— Он держал удар, — вспоминает Сергей Миронов. — Видно было, как ему тяжело, как ему трудно дается оставаться спокойным. Он был мужественным человеком.

— Ладно, — сказал он. — Завтра поеду в Москву. В Совет Федерации. Будем там биться за землю, за частную собственность на землю. Это главное. В конце концов это все пройдет, а то, что мы должны сделать... Мы должны сделать!

Политика — не игра. Политика — это жизнь на бочке с порохом. Никто не может знать, когда рванет, но если рванет, то часто можно костей не собрать.

Войти в большую политику просто, а вот потом не многим удастся сохранить себя и остаться не в официальной историографии, а в памяти народа светлым человеком. В политике дьявол дремлет рядом...

Команда Анатолия Собчака в большинстве своем ушла вместе с проигравшим патроном. Любому из заместителей мэра было невозможно себе представить Владимира Яковлева своим начальником. Кроме тех, с кем он любил по вечерам играть в преферанс, и тех, кому все равно, кто является начальником, главное — сохранить доходное место.

Проигрыш Анатолия Собчака на выборах был закономерен. Выборы 1996 года при всех оговорках были честными. Административный ресурс использовался с двух сторон. Армию, милицию, чиновников, студентов... вели к урнам и та, и другая сторона. Но при всех незначительных нару-

шениях две столкнувшиеся силы не имели друг перед другом явного преимущества.

Впервые в новейшей истории России на выборах столкнулись политические группы, которые обе выросли из демократии 1991 года.

Яковлев и те, кто за ним стоял, не были коммунистами или националистами. Собчак и его команда не были стопроцентными либералами. Владимир Путин и Сергей Миронов никогда не страдали от чрезмерного увлечения либерализмом, их всегда объединял прагматический взгляд на задачи времени. Собчак победил бы и двух Яковлевых, если бы не был столь самоуверен и если бы его избирательная кампания велась не столь бездарно и прямолинейно. Хочу напомнить, что тогда в эфире петербургского телевидения прошли дебаты между двумя вышедшими во второй тур кандидатами. Анатолий Собчак, при всех его несомненных ораторских способностях, это сражение не выиграл, а, как ни странно, уступил в словесной баталии своему не очень красноречивому оппоненту.

256

Может быть, эта одна из психологических причин, почему на следующих после 1996 года президентских выборах не проводилось никаких теледебатов между основными конкурентами. А все дебаты между другими конкурентами целенаправленно превращали в фарс разными способами. Уроки проигрыша в 1996 году не забылись...

При Владимире Яковлеве Петербург объявили криминальной столицей России. Хотя это было неправдой. В Москве сосредоточились все финансовые и властные ресурсы. Там криминальный мир и производил передел России, там бились многочисленные, хорошо вооруженные банды, хотя выстрелы эхом отзывались во всех регионах страны.

Криминальная революция, как в конце восьмидесятых и пророчила знаменитая Татьяна Карягина, лишила нарождающийся русский капитализм фундаментальных ценностей. Этот циничный и жестокий зверь еще потребует столь же безжалостного обращения с собой, укрощения с помощью жесткой диктатуры.

257

Российский капитализм, в основе которого лежало криминальное первичное накопление капитала, сам по себе не сможет перенять западные ценности: дух свободы и честной конкуренции. Тотальная коррупция, монополии, невероятное обнищание значительной части населения — вот его современные страшные приметы, вот наследие хаотичной демократии Бориса Ельцина.

В начале 1997 года в Петербурге разворачивается новый передел собственности.

Оппозицию в городе фактически возглавляет Сергей Миронов. Он и его соратники противостоят губернатору Яковлеву и его окружению, чьи имена все чаще начинают появляться в опе-

ративных сводках рядом с авторитетами криминального мира города.

18 августа убивают Михаила Маневича, влиятельного чиновника, члена правительства города, начальника Комитета по управлению государственным имуществом Санкт-Петербурга. В 8.50 утра снайпер с чердака дома 76 по Невскому проспекту из автомата Калашникова расстреливает Михаила Маневича, который из своей квартиры на служебном автомобиле «вольво» направлялся в Смольный. Автомобиль чуть притормозил на повороте на Невский проспект, задержался на какое-то мгновение, и переднее стекло было пробито короткой очередью. Михаил Маневич находился на переднем сиденье, рядом с шофером, получил смертельные ранения в грудь и шею. Через час он скончался в Мариинской больнице. Убийца успел скрыться.

258

На углу дома улицы Рубинштейна и Невского проспекта появилась мемориальная доска. Память об умном и богобоязненном еврее Мише Маневиче, которому чуть-чуть не повезло. Через месяц он должен был уехать в Москву, где его старший товарищ, первый вице-премьер правительства России Анатолий Чубайс, протезировал его на должность министра.

Я знал Мишу Маневича, он не был самым смелым человеком в городе, он не сильно противо-

стоял аппетитам преступных группировок, он был предельно осторожен, но попал в центр конфликта интересов, возможно и сам того не понимая. А тогда самым простым, дешевым и эффективным способом разрешения конфликта был автомат Калашникова, снайперская винтовка или пистолет с глушителем.

Губернатора в городе не было. Я думаю, тогда Владимиру Яковлеву стало очень страшно, потому что и его можно было так же легко расстрелять, когда он утром с улицы Жуковского выезжал к себе в Смольный. Это был сигнал всем, в том числе и Москве. В столице выстрелы в Маневича расценили как вызов им лично и всему демократическому сообществу. Об этом говорил Анатолий Чубайс на траурной церемонии в скорбно-помпезном зале Музея этнографии перед гробом своего товарища.

Наглый расстрел в самом центре города в девять часов утра высокопоставленного чиновника впервые дал понять власти, что и она теперь беззащитна перед криминалом. В стране окрепли и набирают силы параллельные структуры, в которые очень быстро начинает перетекать власть. Они уже решают, как распределять общественный продукт, кому отдать собственность, кому можно вести бизнес, а кто должен уйти. Они собирают параллельные налоги и формируют свои органы контроля и управления. А государство,

как администрация Петербурга, в лучшем случае имеет свой кусочек в том пироге, который делится не в Смольном и не в Законодательном собрании по определенным законом процедурам, публично и гласно, а в тишине бандитских сходняков ворами в законе, авторитетами и ссучившимися милиционерами.

Выбор Борисом Ельциным Владимира Путина был своеобразным ответом бюрократии, беззастенчиво разворовывающей Россию рука об руку с преступным миром.

260 Когда начинают стрелять, как куропаток, твоих высокопоставленных чиновников, губернаторов, депутатов разного уровня, бизнесменов без счета, когда идет странная война в Чечне, а в столице взрывают многоквартирные дома и население уже начинает патрулировать свои подъезды и забивать подвалы кровельными гвоздями, должен появиться тот, кто в силах окоротить этот беспредел и распад всех общественных институтов.

России всегда дается в самую тяжелую минуту великий человек, как во времена смуты Минин и Пожарский...

Борису Ельцину только за Путина можно было бы простить все его загогулины, все то безумие, с которым Россию потрошили даже не капитализмом, а чем-то жутковатым, с сатанинским оскалом во всех своих реформах.

Я искренне пишу эти строки. Как был искренен Сергей Миронов, когда предлагал оставить верховную власть в руках Владимира Путина...

20 ноября 1998 года в Петербурге расстреляли известнейшего петербургского политика, депутата Государственной думы Галину Васильевну Старовойтову.

Галина Старовойтова свою популярность завоевала в конце 80-х годов, став народным депутатом СССР от Армении, тогда еще республики в составе великой державы. Ее демократические взгляды в целом укладывались в ельцинскую политическую платформу. Ее убили двое киллеров на лестнице ее дома в центре Петербурга, недалеко от штаб-квартиры питерского ОМОНа. Тяжело ранен был и ее помощник, но он выжил и стал одним из главных свидетелей обвинения. 6 декабря должны были состояться выборы в Законодательное собрание.

Галина Старовойтова являлась лидером блока «Северная столица», который противостоял про-губернаторским силам в городе. Организаторов и исполнителей арестовали и судили.

На гражданской панихиде в суровом Мраморном зале Этнографического музея выступали очень многие известные политики, общественные деятели, ученые, журналисты, друзья и близкие...

Как вспоминает Сергей Миронов, после Анатолия Чубайса, первого вице-премьера правительства России, слово предоставили ему.

— В эту минуту мне очень стыдно... — сказал он. — Галина Васильевна была настоящим бойцом, смелым, отважным человеком, настоящим патриотом. Она не боялась говорить то, что мы все здесь знаем, но молчим. Она всегда называла вещи своими именами. Мы сегодня живем в бандитском Петербурге, и убили ее бандиты. И все мы знаем, кто сегодня реально управляет городом... Мы молчим, а она не боялась сказать, и вот ее нет...

Один мой знакомый в тот же день пророчил: все, Мироныч, тебе эти слова не простят, считай, что тебя заказали.

262 Кто-то из радиожурналистов дал мои слова в Мраморном зале в эфир. Журналиста на следующий день уволили.

На самом деле в городском парламенте я и мои товарищи противостояли больше даже не губернатору Яковлеву, а его заместителям, среди которых были люди, напрямую связанные с преступным сообществом. Мы им не давали подмять город под себя, руководить парламентом, как администрацией. Именно в это время появилась шутка о ночном губернаторе, от которой тем, кто знал, что происходит в городе, как подчас и кем принимаются важные решения, было не смешно, а сводило скулы от ярости.

Мы бились за каждый законопроект, за каждую строку в бюджете. У нас была возможность

преодолевать вето губернатора. Таким образом мы приняли Устав города в редакции Законодательного собрания.

Очередная выборная кампания в городской парламент началась еще до трагической гибели Галины Старовойтовой. Против меня выставили одного известного телеведущего. Его любили старушки на скамейках и братва на сходнях. Он всем обещал счастливую жизнь и легкую смерть, колбасу, конфеты и макароны... бесплатно. С экрана он уверял, что закатает этого Миронова в первом туре, что я должен от страха залезть под кровать и дрожать как осиновый лист. Он скажет, когда можно будет вылезти. Невероятный был человек, с гигантским самомнением и замашками промотавшего наследство мелкого дворянчика. Ездил он на шестисотом «мерседесе», который ему подарили авторитетные бизнесмены. При этом очень тонко чувствовал народную боль и очень переживал на телеэкране за нищих старушек и стариков...

263

Против меня впервые тогда применили технологию «двойников». Когда кандидатами по моему округу регистрировались люди с точно такими же именем и фамилией.

Листовки против меня не отличались особой оригинальностью. В них писали, что я «крышую» весь строительный бизнес Петербурга, с каждого строящегося объекта мне платят дань, у меня

самого двадцать восемь квартир и настоящая фамилия жены не русская, а еврейская, а я сам являюсь ставленником еврейской мафии.

Листовки разбрасывали ночью. Я и мои товарищи поймали нескольких таких агитаторов. Но уголовные дела на них не завели.

В один из самых тяжелых дней мне позвонила моя знакомая Вера Николаевна Стоминок.

— Хотите, я вас познакомлю с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым? — предложила она.

— Конечно, я всегда мечтал с ним встретиться, — ответил я.

— Он может стать вашим доверенным лицом, — сказала она.

264 — Да, для меня это была бы великая честь, только удобно ли будет так?

— Вы ему расскажете о себе, о своей работе, я думаю, он согласится...

Он обо мне что-то слышал. Скорее всего, это было хорошее мнение. Иначе Дмитрий Сергеевич не стал бы со мной знакомиться. Он пригласил меня к себе. Встретил в прихожей своей обширной петербургской квартиры. Это была небогатая квартира, но в ней ощущалось что-то такое, что заставляло говорить негромко и быть незаметным.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — один из самых известных российских ученых-гуманитариев. В век французских энциклопед-

дистов его назвали бы великим гуманистом, каким он и был. В сталинские времена он отбывал свой срок в самом страшном лагере ГУЛАГа — на Соловках...

Седой высокий старик, когда я вошел в прихожую, попытался помочь мне снять пальто. Это был естественный жест петербургского интеллигента особой генерации. Я бы назвал ее аристократией Петербурга, потому что вежливость, доброта, хорошие манеры, приветливость и чистота в глазах составляли в нем невероятный сплав природных и воспитанных Петербургом качеств. А Дмитрий Сергеевич был самым ярким его представителем.

Я ему все о себе, о своей депутатской работе, о ситуации в городе, об этих выборах... честно рассказал, да с ним по-другому бы и не получилось, он бы почувствовал фальшь или полуправду. Мы пили чай за большим круглым столом.

Его дочь и жена разливали чай по фарфоровым чашкам и с интересом слушали наш разговор. Он вдруг стал вспоминать свое заключение в Соловецком монастыре. Он говорил без всякой злобы и ненависти к советской власти. Меня это поразило. Он рассказывал, что на его глазах там погибло много священников, об этом нельзя забывать, об этом надо напоминать русским людям. Они умирали с верой и молитвой.

В камере он сидел с образованнейшими людьми России. Они его учили и воспитывали как своего друга, товарища и ученика. Многие из них погибли. И об этом нельзя забывать никогда. Он помнит их лица, их голоса, свет их глаз — и эта память дает ему силы работать...

Я был очарован этим великим человеком с невероятно большой душой, которая умела прощать даже своих врагов.

А потом, когда чай был выпит, все слова мною сказаны, он внимательно посмотрел мне в глаза и, взяв бланк со своей фамилией, мелким четким почерком написал на нем: «В избирательную комиссию 12-го округа. Я, Дмитрий Сергеевич Лихачев, даю согласие быть доверенным лицом...»

266

Эти выборы я выиграл...

20

Московское время

Если повернуться лицом к фасаду здания Совета Федерации, то слева, в цоколе соседнего здания, можно обнаружить кафе. Спустившись по ступенькам вниз, пройдя через стойку с витриной в полутемный зал, можно увидеть за столиком четверку еще не старых, но уже и давно немолодых людей.

267

Это мы. Владимир Еременко, Алексей Серов — советники председателя Совета Федерации, Денис Гуринский — издатель и я, тот, кто по ночам отмеряет версты глав этой книги. Они весьма солидные, успешные люди, они знают, как надо брать обстоятельства за рога, как одерживать победу в самых безвыходных ситуациях, и поэтому дают мне очень ценные советы. Как

мне выкрутиться из почти безнадежной ситуации и попытаться написать биографический бестселлер о действующем политике, если этот политик мне нравится и я не испытываю модной ненависти к нынешней власти, то есть невероятные тайны кремлевской жизни и чудовищные преступления проносятся мимо десятитысячного тиража этого фолианта.

Мы пьем кофе, и я внимательно слушаю то, что они мне говорят. Через полчаса мы поднимаемся к Сергею Михайловичу Миронову, и как только я переступаю порог его кабинета, то сразу забываю все советы, они улечиваются из моего сознания. Вкус кофе остается, а слова из полумрака растворяются.

268

Целый час я внимательно слушаю Сергея Миронова, и его слова не растворимы, потому что навечно впитаны в электронную память диктофона. Моего и, возможно, еще одного невидимого собеседника.

— А как назовем книгу? — спрашивает Денис Гуринский. — Хорошо бы как у русских классиков.

Он обычно сам задает вопросы и сам же на них отвечает, исключая право на ошибку у других.

— Если как у классиков, то «Миронов», — просто говорит Владимир Еременко. — Но надо еще и какой-нибудь подзаголовок.

— Красное... — начинаю вслух думать я.

— ...измерение! — восклицает Денис.

— Красное измерение, — пробует на вкус название книги Алексей Серов.

Они погружаются в обсуждение красного цвета.

— А хорошо бы еще и золотом дать, — задумчиво произносит Серов.

Я им завидую, мне надо еще не без таланта написать заключительные главы. А когда остаешься наедине с чистым листом, то как-то все равно, как будет называться книга, главное в эту минуту услышать в глубине себя чей-то тихий голос, который начинает все быстрее и быстрее бормотать текст, и ты только успеваешь окольцевать его живыми словами...

Иногда я с ужасом думаю, а если он перестанет диктовать, мне-то что делать, как мне действовать, как писать в абсолютной тишине?..

— Так как же книга будет называться? — спрашивает Алексей Серов.

— «Из красного измерения», — решаю я.

— Все мы вышли из красного измерения, — заключает Владимир Еременко.

— А сколько сейчас времени? — спрашивает кто-то за соседним столиком.

Мы смотрим на часы.

Московское время 16 часов.

Иногда мне кажется, что они переживают за книгу больше, чем автор, то есть я.

Я поднимаюсь на лифте, прохожу по узким коридорам с дверями кабинетов сенаторов и аппаратных работников, через пост с офицером ФСО, через рамку и жду на мягком кожаном диване в первой приемной. Офицер в штатском с наушником смотрит как бы не на меня и на меня.

Меня проводят в очередной раз через вторую приемную, через двойные двери...

— Сергей Михайлович, здравствуйте!

— Привет.

Мы садимся за длинный стол. Напротив меня седой как лунь Владимир Еременко. А Миронов во главе стола. Он начинает говорить, и я погружаюсь в его жизнь. Я включаю диктофон. И понимаю, что мне не надо ничего больше, никаких усилий, только перенести его голос с электронного прибора на чистую страницу в компьютере.

270

В Петербурге я читаю расшифровку нашей беседы о годах работы в Москве.

И заставляю его голос звучать моими словами, которые с каждой минутой набирают глубину и открывают еще одну дверь, далеко не последнюю, в его замечательной судьбе.

— Смольный стремился всеми способами избавиться от меня. Я и мои товарищи по парламенту доставляли страшную головную боль.

Еще в 1998 году на меня завели уголовное дело, но оно развалилось, не дойдя до суда. Следователь городской прокуратуры оказался принципиальным, честным человеком и высоким профессионалом. Он в последнюю нашу встречу признался мне, что если бы он хоть на йоту сомневался в моей невиновности, если бы не догадывался, что мое дело — очевидный политический заказ, мне бы никакие оправдательные документы не помогли...

Я в этот же год закончил юридический факультет Петербургского государственного университета, одно из лучших высших учебных заведений России. В нашем отечестве без качественного юридического образования нельзя, тем более если ты профессионально занимаешься законотворчеством.

271

Двухлетняя эпопея с выборами руководителями Законодательного собрания завершилась в 2000 году. Я по пакетному соглашению остался заместителем, а председателем был избран Сергей Тарасов.

В 2001 году я после долгих размышлений решил уехать в Москву. В Петербурге мне не оставляли политического пространства. Мне было сложно продолжать борьбу в этих условиях. Почти все мои инициативы и проекты в парламенте блокировались большинством, которое разными способами получил Смольный.

Владимир Путин, премьер-министр правительства России, поддержал идею перейти на работу в Совет Федерации. Сергей Тарасов, спикер Законодательного собрания, тоже был не против. Согласился, чтобы я сменил питерскую политическую прописку, и губернатор Владимир Яковлев.

13 июня 2001 года 43 голосами «за» и пятью — «против» я был избран членом Совета Федерации.

272

Когда я приехал в Москву, то, отработав в Совете Федерации некоторое время, увидел удивительную метаморфозу, произошедшую с губернатором Владимиром Яковлевым. Здесь, в Москве, он стал совсем другим. Он пользовался большим авторитетом среди сенаторов, поддерживал то, под чем я подписался бы без всякого раздумья.

В Петербурге он был моим врагом номер один по любому вопросу городского хозяйства, а здесь я вдруг ощутил его почти соратником. В Совете Федерации он был нормальным государственным чиновником с разумными идеями и правильным собственным мнением, отстаивал не частные интересы, а интересы российского народа, государства...

В столице еще и не такие метаморфозы бывают с людьми.

У меня был огромный опыт вхождения в незнакомую среду, еще с десантных войск. Я не тусовался, а просто начинал работать. А когда лю-

ди вокруг видят, что человек вкалывает с утра до вечера и он полезен, эффективен, через некоторое время они уже не могут без него обходиться. Самая лестная для меня похвала, когда про меня говорят: он — работяга.

Я пошел в Комитет по конституционному законодательству. Через два месяца ко мне обратился его председатель Виктор Васильевич Леонов и сказал без обиняков:

— Иди ко мне замом. Мне такой, как ты, нужен.

Я очень быстро сошелся в комитете с очень разными людьми. Почти все мои друзья и близкие люди остались в Петербурге. А в Москве хороших товарищей было совсем немного. Вот Владимир Владимирович Путин. Мы с ним встречались нечасто, по понятным причинам. А когда встречались, больше говорили о работе. Но ему тоже не будешь рассказывать, как тебе не хватает Петербурга, как ты скучаешь по прежнему укладу жизни, по Неве, по Исаакиевской площади, по тихим дворам, по вечернему Невскому, по петербургским лицам, по ангелу на Александрийской колонне, по своей спальне Гражданке и даже, честно, по своим избирателям, со многими из которых мы стали добрыми знакомыми и старались помогать друг другу...

Поэтому я с головой погрузился в законотворчество, тем более оно всегда увлекало меня, с первых шагов депутата городского парламента.

Я часто выступал на заседаниях комитета, пленарных заседаниях, различных совещаниях, комиссиях, вносил поправки, сам вел разные законы... Через полгода в Совете Федерации я уже чувствовал себя как рыба в воде... Рано утром я вставал с хорошим настроением, потому что меня ожидала работа, которую я любил, которая приносила мне чувство сопричастности к большой и очень важной деятельности по строительству российской государственности. Это не пафосные слова. Это абсолютно честно. Я очень часто чувствовал себя счастливым человеком в этом чужом огромном городе со своим темпом, ритмом жизни, совсем другим, чем в моем родном Петербурге.

В какой-то момент я заметил необычную суету в коридорах, зале, кабинетах, в буфете.

Что-то случилось, подумал я.

Спрашиваю знакомого сенатора, в чем дело, что это у народа, как у мартовских котов, горят глаза. Особенно у некоторых руководителей.

— Ты что, с луны свалился?! Строев уходит, — с удивлением сообщает мне мой знакомый сенатор.

Это было в конце ноября 2001 года. Я пожал плечами, у нас начальников увольняют по десять раз в году...

Народ начинает суетиться еще сильнее. У многих в кабинетах свет до ночи горит, некоторые

сенаторы вдруг обретают смысл своего нахождения в стенах Совета Федерации.

Разворачивается борьба за кресло. Мелькают разные фамилии.

Моя тоже — не часто, но звучит. Я знаю, что Путин держит руку на пульсе. Я спокоен и не обращаю внимания на начинающуюся вокруг меня суету.

Аппаратные люди каким-то десятым чувством определяют реальных претендентов на кресло руководителя.

Я чувствую, что меня стали как-то по-особому отличать от других сенаторов.

Мне звонит Владимир Владимирович:

— Загляни ко мне в Кремль, Сергей Михайлович...

275

Вот, думаю, гвардии старший сержант воздушно-десантных войск, и твой самый главный прыжок в жизни... 30 ноября 2001 года от Рождества Христова.

...Путин рассказал мне о встрече с Егором Семеновичем Строевым. Председатель решил уйти в отставку и предложил несколько кандидатур, среди которых был и я. Путин сказал, что пусть будет Миронов...

5 декабря меня избрали председателем Совета Федерации России.

После Путина меня вызвал Строев, мы с ним проговорили больше двух часов. Он обо мне

слышал, конечно, но от коллег. Ему было интересно, что за человек теперь возглавит верхнюю палату парламента страны...

Вечером после избрания я пришел в мой новый кабинет. Я вдруг вспомнил свою старшую сестру Марину. Она умерла пятого декабря 1993 года.

Марина словно вошла в этот огромный кабинет, невидимая, и я чувствовал, что она счастлива, что гордится мной, что и там помнит обо мне.

Когда мне очень хорошо или накатывает глубокая печаль, я вспоминаю свою старшую сестру. Она ко мне возвращается. И мне становится спокойно. Как в детстве, когда она читала мне книгу в нашей комнатке в коммуналке на улице Красной Артиллерии...

276

Теперь я хотел бы вернуться в 2000 год. Я работал в петербургском штабе кандидата в президенты России Владимира Путина. Штабом руководил ректор Горного института Владимир Литвиненко. Мы работали сутками, как говорили в советские времена — с искренним энтузиазмом. В штабе собрались единомышленники и соратники Владимира Путина, очень много было молодых ребят, студентов, предпринимателей, которые видели в появлении нового лидера России будущие позитивные перемены в работе государственных институтов и в жизни всего нашего народа. В Москве общероссийский штаб возглавлял Дмитрий

Медведев. Он приехал в Петербург, чтобы посмотреть, как у нас все организовано. В Смольном было большое желание штаб с Владимиром Литвиненко и Сергеем Мироновым ликвидировать. Но у них ничего не получилось, потому что мы занимались выборами, а не интригами. Когда мне сказали, что нас хотят закрыть, я был удивлен этим невероятно глупым желанием.

Дмитрий Медведев слушал, спрашивал и не высказывал никаких суждений в наш адрес. У него было непроницаемое лицо. Он держался спокойно, интеллигентно, с чувством юмора и в то же время внимательно выслушивал все то, что мы ему докладывали, было видно, что он ничего не пропускает, никакие, даже мелкие, детали. А за

277

чаем он очень просто подвел итоги своей командировки, заметив, что у нас все толково организовано и каких-то других вводных в избирательную кампанию в родном городе Владимира Путина не будет...

А после, когда он стал руководителем Администрации президента России, мы уже с ним встречались часто и в Кремле, и в правительстве, и в Совете безопасности, на совещаниях различного уровня и просто на встречах в ближнем круге Владимира Путина.

Примерно за год до президентских выборов 2008 года я уже чувствовал, что Владимир Путин, скорее всего, предложит кандидатом в пре-

зиденты страны Дмитрия Анатольевича Медведева. Мы каждую субботу собирались на Совет безопасности. И видя, как проходило обсуждение сложнейших проблем внешней и внутренней политики, как серьезно и глубоко разбирался в них Дмитрий Медведев и как важно для Путина было, чтобы все члены Совбеза слышали точку зрения Медведева, я все больше убеждался в правоте моей интуиции. Когда ему были отданы приоритетные национальные проекты, а это сельское хозяйство, медицина, образование, жилье, и Медведев стал куратором еще нескольких ключевых аппаратных сфер, я уже не сомневался, кого поддержит Владимир Путин. Правда, к лету 2008 года у меня возникли было сомнения, но уже в сентябре я знал окончательно: Владимир Владимирович определился.

Поэтому когда ситуация с публичным представлением кандидата в президенты затянулась, мне позвонил Борис Грызлов, председатель Государственной думы и в то время руководитель партии «Единая Россия», и предложил обсудить эту проблему. Мы пришли в кремлевский кабинет Владимира Путина, захватив Владимира Плотникова и Михаила Борщевского как руководителей аграрной партии и партии «Гражданская сила», и там уже был Дмитрий Медведев, мы сказали, что у нас есть идея выдвинуть кандидатом в президенты от четырех партий Дмитрия

Анатолевича Медведева. Владимир Путин в ответ представил своего кандидата. Мы все не ошиблись в выборе...

Теперь, когда прошел год с момента вступления в должность президента Дмитрия Медведева, я могу сказать, что при всех огромных проблемах в экономике, при очень непростой внешнеполитической обстановке этот выбор был правильным и разумным. А дальше — жизнь покажет...

21

Храм

280 Божественные лики на куполе и стенах выцвели и почернели. Со штукатурки, с огромными проплешинами, изуродованные святые тоже, казалось, смотрели черными от невыносимой тяготы глазами.

Сережа Миронов и два его товарища разожгли в середине Софийского храма костер из разломанных ящиков для боеприпасов. Мины и бомбы ржавели в подвале, притопленные купоросного цвета водой.

Это было необыкновенным чудом... Костер горел как единственная поминальная свеча. Темный дым уносился вверх. А сверху на них кто-то смотрел, на трех мальчишек из Царского Села, теперь названного в честь великого поэта Пуш-

кина. И Саша Пушкин, не раз здесь молившийся перед иконами, может быть, тоже в ужасе и с надеждой глядел на этих ребят с высоты и не мог понять, что должно было произойти с его страной, чтобы довести святые места до такого разорения... И немка Екатерина Великая, которая заложила в этот собор первый камень, не могла уразуметь, кто эти люди, кто эти властители, что превратили молитву в мусор и жгли его здесь, где отпевались души многих и многих героев и простых людей, куда не раз Господь посылал свое утешение и благословение... И не могли осмыслить это кощунство Александр Суворов и Михаил Кутузов, великие русские полководцы, как же можно жить без веры, как же можно осквернять полковой храм славного лейб-гвардии гусарского полка, на чем же тогда будет стоять русское государство и чем вдохновляться русское воинство...

281

Все они собрались здесь и смотрели вниз на вспыхивающий толовым фейерверком костер и пушкинских сорванцов. И их невидимый взгляд дотрагивался до сердец этих пацанов, чтобы потом пробудить в них настоящую веру. Возможно, этого не случилось с двумя из троих. И они никогда не вернулись в свой храм, в свою веру...

Пятикупольный собор — с обваливающимися сводами, черной гарью от сожженного мусора, со сбитыми крестами и расколотыми мрамор-

ными досками с именами русских офицеров, погибших в сражениях, — все равно вызывал в четырнадцатилетнем мальчишке какой-то непонятный трепет и мистический страх.

Разоренный храм хранил капли веры и молитвы сотен русских людей и священнослужителей, которые незримо присутствовали в его высоких сводах и защищали, оберегали мальчишек от трагического взрыва мины или гранаты. Храм словно чувствовал, верил — наступят другие времена, и тот худощавый мальчишка вернется, обязательно вернется, он вернется сюда, в белостенные нефы, под своды восстановленного Софийского собора, во всем своем великолепии и торжестве веры, он вернется через сорок два года. Он, один из руководителей российского государства, обнимется со священником, и отец Иоанн перекрестит его, Сергея Миронова, председателя Совета Федерации, постоянного члена Совета безопасности России, лидера одной из ведущих политических партий.

282

А потом ключник, отец Иоанн, крепкий, плотный молодой человек с черными волосами, увязанными в косичку, в черном облачении, с горящими глазами, расскажет, как настоятель собора отец Геннадий сам выносил мины и снаряды из подвала собора, как складывал в грузовик и уже потом минеры отвозили их на полигон и взрывали.

— Военные отказались нам помогать таскать мины и снаряды. Все эти боеприпасы находились

в воде, в грязи, в любой момент мог сработать детонатор и все взлетело бы на воздух, — говорил ключник Софийского собора. — Отец Геннадий, помолившись, день за днем творил свой подвиг, не считая это подвигом, а просто служением... Вот так день за днем восстанавливался храм, теперь у нас построен и работает дом престарелых в Федоровском городке, пансионат в Погах, воскресная школа на территории собора, фермерское хозяйство... Мечтаем в ближайшем будущем в подвальных помещениях открыть музейную экспозицию и кинозал для демонстрации фильмов духовного содержания...

И в конце он вдруг произнес удивительную фразу:

— Мы — молодое поколение. Мы пришли с немного другим осознанием веры, религии, духовности, а старожилы выстрадали свою веру. Для них горящая свеча в храме — уже чудо!

Это было в марте 2009 года. Вокруг Софийского собора лежал белый, чистый, выпавший ночью снег. Храм гордо нес свои купола в сером небе. А на них, когда вдруг появлялось на мгновение солнце, вспыхивали православные кресты.

Мы стояли с Сергеем Михайловичем Мионовым в центре Софийского собора и говорили о том, что, пока будут жить православные храмы,

будет жива и Россия, пока вера будет наполнять сердца русских людей, страна будет сильной и независимой. Мы сможем преодолеть любые невзгоды, любые испытания и наконец построить государство, в котором удобно, комфортно жить всем ее гражданам, где свобода и права человека не извращены жестокой эксплуатацией государства или частного капитала, где при социальном равенстве есть место частной инициативе и есть желание богатеть вместе со всей страной, со всеми ее гражданами.

— Знаете, — сказал мне вдруг Сергей Мионов, — в основании любой социальной идеи должен стоять Храм.

284

И повторил:

— Идеи — это люди. А в душе должен быть Храм...

И он поднял лицо к сводам главного купола...

А мне вдруг послышался задиристый смех мальчишек. Сорок с лишним лет назад в разоренном коммунистами храме.

Из красного измерения мы уходили в другую, настоящую реальность...

Божья Матерь смотрела с икон Софийского собора. Она благословляла нас светлыми русскими глазами...

Оглавление

Предисловие	5	285
1. Невский проспект	9	
2. Сухое море	15	
3. Город София	25	
4. Золото Пушкина	35	
5. Руки Ираиды	46	
6. Ангел	57	
7. Саблинские пещеры	64	
8. «Il Campanello di notte»	79	
9. Сердце Павловича	91	
10. Хорошая квартира	131	
11. Дело без слов	142	
12. Десять тысяч лет назад	169	
13. Вкус урана	176	

14. Стальная труба	189
15. Мегафон	201
16. Шанс	215
17. Плачущий большевик	226
18. Высший пилотаж	238
19. Фронт	251
20. Московское время	267
21. Храм	280

Литературно-публицистическое издание

Милослав Нарышкин

ИЗ КРАСНОГО ИЗМЕРЕНИЯ
БИОГРАФИЯ СЕРГЕЯ МИРОНОВА

Ответственный редактор *Антонина Балакина*
Художественный редактор *Юлия Прописнова*
Технический редактор *Елена Дубова*
Корректор *Ксения Казак*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 15.05.2009.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12 + 1,26 вкл. Тираж 10 000 экз.
Изд. № 90220. Заказ № .

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
E-mail: secret@amphora.ru

Информационно-издательское агентство
«Петро-Ньюс»

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 495-56-10.

***По вопросам поставок
обращайтесь:***

«Книжный клуб 36.6»

107078, Москва,

Рязанский пер., д. 3

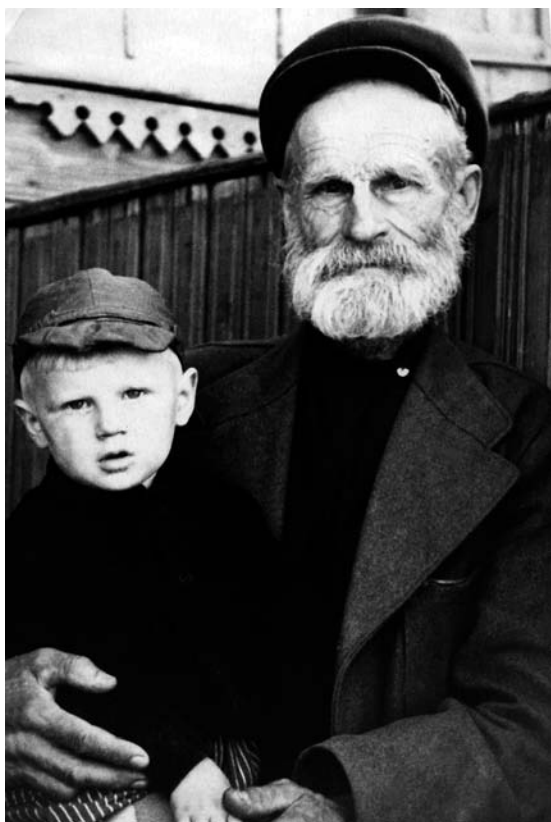
Тел.: (495) 926-45-44

E-mail: club366@club366.ru

Информация в Интернете: www.club366.ru

Серже Миронову шесть лет.
Фото из личного архива

Серже Миронов с дедом.
Фото из личного архива

Сереза Миронов в кругу семьи.
Фото из личного архива

Сереза Миронов первоклассник.
Фото из личного архива

Сергей Миронов новобранец ВДВ.
Фото из личного архива

Гвардии сержант ВДВ Сергей Миронов на учениях.
Фото из личного архива

С. М. Миронов геолог. Тува.
Фото из личного архива

Подготовка геологического оборудования.
Фото из личного архива

Преодоление водного препятствия.
Фото из личного архива

В геологической экспедиции.
Фото из личного архива

В экспедиции.
Фото из личного архива

В пустыне Гоби.
Фото из личного архива

С. М. Миронов спускается с трапа из самолета.
Фото А. Чумичёва

2005 г. Рабочая встреча С. М. Миронова с президентом РФ В. В. Путиным.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов с сыном на рабалке.
Фото из личного архива

С. М. Миронов в Белгородской области.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов с внуками.
Фото из личного архива

С. М. Миронов.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов
в Софийском соборе,
Стамбул.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов в Таджикистане у скульптуры лежащего Будды.
Фото А. Чумичёва

20 февраля 2008 г. Алексий Второй поздравляет С. М. Миронова с вручением ему ордена Сергия Радонежского I степени.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов и Патриарх Кирилл.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов с супругой
в реставрационной мастерской.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов в городской детской поликлинике. Пенза.
Фото А. Чумичёва

Встреча С. М. Миронова
с Папой Римским Иоанном
Паслом II. Ватикан. 2003 г.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов и Константин Райкин.
Фото А. Чумичёва

Гвардии старший сержант ВДВ
С. М. Миронов.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов на одной
из российских подводных
лодок. Камчатка.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов и командир истребителя после удачного полета.
Московская область, г. Жуковский. *Фото А. Чумичёва*

С. М. Миронов на сторожевом катере. Архангельск.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов во время посещения детской комнаты женской
исправительной колонии.
Фото А. Чумичёва

2005 г. Совет Федерации. Беседа С. М. Миронова с президентом РФ
В. В. Путиным. Фото А. Чумичёва

Восьмое января 2008 г. С. М. Миронов во время выступления президента
РФ В. В. Путина в Кремле. Фото А. Чумичёва

2007 г. С. М. Миронов на заседании Совета безопасности.
Фото А. Чумичёва

2008 г. Встреча президента РФ Д. А. Медведева с С. М. Мироновым.
Фото А. Чумичёва

Нью-Йорк. Встреча С. М. Миронова с Генеральным секретарём ООН Кофе Ананом. Фото А Чумичёва

Санкт-Петербург. С. М. Миронов и Генеральный Секретарь НАТО Якоб Альберт Гейсберт де Хооп Схеффер. Интервью российскому радио. 2007 г. Фото А. Чумичёва

Пхеньян. С. М. Миронов и лидер Северной Кореи Ким Чин Ир.
Фото А. Чумичёва

2007 г. Нью-Йорк. С. М. Миронов и Билл Клинтон.
Фото А. Чумичёва

2007 г. Беседа С. М. Миронова со сталеваром на Липецком металлургическом комбинате.
Фото А. Чумичёва

2008 г. Встреча Президента РФ Д. А. Медведева с С. М. Мироновым и лидерами партии «Справедливая Россия». *Фото А Чумичёва*

Совет Федерации. Д. А. Медведев и С. М. Миронов на заседании
Совета законодателей.
Фото А. Чумичёва

С. М. Миронов беседует с рабочим Челябинского трубопрокатного завода.
Фото А. Чумичёва

2008 г.
Космодром Байконур.
С. М. Миронов с членами
российско-американского
экипажа космического
аппарата «Союз ТМА-13»
перед стартом.
Фото А. Чумичёва

